

В книгу вошли материалы, созданные в XX веке и посвящённые одному из самых известных и почитаемых в России православных святых – Сергию Радонежскому. Это такие тексты, как «Сергий Радонежский (в мире Варофоломей)» В. Р-ва, «Краткое житие преподобного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, чудотворца», «Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, чудотворца» Протоиерея С. Покровского, «Один за всех. Повесть о жизни великого подвижника земли Русской» Л. А. Чарской, «Подвиг святого Сергия Радонежского и дело митрополита Сергия» М. А. Каллаш, «Великий печальник земли Русской преподобный Сергий Радонежский» И. М. Концевича, «Сергий Радонежский» В. А. Кучкина, «Сергий Радонежский» А.Е.Петрова. Книга снабжена также предисловием, примечаниями и приложением.

Сергий Радонежский и рус. культура XX в.

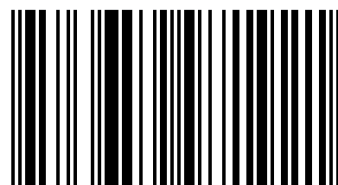

Екатерина Суровцева (ред.)

Сергий Радонежский и русская культура XX века. Сборник материалов

Суровцева Екатерина Владимировна - выпускница математической школы и русского отделения филологического факультета Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии, профессор Российской академии естественных наук.

978-3-659-97192-1

Суровцева (ред.)

 LAMBERT
Academic Publishing

Екатерина Суровцева (ред.)

**Сергий Радонежский и русская культура XX века. Сборник
материалов**

Екатерина Суровцева (ред.)

**Сергий Радонежский и русская
культура XX века. Сборник
материалов**

LAP LAMBERT Academic Publishing RU

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

LAP LAMBERT Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

OmniScriptum GmbH & Co. KG

Bahnhofstraße 28, 66111 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@omniscryptum.com

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-97192-1

Copyright ©

Copyright © 2016 OmniScriptum GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2016

**Сергий Радонежский и русская культура XX века.
Сборник материалов / Составитель, автор предисловия и
примечаний Е. В. Суровцева**

2014 год – 700-летие со дня рождения Преподобного Сергия
Радонежского

2017 год – 595-летие обретения мощей Преподобного Сергия
Радонежского

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
В. Р–в. Сергей Радонежский (в мире Варофоломей)	8
Краткое житие преподобного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, чудотворца	11
Протоиерей С. Покровский. Житие преподобноу и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, чудотворца	20
Чарская Л. А. Один за всех. Повесть о жизни великого подвижника земли Русской	34
Каллаш М. А. Подвиг святого Сергия Радонежского и дело митрополита Сергия	145
Концевич И. М. Великий печальник земли Русской преподобный Сергей Радонежский	154
Кучкин В. А. Сергей Радонежский	165
Петров А. Е. Сергей Радонежский	212
Примечания	285
Приложение	293
1. Дни памяти Сергия Радонежского	293
2. Храмы	293

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1991 году к 600-летию со дня преставления Сергия Радонежского вышло два сборника материалов, посвящённых Преподобному.

Один из них, вышедший в издательстве «Советская Россия», был составлен В. В. Колесовым¹ и включал в себя следующие материалы²:

Епифаний Премудрый. Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена;

Сергия чудотворца, написанное Епифанием Премудрым;

Из сказания о Мамаевом побоище;

Авраамий Палицын. История в память предыдущим родом, да не забвенна будут;

Книга о чудесах Преподобного Сергия. Творение Симона Азарьина;

Екатерина II. О преподобном Сергии. Историческая выпись Екатерины II;

Голубинский Е. Е.. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Лавра;

Зайцев Б. Преподобный Сергей Радонежский;

Федотов Г. Преп. Сергей Радонежский;

Ключевский В. О. Значение Преп. Сергия Радонежского для русского народа и государства;

Флоренский П. Троице-Сергиева Лавра и Россия;

Булгаков С. Мистика и этика православия;

¹ Жизнь и житие Сергия Радонежского. Антология / Сост., послесл., коммент. В. В. Колесова. М.: Советская Россия, 1991.

² Материалы, вошедшие в сборники, перечисляются в том порядке, в котором они даны составителями.

Соловьёв Вл. Что такое Россия.

Второй сборник материалов, появившийся в издательстве «Патриот», был составлен В. А. Десятниковым³ и включал в себя следующие тексты (некоторые тексты в рассматриваемых нами сборниках повторяются):

Леонов Л. Слово о святом Сергии;

Епифаниево житие Сергия Радонежского;

Преподобный Никон, Радонежский Чудотворец;

Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича;

Житие Преподобного Андрея Рублёва;

Задонщина;

Зайцев Б. Преподобный Сергий Радонежский;

Шмелёв И. Куликово Поле;

Солженицын А. Захар-Калита;

Балашов Д. В обители;

Шергин Б. Свет Радонежа;

Митрополит Московский и Коломенский Филарет. Слово по освящении храма Явления Божией Матери Преподобному Сергию, устроенному над мощами Преподобного Михея в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре;

Георгиевский Г. Завет Преподобного Сергия;

Трубецкой Е. Умозрение в красках;

Булгаков С. Благодатные заветы Преподобного Сергия русскому богословствованию;

Флоренский П. Троице-Сергиева лавра и Россия;

Ключевский В. Значение Преподобного Сергия для русского народа и государства;

³ Сергий Радонежский. Сборник / Составитель В. А. Десятников. М.: Патриот, 1991.

Федотов Г. Преподобный Сергей Радонежский;
Лисовой Н. Школа Преподобного Сергея;
Игошев Л. Молитвою вооружив;
Каргалов В. Как это начиналось;
Брюсова В. Деяния Сергея Радонежского в зримых образах
житийных икон;

Игумен Андроник. Воссияет в сердцах;

Лоциц Ю. На полях Жития;

Десятников В. На пути к Троице;

Крупин В. Крест и пропасть;

Солоухин В. Святая святых;

Тюрин Ю. Отче наш, Сергей;

Ганичев В. Пророк и вождь;

Михайлов О. Преподобный;

Лобанов М. С готовностью на дело;

Распутин В. Ближний свет издалека.

Предлагаемая читателю книга призвана дополнить названные нами сборники новыми материалами. Так, в них не вошли такие тексты, как:

Р–в В. Сергей Радонежский (в мире Варофоломей) (1900);

Краткое житие преподобного отца нашего Сергея, игумена Радонежского, чудотворца (1904);

Протоиерей С. Покровский. Житие Преподобноу и Богоносного отца нашего Сергея, игумена Радонежского, чудотворца (1911);

Чарская Л. Один за всех. Повесть о жизни великого подвижника Земли Русской (1912);

Каллаш М. Подвиг Святого Сергея Радонежского и дело митрополита Сергея (1920-е);

*Концевич И. М. Великий печальник земли русской Преподобный
Сергий Радонежский (1314 – 1392) (1952);*

Кучкин В. А. Сергий Радонежский (1992)

Петров А. Е. Сергий Радонежский⁴.

Открывает сборник статья о Сергии из энциклопедического словаря, изданного Ф. А. Брокгаузом и И. А. Ефроном.

Мы приняли решение ограничиться материалами, созданными в XX веке, расположив их в хронологическом порядке. В перспективе мы планируем издать большую антологию, включающую материалы обоих сборников 1991 года, тексты данной книги другие произведения. «Другие произведения» – это жизнеописания Сергия, созданные в XIX веке и принадлежащие перу митрополитов Московских Платона (Левшина) и Филарета (Дроздова), известного церковного историка архиепископа Филарета (Гумилевского), романы Д. Балашова «Похвала Сергию» (1940)⁵ и С. Летуновского, создавшего художественное исследование личности Сергия уже в XXI веке к 700-летию со дня рождения Преподобного⁶. К XXI же веку относится и житие Сергия, составленное А. Марковой⁷. Автор включил в книгу следующие написанные им тексты:

Житие Преподобного Сергия Радонежского;

Прославление Преподобного Сергия Радонежского;

Посмертные чудеса Преподобного Сергия Радонежского;

Свято-Троицкая Сергиева Лавра.

⁴ Тексты Кучкина и Петрова не могли войти в упомянутые нами сборники, так как они вышли в свет в 1992 и 1999 годах соответственно.

⁵ Этот роман мы не включаем в данный сборник не только из-за его объёма, но и потому, что заинтересованному читателю будет нетрудно его найти.

⁶ Летуновский С. А. Вразумитель вождей. Жизнь и подвиги Преподобного Сергия Радонежского. М.: ООО «ИПЦ “Марка”», 2013.

⁷ Маркова А. А. Преподобный Сергий Радонежский. М.: Благовест, 2010.

В данную книгу помещён также акафист Преподобному Сергию и, кроме того, – в качестве приложений – следующие тексты: Архиепископ Никон (Рождественский). Ученики и собеседники Преподобного Сергия; Е. Е. Голубинский. Царские богомольные походы к Троице; Из книги «Преподобный Сергей Радонежский» Б. К. Зайцева.

Отдельный раздел будущего сборника должен включать в себя слова Филарета (Дроздова), посвящённые памяти Сергия⁸.

Особо отметим необходимость привлечения биографии Сергия, написанной Б. Борисовым⁹.

Мы предполагаем, что надо будет в отдельный раздел собрать все тексты о Дмитрие Донском и о Куликовской битве¹⁰ (включая, например, романы о нём С. Бородина, Ю. Лошица и других).

Таким образом, изучение места Преподобного Сергия Радонежского в русской культуре будет продолжено.

Я хочу поблагодарить учащихся филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова студентку Марию Минину и магистрантку Елену Викторовну Жуйкову за неоценимую помощь в подготовке текстов краткого жития Сергия и статьи А. Е. Петрова к печати.

⁸ Святитель Филарет, Митрополит Московский и Коломенский. Да подражаем его вере: Слова, посвящённые памяти Преподобного Сергия, с приложением молебственного канона Преподобному Сергию, печатаемого по рукописи середины XVIII-го в. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002.

⁹ Борисов Б. Н. Сергей Радонежский. Серия «Жизнь замечательных людей». 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009.

¹⁰ О Куликовской битве см.: Куликовская битва. Сб. статей. М., 1980; На поле Куликовом: Рассказы русских летописей и воинские повести XIII – XV веков. М., 1980; Памятники Куликовского цикла / Составители А. А. Зимин, Б. М. Клосс, Л. Ф. Кузьмина, В. А. Кучкин. СПб., 1998; и др.

В. Р–В.

**СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ (В МИРЕ
ВАРОФОЛОМЕЙ)**

– святой, преподобный, величайший подвижник земли русской, преобразователь монашества в северной Руси. Происходил из знатного рода: родители его. Кирилл и Мария, принадлежали к ростовским боярам и жили в своём поместье недалеко от Ростова, где и родился Сергей в 1314 г. (по другим – в 1319 г.). Сначала обучение его грамоте шло весьма неутешно, но потом, благодаря терпению в труду, он успел ознакомиться с Священным Писанием и пристрастился к церкви и иноческому житию. Около 1830 г. родители Сергия, доведённые до нищеты, должны были покинуть Ростов и поселились в городе Радонеже (54 версты от Москвы). После их смерти Сергей отправился в Хотьково-Покровский монастырь, где иночествовал его старший брат, Стефан. Стремясь к «строжайшему монашеству», к пустынножитию, он оставался здесь недолго и, убедив Стефана, вместе с ним основал пустынь на берегу реки Кончуры, посреди глухого Радонежского бора, где и построил (около 1335 г.) небольшую деревянную церковь во имя св. Троицы, на месте которой стоит теперь соборный храм также во имя св. Троицы. Вскоре Стефан покинул его; оставшись один, Сергей принял в 1337 г. иночество. Года через два или три к нему стали стекаться иноки; образовалась обитель, и Сергей был её вторым игуменом (первый – Митрофан) и пресвитером (с 1354 г.), подававшим всем пример своим смирением и трудолюбием. Постепенно слава его росла: в обитель стали обращаться все, начиная от крестьян и кончая князьями; многие селились по соседству с нею, жертвовали ей своё имущество. Сначала

терпевшая во всём необходимом крайнюю нужду, пустынь обратилась в богатый монастырь. Слава Сергия дошла даже до Царьграда: патриарх константинопольский Филофей прислал ему с особым посольством крест, нараманд, схиму и грамоту, в которой восхвалял его за добродетельное житие и давал совет ввести в монастыре строгое общежитие. По этому совету и с благословения митрополита Алексея, Сергий ввёл в монастыре общинножительный устав, принятый потом во многих русских монастырях. Высоко уважавший радонежского игумена митрополит Алексей перед смертью уговаривал его быть ему преемником, но Сергий решительно отказался. По словам одного современника, Сергий «тихими и кроткими словами» мог действовать на самые загрубелые и ожесточённые сердца; очень часто примирял враждующих между собою князей, уговаривал их подчиняться великому князю московскому (напр. ростовского князя – в 1356 г., нижегородского – в 1365 г., рязанского Олега и др.), благодаря чему ко времени Куликовской битвы почти все русские князья признали главенство Дмитрия Иоанновича. Отправляясь на эту битву, последний, в сопровождении князей, бояр и воевод, поехал к Сергию, чтобы помолиться с ним и получить от него благословение. Благословляя его, Сергий предрёк ему победу и спасение от смерти и отпустил в поход двух своих иноков, Пересвета и Ослябю. Приблизившись к Дону, Дмитрий Иоаннович колебался, переходить ли ему реку или нет, и только по получении от Сергия ободрительной грамоты, увещавшей его как можно скорее напасть на татар, приступил к решительным действиям. После Куликовской битвы великий князь стал относиться ещё с большим благоговением к радонежскому игумену и пригласил его в 1389 г. укрепить духовное завещание,

узаконившее новый порядок престолонаследия от отца к старшему сыну. В 1392 г., 25 сентября, Сергей скончался, а через 30 лет были обретены нетленными его мощи и одежды; в 1452 г. он был причислен к лику святых. Кроме Троице-Сергиева монастыря, Сергей основал ещё несколько обителей (Благовещенскую на Киржаче, Борисоглебскую близ Ростова, Георгиевскую, Высотскую, Галутвинскую и др.), а его ученики учредили до 40 монастырей, преимущественно в северной Руси.

См. «Преп. Сергей Радонежский. По поводу 500-летия со времени его блаженной кончины» («Христианское Чтение», 1892, № 9 – 10); «Жизнь и труды преп. Серия Радонежского» («Странник», 1892, № 9); А.Г–в, «О значении преп. Серия Радонежского в истории русского монашества» («Чтения в Обществе Любителей Духовного Просвещения», 1892, № 9); Е.Голубинский, «Преп. Серий Радонежский и созданная им Лавра» (Сергиевский Посад, 1892); «Жизнь и чудеса преп. Серия Радонежского» (М., 1897, 5-е изд.); В. Эйнгорн, «О значении преп. Серии Радонежского и основанной им обители в русской истории» (М., 1899, 2-е изд.).

КРАТКОЕ ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО СЕРГИЯ, ИГУМЕНА РАДОНЕЖСКОГО, ЧУДОТВОРЦА

Пути праведных подобие свету¹... – говорит премудрый Соломон. И действительно они светлы, но для тех ревнителей благочестия, которые вспоминают подвиги праведников с искренним желанием подражать житию оных. Таковые люди, изучая деяния святых, озаряются светом богопознания и восходят к духовному совершенству – благодатному соединению с Богом. С таким-то намерением и предлагается здесь краткое воспоминание о богоугодной жизни преподобного отца нашего Сергия. Будем же внимательны, братья, к сему повествованию, предлагаемому для нашего назидания и спасения.

Угодник Божий, преподобный Сергий, родился в одном селении близ города Ростова Великого в 1314 году от родителей благородных и благочестивых, Кирилла и Марии, и наречён был во святом крещении Варфоломеем. Ещё от утробы матери Бог предзнаменовал будущую судьбу Своего избранника таким чудным явлением: в один нарочитый день мать его, во время чревоношения, находилась в храме Божиим на божественной литургии, в это время, пред чтением Евангелия, младенец вдруг вскричал у неё во чреве. Таковой необычайный голос слышали и другие, стоявшие около матери. Во время Херувимской песни вторично вскричал младенец. А когда священник возгласил: «Святая святым», то младенец вскричал в третий раз. По сему необычному явлению все слышавшие заключили,

¹ Прем. 4, 18

что этот младенец будет истинный служитель Святой Троицы и великий светильник миру.

По рождении младенца опять заметили в нём нечто необыкновенное: когда мать вкушала тучную пищу, то младенец не принимал от неё молока и оставался без пищи. То же самое проявлял в каждую среду и пяток. Всё это служило знамением будущего поста и воздержания, которые будет иметь младенец, пришедши в возраст. Таковые необычайные явления не прекращались и во дни отрочества святого Варфоломея. Будучи воспитываем родителями в добром наказании и страхе Божиим, он был отдан в научение книжное, но вначале отрок не проявлял природных способностей к познанию преподаваемого ему учения, о чём немало скорбели его родители, равно и он сам. Но при этом случилось нечто промыслительное и чудесное. В летнее время отрок Варфоломей, находясь вне родительского дома, увидел незнакомого ему старца-черноризца, стоящего под деревом на молитве. Варфоломей стал вблизи его, ожидая конца молитвы. Когда же старец окончил молитву, отрок поклонился ему до земли, а старец спросил его: «Что тебе надобно, чадо?» Варфоломей отвечал: «Я учусь грамоте и не могу понимать оную; помолись за меня Богу, отче святыи, дабы я мог понимать изучаемое». Старец прочитал молитву и благословил отрока, дав ему при этом часть просфоры, и сказал: «Сие даётся тебе в знамение благодати Божией к уразумению преподаваемого тебе учения». С того времени отрок Варфоломей получил благодатный дар к научению книжному. После этого он прилежно начал изучать слово Божие, всем усердием прилепился к церковному богослужению. А таковое упражнение вселило в сердце его страх Божий – почему отрок

Варфоломей превосходил своих сверстников разумением книжного учения и благонравием своего жития.

Ещё во дни отрочества Варфоломея родители его переселились из города Ростова в Радонеж, где отрок окончил своё учение и приготавливался к обычным занятиям и домашним трудам. Когда же пришёл в юношеский возраст, то усердно стал служить своим родителям, покоя их старческую немощь. По смерти же родителей своих он передал часть своего наследства младшему брату своему Петру, а некоторую часть раздал нищим и бедным; сам же избрал себе уединённое житие во глубине радонежских лесов, где и скрылся от мира, дабы в безмолвии работать Господу – ради спасения души своей. К нему присоединился и старший брат его Стефан, уже будучи в то время иноком. Призвав Бога на помощь, они начали рубить лес и сами носили брёвна на то место, где ныне существует святая Лавра. Сперва устроили себе палатку, потом келлию, а близ неё малую церковь, которая, по благословию всероссийского митрополита Феогноста, и была освящена во имя Святой Живоначальной Троицы.

По освящении церкви Варфоломей (будучи 24-х лет) призвал к себе некоего игумена Митрофана, саном пресвитера, и просил у него себе монашеского пострижения. Игумен согласился на его просьбу и 7 октября, на память святых мучеников Сергия и Вакха, совершил пострижение, причём наименовал юного отрока Сергием.

По пострижении игумен Митрофан недолго оставался с новопостриженным иноком; поучив его правилам безмолвной жизни, он оставил его пребывать в уединении. Но преподобный Сергий, как светильник, поставленный на свещнике, не мог укрыться под спудом уединения и безмолвия. Слава о богоугодном житии его распространилась далеко в окрестных местах, почему начали

приходить к нему желающие безмолвствовать Бога ради; преподобный, помня слова Христовы: «... грядущаго ко Мне не изжену вон»², начал принимать к себе желающих подражать ему в подвигах благочестия и не возбранял селиться вокруг его келлии. Таким образом, близ храма, устроенного Сергием, составилаь малая киновия. Но у них не было игумена, ибо все братия имели особножитное пребывание. Хотя братия и просили преподобного Сергия быть у них игуменом, но он не соглашался на просьбу их. В то время в городе Переяславле-Залесском жил наместник всероссийского митрополита преосвященный Афанасий, епископ Волынский, который (по просьбе братии) убедил преподобного Сергия смиренно покориться избранию их. Он призвал Сергия в Переяславль, где и рукоположил его во диакона, а на другой день во пресвитера и затем поставил во игумена. Принявши благодать рукоположения, преподобный Сергей ежедневно совершал божественную литургию, причём для всякого молитвословия являлся в церковь прежде всех. Равно и в келейных делах по-прежнему продолжал служить братии: рубил дрова, носил воду, делал свечи, варил кутию, а особенно просфоры для бескровного жертвоприношения Богу – всегда приготавливал сам. Одежду носил ветхую, негодную, покрытую заплатами и трудовым потом.

При таком трудолюбии, глубоком смирении и безмолвном житии он постоянно занимался чтением слова Божия и молитвою, почему Господь и удостоил его благодатных даров прозрения и чудотворения. Между многими упомянем о некоторых: так он сподобился утешительного видения, которое пророчески предзнаменовало будущую судьбу вручённых ему словесных овец. Однажды в

² Ин. 6, 37

глубокий вечер, стоя на обычном молитвенном правиле, он возносил молитву о своих духовных чадах и в это время услышал голос, зовущий его: «Сергий!» Старец изумился необычайному зову в ночное время. Сотворив молитву, он открыл окно своей келлии, причём внезапно увидел чудное явление: воссиял с неба великий свет, так что ночная тьма рассеялась при обилии света; здесь опять повторил ему тот же голос: «Сергий! Ты молишься о чадах своих, Господь принял молитву твою!» При сём увидел преподобный множество прекрасных птиц; затем голос продолжал: «Так умножится число учеников твоих, и после тебя не оскудеют последующие стопам твоим». Преподобный Сергий, будучи утешен таковым видением, приложил ещё большее попечение и заботу о том, дабы молитвенное правило, строгий чин богослужения и хозяйственный порядок процветали в его обители.

Желая, чтобы благословение Божие над Лаврою, доставляющее инокам утешение в изобилии, служило бы к умножению благословения, преподобный ввёл в обители своей странноприимство, питание нищих и подавание просящим. Странные, нищие и больные всегда находили в ней упокоение и довольство.

Когда таковой светильник добродетели обильно сиял светом душеспасительного подвижничества в пустыне, а сама пустыня его процветала, яко крин, тогда слава о нём достигала самых далёких стран. Сам державный князь и митрополиты московские великую имели веру и глубокое уважение к преподобному Сергию, как об этом говорит нам предлежащее слово.

Святитель Алексей, митрополит Московский, чувствуя приближение своей кончины, призвал к себе преподобного Сергия и увещевал его принять сан епископский, дабы он мог со временем быть

его преемником на Московской митрополии, но преподобный с твёрдостью отказался, не почитая себя достойным быть такого сана. «Прости мне, владыко святой, – отвечал преподобный, – ты желаешь возложить на меня бремя выше меры моего достоинства. Ибо кто я? Недостойный и худейший паче всех человек!» Святитель Алексей, видя глубокое смирение преподобного, не настаивал на исполнении своего желания, но отпустил его с миром в обитель.

Во дни великого князя Московского Димитрия Иоанновича, грех ради человеческих, Господь попустил великую скорбь на предков наших. Князь ордынских татар – Мамай – подвиг всю великую Орду на землю Русскую, и ужасом объята была (в то время) вся Русь. Князь же Димитрий, имея великую веру к святому старцу Сергию и признавая в нём дар прозорливости, пришёл к нему в обитель и спросил его, советует ли он идти ему в поход против безбожных татар. Преподобный благословил державного на ратный подвиг, вооружил его молитвою и сказал: «Должно тебе, государь, попещись о вручённом тебе от Бога христоименитом стаде. Иди против безбожных татар; с помощью Божией получишь победу и возвратишься с великими похвалами с поля брани». Дал при этом преподобный ему двух иноков из своей братии: Пересвета и Ослябю. Готовящихся же идти на брань воинов преподобный призывал мужественно стоять против врагов; и князь, напутствуемый молитвами преподобного, одержал знаменитую Куликовскую победу, ставшую началом освобождения России от ига татарского.

Самой высшей наградой и благодатным утешением для преподобного Сергия было чудное видение, которого он удостоился. Однажды в глубокую ночь он пел акафист пред иконою Богоматери и, взирая на Её образ, молился со слезами: «О Пречистая Мати Христа

Бога моего, Ты Заступница и крепкая Помощница роду человеческому, присно молящаяся за нас, недостойных, Сыну Своему и Богу нашему! Моли Его, да призрит на святую обитель сию и на братию, собранную в похвалу и честь святому имени Его во веки!» Сотворив молитвенное правило, он сел немного отдохнуть; но вдруг сказал ученику своему, по имени Михай: «Бодрствуй, чадо, мы будем иметь чудное посещение». Едва проговорил он сии слова, как услышал голос: «Се Пречистая грядёт!» Святой Сергей поспешил из келлии своей в сени, и внезапно осенил его свет великий, паче солнечного; он узрел Преблагословенную Деву Марию, сопровождаемую апостолами Петром и Иоанном. Преподобный пал ниц на землю, но благословенная Матерь прикоснулась к нему и сказала: «Не бойся, избранниче Мой, Я пришла посетить тебя, ибо услышана бысть молитва твоя. Не скорби и о учениках твоих, о которых ты молишься; не только во дни твоей жизни, но и после твоего отшествия к Богу Я неотступна буду от обители твоея, неоскудно подавая ей всё потребное и покрывая её в нуждах». Такое чудное видение было как бы последнею наградою в его земной жизни за труды и подвиги, подъятые во славу Божию, ибо он, будучи славный высокими подвигами благочестия, ещё украшен был и даром прозорливости. Нередко предсказывая людям будущее как настоящее, преподобный Сергей за шесть месяцев провидел своё отшествие к Богу на вечный покой. Поболев довольное время и причастившись святых тайн, он преставился от жития сего в 1392 году, 25 сентября. Жил на земле семьдесят восемь лет.

Вся жизнь преподобного Сергия свидетельствует о его высоких подвигах и святости. Особенное благоговение к нему выражается в следующих словах, истекающих из уст жизнеописателя его.

«Принесите мне, – говорит он, – жизнеописания древлепрославленных угодников Божиих – и увидим на истине, яко ни в чём не уступает он святым мужам, древле просиявшим. Ибо и сам он был подвижником благочестия, и пустыню наполнил добродетелями многих учеников своих, в посте и безмолвии просиявших. Мы же похваляем его не как требующего похвал, но просим только – да помолится о нас к Богу сей истинный подражатель Христов».

Чрез тридцать лет после преставления преподобного Сергия были обретены нетленные святые мощи его при следующих обстоятельствах.

Некий человек, имевший великую веру к преподобному и живший около обители его, часто приходил молиться на гробе его. Видя совершающиеся чудеса от мощей его, время от времени он проникался тёплой любовью к нему. Однажды в сонном видении явился ему преподобный Сергий и сказал: «Иди скажи игумену и братии, зачем они оставляют меня столько времени под землёю, где тело моё утесняется водою?» Воспрянув от сна, будучи исполнен страхом и радостью от чудесного видения, он поспешил возвестить преподобному игумену Никону, а игумен объявил сие видение всему братству. Вскоре далеко распространилась слава об этом по всей окрестности. После чего стеклись в обитель Сергиеву не только простолюдины, но и святители и державные князья. Пришёл и благочестивый крестник преподобного Сергия, воспринятый им от святой купели, христолюбивый князь Георгий Димитриевич, в отчине коего находилась и обитель преподобного Сергия. При нём священный собор приступил к открытию чудотворного гроба Сергиева, и внезапно пролилось благоухание великое. При этом

явилось зрелище, достойное удивления: не только сохранилось целым честное тело, но и к одеждам его не прикоснулось тление, хотя с обеих сторон гроба, видимо, стояла вода, не дерзнувшая, однако, прикасаться к преподобному. Видевшие прославили Бога за такое явление чудодейственной силы Божией.

Переложив честное тело преподобного в новую раку, они совершили радостный праздник, в 5-й день июля месяца 1422 года, прославляя Бога дивного во святых Своих.

Ему же и от нас да будет честь и слава во веки веков. Аминь.

ПРОТОИЕРЕИ С. ПОКРОВСКИЙ
ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОЮ И БОГОНОСНОГО
ОТЦА НАШЕГО СЕРГИЯ, ИГУМЕНА
РАДОНЕЖСКОГО, ЧУДОТВОРЦА

Память его 25 сентября (8 октября) и 5 (18) июля

Преподобный и Богоносный отец наш Сергей родился в 1314 году от Рождества Христова в городе Ростове от благочестивых родителей Кирилла и Марии. По рождении он был назван Варфоломеем. От дня рождения сей дивный младенец по средам и пятницам не вкушал никакой пищи. Это было началом великого воздержания и поста, которые потом он показал в совершенном возрасте. Когда же ему исполнилось семь лет от рождения, он начал учиться грамоте, но учение, несмотря на все его старания, не давалось ему из-за плохой памяти. Это очень огорчало Варфоломея. Однажды, любя уединение и безмолвие, он пошёл в лес и там увидел некоего инока, который стоял на молитве. Варфоломей приблизился к нему и остановился, ожидая, когда он кончит молитву. «Что надо тебе, чадо?» – спросил его инок. «Отдан я, отче, учиться грамоте, – отвечал отрок, – и плохо понимаю то, что говорит мне мой учитель. Об этом я очень скорблю и не знаю, что мне делать. Умоляю тебя, помолись за меня Богу, чтобы Он по молитвам твоим вразумил меня». Инок помолился, благословил его и сказал: «Отныне, чадо, да даст тебе Бог понять всё, что нужно для тебя, чтобы ты мог потом и других научить». После сего он начал быстро преуспевать в учении.

Возрастая телом, он в то же время возрастал и духом: любил пост и воздержание, избегал обыкновенных детских игр, прилежно читал

слово Божие, научаясь той премудрости, начало которой есть страх Божий, и, таким образом, восходя от силы в силу, возрастал в мужа совершенна.

С течением времени родители его переселились из города Ростова на место, называемое Радонеж. По переселении сюда они вскоре умерли, оставив ему большое наследство. Раздав всё бедным и не оставив ничего себе, он удалился в пустыню, построил там хижину и, пребывая в ней, весь отдался духовным подвигам и непрестанной молитве Богу.

Через несколько времени пришёл к нему в пустыню один инок, по имени Митрофан, от которого Варфоломей принял пострижение в монашество с именем Сергий, имея от роду 23 года. Несколько дней пробыл инок с Сергием и потом сказал ему: «Чадо, я уйду отсюда, предав тебя в руки Божий», – а провидя будущее, прибавил: «На сём же месте будет некогда великая и славная обитель». Сказав это, инок помолился и ушёл. Оставшись один, Преподобный Сергий продолжал подвизаться в благочестивой жизни, умерщвляя плоть свою постоянным бодрствованием, постом и различными трудами. В зимнее время, когда от морозов расседалась земля, он, как бы бесплотный, не защищал себя одеждою от холода. Не терпя его подвигов, бесы старались прогнать его с того места. Являясь ему в образе зверей или змей, они со всей свирепостью устремлялись на него, чтобы утратить его. Преподобный молитвой прогонял их от себя и страх, навводимый ими на него, побеждал великодушием. Однажды ночью целый полк бесовский сделал нападение на него, и бесы с великой яростью кричали ему: «Уйди из сего места, уйди, чтобы не погибнуть тебе!» И когда они говорили это, большой пламень исходил из уст их. Он же, вооружившись молитвою, прогнал

их и не чувствовал никакого страха, поя и слава Бога. Скоро слава о нём начала распространяться повсюду, и многие из окрестных городов и селений, ради пользы духовной, начали приходить к нему, а иные даже желали жить вместе с ним, чтобы пользоваться его наставлениями.

Преподобный с любовью принимал всех приходящих к нему. Сначала он построил небольшой храм, который был освящён во имя Святой Троицы, по повелению митрополита Московского Феогноста, а потом устроил монастырь, который в настоящее время называется Троице-Сергиевой Лаврой. По усиленной просьбе собравшихся к нему иноков, он принял священный сан, быв рукоположен в него епископом Афанасием, и начал мудро пасти вверенное ему словесное стадо Христово. По принятии Преподобным священного сана диавол снова начал свои нападения на него. Преобразившись во множество змей, он вошёл в его келлию, так что вся она наполнилась змеями. Преподобный начал молиться, и бесы, подобно дыму, исчезли. С этого времени ему дана была от Бога власть над духами нечистыми, и они уже не смели приближаться к нему. Слух о нём продолжал распространяться всё более и более и достиг даже отдалённых мест. По слуху пришёл к нему из Смоленска один архимандрит, именем Симон, который принёс с собой большое богатство и вручил его Преподобному, с тем, чтобы он построил более обширный храм, и самого себя отдал в полное послушание ему. При помощи Божией, на эти средства Преподобный Сергей скоро построил большой храм и распространил монастырь.

Однажды в монастыре случился недостаток в пище, и иноки, пробыв без неё три дня, предались великой скорби. По уставу же Преподобного, никто из них не мог выходить из монастыря, и даже

для того, чтобы попросить себе хлеба у мирян. Иноки, мучимые голодом, начали роптать на него: «До каких же пор ты будешь возбранять нам выход из монастыря? Потерпим ещё одну ночь, – говорили они, – а завтра уйдём отсюда, чтобы не умереть нам от голода». Преподобный утешал их, представляя им примеры из жизни святых Божиих, которые ради Господа терпели много скорбей, и в том числе голод, жажду и наготу. Утешая их, он указывал им на Промысл Божий, приводя слова Христовы: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, ни жнут, ни собирают в житницу, и Отец ваш Небесный питает их...» (Мф. 6, 26). «Если Бог питает птиц небесных, – говорил он, – то неужели Он не может напитать нас? Ныне настало для нас время терпения, а мы явились нетерпеливыми, не желая перенести кратковременного искушения, случившегося с нами. Если бы мы благодарно приняли его, то это принесло бы нам великую пользу. Ныне у нас на малое время случилось оскудение, а завтра будет изобилие всех благ». И это предсказание Преподобного исполнилось. На другой день рано утром в монастырь прислано было одним неизвестным благодетелем множество печёных хлебов, рыбы и иных различных приготовленных яств. «Один христолюбец, – сказали принёсшие пищу, – прислал с нами всё это авве (отцу) Сергию и живущим с ним братьям». Пищи этой было принесено так много, что после трапезы осталось ещё на несколько дней. «Видите, – сказал Преподобный братии, – и подивитесь, – как Бог награждает за терпение, ибо Он не забывает убогих Своих до конца и никогда не оставит сего святого места и живущих в нём рабов Своих, служащих Ему день и ночь».

Преподобный Сергий, придя в пустыню, не без намерения поселился вдали от воды, а ради умножения труда, чтобы ношением

воды утруждать своё тело. Когда же, по изволению Божию, в этом безводном месте умножилось число иноков и устроился монастырь, то отсутствие воды стало представлять много затруднений и неудобств. Поэтому многие из иноков начали роптать за это на Преподобного и говорили: «Зачем он избрал для себя это безводное место и для чего устроил здесь монастырь?» Преподобный на это отвечал им: «Я, братие, сначала хотел один жить тут в безмолвии, но так как Богу угодно было, чтобы на сём месте был монастырь, то Он даст и воду, только не изнемогайте в терпении, а с верою молитесь Ему. Если непокорным людям Он некогда источил из камня воду в пустыни, то тем более не оставит без воды вас, трудящихся ради Него». После сего, взяв с собою одного из иноков, он тайно пошёл в одно место, которое было недалеко от монастыря и где никогда не было воды. Придя туда, он увидел на земле небольшое углубление, наполненное дождевой водой, и, преклонив колена, начал усердно молиться Богу. И вдруг, по его молитве, на этом месте образовался большой источник воды, который существует и доныне, и многие, с верою и благоговением почерпающие воду из него, получают различные исцеления

Преподобный совершил много и иных различных чудес. Он даже воскрешал мёртвых. Некоторый человек, живший близ монастыря, имел единственного сына, который сделался болен, и он понёс его к Преподобному для исцеления. Больной отрок дорогой умер, и отец неутешно оплакивал его. Преподобный, увидев слёзы отца, сжалился над ним и, помолившись, воскресил умершего отрока.

Различные чудеса, совершаемые Преподобным, прославили его. Князя, бояре и люди простые из разных городов и стран во

множестве приходили к Преподобному для того, чтобы только увидеть его и насладиться беседой с ним.

Один поселянин-земледелец из отдалённой страны, слыша много о Преподобном Сергии, пожелал видеть его и, придя в его монастырь, спросил: где он находится? Преподобный в это время был в саду и копал землю. Узнав о сём, поселянин пошёл в сад, и, увидя там старца в поношенной и худой одежде, копающего землю, подумал, что его обманули, ибо надеялся видеть Преподобного в великой славе и почести. Вернувшись оттуда, он опять стал спрашивать о Преподобном «Покажите его мне, – говорил он, – ибо я пришёл издалека, чтобы видеть его!» Ему сказали, что он уже видел его в саду. В это время Преподобный возвращался из сада. Поселянин, увидя его, отвернулся, чтобы не смотреть на него, и думал про себя: какого большого труда стоило мне прийти сюда, и мой труд оказался напрасным, потому что я надеялся видеть Преподобного, о котором так много слышал, в великой славе и почести. Преподобный, узнав его тайные мысли, позвал его к себе, обласкал, предложил ему пищу и сказал: «Не скорби, ибо скоро увидишь того, кого желаешь видеть!» Сейчас же после этих слов Преподобный получил известие о том, что к нему идёт один из великих князей. Он тотчас встал и вышел навстречу князю, который шёл со множеством своих слуг. Князь, увидев его, приблизился к нему и поклонился до земли, прося благословения у него. Он благословил его и с подобающей ему честью принял его к себе. Князь и Преподобный сели и начали беседовать, а все прочие почтительно стояли около них. «Кто этот старец, который беседует с князем?» – спросил поселянин одного из слуг князя. «Святой Сергий», – отвечал ему слуга. Получив такой ответ, поселянин начал укорять себя за то, что он ранее не поверил

тем, которые говорили ему о Преподобном, не воздал ему должной чести и очень был пристыжен всем происшедшим при нём. Когда князь оставил монастырь, поселянин приблизился к Преподобному, стыдясь смотреть на лицо его, пал к его ногам и просил прощения в своём грехе против него. Преподобный с любовью, утешая его, сказал ему «Не скорби, чадо, потому что ты один истинно думал о мне, считая меня за ничто, а все прочие ошибались, почитая меня великим». Так велико было смирение Преподобного Сергия! Он больше возлюбил гнушавшегося им поселянина, чем те почести, которые оказал ему посетивший его князь.

Однажды Преподобный, по своему обычаю, поздно вечером стоя на молитве, усердно молился Богу за учеников своих и вдруг услышал голос, звавший его по имени. Это очень удивило его, и он, сотворив молитву, открыл окно своей келлии, чтобы видеть того, кто звал его. Взглянув в окно, он увидел необыкновенно большой свет, идущий с Неба, так что ночь казалась ему светлее дня, и вторично услышал голос, который говорил ему «Сергий, ты молишься о чадах твоих, и молитва твоя услышана! Посмотри, как много иноков, во имя Святой Троицы собирающихся к тебе!» Преподобный посмотрел и увидел многое множество прекрасных птиц, сидящих не только в монастыре, но и кругом него и дивно поющих. Опять, в третий раз, неведомый голос говорит ему. «Подобно птицам, которых ты видишь такое множество, умножится стадо учеников твоих, и после тебя не уменьшится число их, и так же чудно и разнообразно, как эти птицы одеты перьями, они будут украшаться добродетелями, желая следовать по стопам твоим». Преподобный, смотря, удивлялся этому чудному видению и, желая иметь свидетеля этому, позвал к себе некоего Симона, который был недалеко от него. Симон очень

удивился, что Преподобный в такое необычное время зовёт его, поспешно пошёл к нему, но не удостоился созерцать вполне это видение, а увидел только часть небесного света. Преподобный рассказал ему обо всём, что он видел и слышал, и они оба вместе, радуясь, прославили Бога.

Спустя некоторое время пришли из Константинополя греки, посланные к Преподобному Святейшим Патриархом Филофеем, и передали ему от Патриарха благословение и дары: крест, параман, схиму и послание, в котором Патриарх хвалил его подвиги и советовал устроить в монастыре общежитие. Преподобный это послание представил всероссийскому Митрополиту блаженному Алексию и спросил его: «Как повелишь ты, Владыко святой?» Митрополит отвечал ему на это, что и он тоже советует ему устроить общежитие. Преподобный так и поступил. Он учредил в своей обители общежитие, повелел строго соблюдать общежительный устав, не иметь своей собственности и не называть ничего своим, а, по правилам святых отцов, иметь всё общее.

Учредив в своей обители общежитие, он вознамерился, избегая славы от людей, уйти в какое-либо неизвестное место, чтобы там наедине, в безмолвии служить Богу. Избрав удобное время, он тайно оставил монастырь. Отойдя довольно далеко от монастыря, он нашёл удобное для себя место близ реки, называемой Киржач, и поселился там. Иноки, увидев себя оставленными им, были в великой скорби и смущении, как овцы без пастыря, и начали усердно везде искать его. Узнав, где он находится, они пришли к нему и со слезами умоляли его возвратиться в монастырь, но он, любя безмолвие и уединение, не соглашался на это. Тогда многие из них, оставив Лавру, пришли к нему и поселились вместе с ним в пустыни, где потом был устроен

монастырь и храм во имя Пресвятой Богородицы. Иноки же, оставшиеся в великой Лавре, не желая жить в ней без него, обратились с просьбой к Митрополиту Московскому святителю Алексию о том, чтобы он повелел Преподобному возвратиться к ним. Митрополит послал к нему двух архимандритов просить его о возвращении в Лавру из опасения, чтобы иноки не разошлись без него и святое место не оказалось бы пустым. Преподобный из послушания воле Митрополита оставил пустынь и возвратился в Лавру, к великому утешению иноков.

Епископ Пермский святой Стефан, питавший большую любовь к Преподобному, однажды совершал путешествие из своей страны в Москву и, проезжая в довольно дальнем расстоянии от Лавры, в которой намеревался быть на обратном пути, остановился против неё, помолился и, поклонившись Преподобному Сергию, сказал: «Мир тебе, брат духовный!» В это время Преподобный Сергей, сидевший за трапезой вместе с иноками, никем не будучи уведомлен о сём, встал из-за стола, постоял немного, помолился, поклонился вдали находящемуся от Лавры епископу и сказал: «Радуйся и ты, пастырь Христова стада, и мир Божий да пребывает с тобою!» Иноки удивились сему, и некоторым из них казалось, что он видит видение. По окончании трапезы они спросили его о случившемся. Преподобный сказал им: «В этот час епископ Стефан, приезжавший в Москву, остановился против нашего монастыря, поклонился Святой Троице и благословил нас, грешных». Потом некоторые из иноков узнали, что это действительно было так, и удивлялись дару прозорливости, данному Богом Преподобному.

Обитель Преподобного процветала добродетельными мужами, и многие из них за благочестивую жизнь были взяты в другие

монастыри во игумены, а иные были поставлены даже епископами. Все они преуспевали в добродетелях, будучи наставляемы и руководимы искусным исполнителем заповедей Господних Преподобным Сергием, который, проходя равноангельное житие, всегда и во всём был образцом для своей паствы и за это, ещё живя во плоти, удостоился иметь общение с бесплотными. Однажды, когда он совершал Божественную литургию, Ангел Господень, сияющий, как солнце, в алтаре храма сослужил ему. Это ясно и с ужасом видели ученики его Исаакий молчальник и Макарий, особенно отличавшиеся благочестивой жизнью.

Святой Митрополит Алексей, находясь уже в преклонных летах и чувствуя приближение своей смерти, призвал к себе Преподобного Сергия и, взяв свой архиерейский крест, который носил на персях, украшенный золотом и драгоценными камнями, хотел было возложить его на Преподобного. Но он со смирением, поклонившись ему, сказал: «Прости меня, Владыко, ибо я от юности не был златоносцем, а в старости ещё более желаю пребывать в нищете». «Да будет тебе известно, – сказал святитель, – зачем я позвал тебя к себе и что намерен сделать. До сих пор управлял я Российской митрополией, вручённой мне Самим Богом, теперь предвижу скорую мою кончину и желаю поэтому при своей жизни найти такого мужа, который бы после меня мог пасти стадо Христово, и такового не нахожу, кроме тебя одного». Преподобный, услышав сии слова, смутился, потому что считал себя совершенно недостойным принять предлагаемый ему сан епископа, и сказал: «Прости меня, Владыко! Ты хочешь возложить на меня бремя выше моих сил. Невозможно быть сему, ибо я грешный и худший из всех людей, а посему как дерзну воспринять такой великий сан?» Долго святитель склонял его к принятию

архиерейского сана, но, любитель смирения, Преподобный оставался непреклонен «Если не хочешь, Владыко святой, – сказал ему, наконец, с огорчением Преподобный, – прогнать худость мою от пределов сих и от святыни твоей, то более не говори мне о сём». После сих слов святитель Алексей, видя непреклонность Преподобного, не стал уже ничего более говорить ему об этом, опасаясь, что он удалится куда-либо из своего места и Москва лишится такого великого светильника. Утешив его, он с миром отпустил его в монастырь. Через несколько времени святитель Алексей окончил свою земную жизнь, и снова князья и весь народ стали просить Преподобного принять сан святителя и быть преемником святителя Алексея. Он снова отказался от этой великой чести.

После святителя Алексея на престол митрополии Российской вознамерился взойти один архимандрит, по имени Михаил, который прежде своего посвящения дерзнул облачиться в святительские одежды и возложить на себя белый клобук. Подозревая Преподобного в том, что он будто бы тайно недоброжелательствует ему и препятствует занять престол Российской митрополии, желая сам быть митрополитом, начал вооружаться против Преподобного и его обители. Узнав об этом, Преподобный сказал своим ученикам: «Михаил, восстающий на мою обитель и на меня, не получит желаемого и не увидит Царствующего града, потому что побеждён гордостью». И это сбылось: Михаил, отправившись в Царьград для посвящения, дорогой заболел и умер. На престол Российской митрополии был возведён святитель Киприан.

В то время, по Божию попущению, случилось нашествие на Русскую землю татарского хана Мамай. Великий Князь Димитрий

очень скорбел об этом Преподобный воодушевил его, благословил и предсказал ему победу. «Иди, – говорил он ему, – против варвара и не сомневайся. При помощи Божией ты победишь его и невредимым вернёшься в своё Отечество». Великий Князь, уповая на помощь Божию и на молитвы Преподобного, вступил в битву с татарами и победил их, так что Мамай с остатками своего войска едва спасся бегством. Преподобный в то время, когда происходила решительная битва русских с татарами, стоял на молитве в своей обители вместе с иноками и, будучи прозорлив, сказал им, что Великий Князь Димитрий уже победил татар и, назвав по имени всех павших на поле брани воинов, совершил о них молитву. Великий Князь, возвратившись с поля битвы, пришёл в обитель Преподобного и много благодарил его за то, что он помог ему своими прилежными к Богу молитвами.

Однажды Преподобный стоял ночью на обычном своём молитвенном правиле пред иконой Богоматери и молился за своих учеников и обитель. По прочтении акафиста Божией Матери он сел немного отдохнуть, а ученику своему Михею сказал: «Чад, бодрствуй! Сейчас будет дивное и ужасное посещение нас». После сих слов вдруг послышался голос, говорящий: «Пречистая грядёт!» Услышав это, Преподобный вышел из келлии в сени. Там сиял его необычайный свет, и в сиянии его он увидел Пресвятую Богородицу с двумя апостолами Петром и Иоанном. Преподобный пал лицом на землю, будучи не в силах вынести сияния этого света. Пречистая, коснувшись его Своими руками, сказала ему «Не ужасайся, избранник Мой! Я пришла посетить тебя! Не скорби, ибо молитва твоя за твоих учеников и обитель твою услышана: отныне она будет изобиловать всеми благами не только при твоей жизни, но и по кончине твоей, ибо

Я неотступно буду пребывать в ней, подавая ей всё нужное, покрывая и сохраняя её». Сказав это, Пресвятая Богородица стала невидима. Страхом и трепетом одержим был Преподобный. Придя в себя, он увидел ученика своего Михея от страха лежащим на земле, подобно мёртвому, и поднял его. Поднявшись, Михей пал к ногам Преподобного и сказал: «Скажи мне, отче, ради Господа, что это было за чудное видение, при виде которого мой дух едва не разлучился с телом?» «Потерпи, чадо, – мог только ответить ему на это Преподобный, – ибо дух мой трепещет во мне от столь чудного видения». Сказав эти слова, он продолжал стоять в безмолвии, радуясь душой и удивляясь бывшему дивному видению. Спустя уже некоторое время он повелел ученику своему Михею призвать к нему ещё двух его учеников: Исаака и Симона. Когда они пришли, он по порядку рассказал им о видении им Пресвятой Богородицы с апостолами и о том, что Она сказала ему. Услышав о сём, они возрадовались и все вместе совершили молебное пение Богоматери. Преподобный весь остаток ночи провёл без сна, размышляя о милостивом посещении Богоматери.

Преподобный Сергей дожил до семидесяти восьми лет, проведя всю свою жизнь в великом воздержании и трудах и совершив много чудес. За шесть месяцев до своей кончины он созвал иноков и игуменом над ними поставил ученика своего Никона, молодого летами, но совершенного в духовной жизни, а сам предался безмолвию. В сентябре 1392 года Преподобный заболел. Предчувствуя свою кончину, он снова призвал к себе иноков и много поучал их. Затем, преподав им благословение и прощение, он причастился Пречистых Христовых Тайн и предал святую душу свою в руки Божий. Это было 25 сентября.

Честное тело его положено было в той обители, где он подвизался. Через тридцать лет после погребения, а именно 5 июля 1422 года, были обретены нетленными честные его мощи, от коих исходило неизречённое благоухание и много больных получало исцеление. Не только тело Преподобного при обретении его оказалось нетленным, но и самые одежды, бывшие на нём, были невредимы, хотя гроб стоял в воде. И доныне сей великий чудотворец помогает всем, с верою притекающим к нему, и совершает великие и бесчисленные чудеса во славу Христа Бога нашего, Которому честь и благодарение вовеки. Аминь.

Память Преподобного Сергия Святая Церковь совершает в день его преставления, 25 сентября, и в день обретения честных мощей его, 5 июля.

ЧАРСКАЯ Л. А.

**ОДИН ЗА ВСЕХ. ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ ВЕЛИКОГО
ПОДВИЖНИКА ЗЕМЛИ РУССКОЙ**

I

Голубой радостный и светлый день. Прозрачно-синей глубиной моря кажется небо или лазоревым заповедным озером, там высоко, вдали. А земные хрустальные озёра и реки отражают небеса. И мнится: два неба, два озера, два моря – внизу и вверху. Ласково-нежный, как сладкий бальзам душит воздух. В нём летнее дыхание диких левкоев, розовой каши, гвоздик полевых. Наверху, над заоблачными сказочными озёрами неба – золотое светило: солнце, улыбка Бога и радость земли. Оно не горячий, дышащий зноем пламень сегодня, – оно ясное, нежное и спокойное. Начало лета и прощанье весны.

День красивый, как сказка. Радостный день, тёплый, ласковый, нежащий, посланный небом для утехи земли.

В четырёх верстах от Ростова, славного города Ростова, отражавшего так отчаянно храбро набег диких кочевников-татар и павшего под их бешеным натиском, небольшая усадьба, вся обласканная, вся согретая и принаряженная майским полднем. На высоком тыне играют солнечные блики, на белых крепко выложенных тесовых стенах хором, гридниц и пристроек мелькают световые пятна. Словно белоликие феи, бегают взапуски, прыгают и резвятся солнечные улыбки.

Там, за сараями, тенистей и будто сумрачней. Длинные тени ложатся от высоких дубов с мохнатыми шапками из свежей листвы на

гордых головах-вершинах и от гибких, как прутьики, юных тополей, похожих на юношей с зелёными глазами. Там, в тени, под тыном – лужайка. На лужайке толпа мальчиков-невеличков, от пяти до десяти лет. Играют во что-то странное, непонятное по первому взгляду. Что за игра?

Один сидит под дубом. Этот старше всех; по виду ему лет двенадцать. Он высокий, тоненький, как былинка, черноглазый, а лицо суровое, брови, будто кисточкой проведённый, сжались над тонким прямым носом. Брови хмуры, а пухлые детские губки, точно спелые алые вишни, кривятся в усмешку. В руках лист огромного лопуха, сорванного тут же под тыном, и указка в виде ивовой лозы, гибкого прутьика, наполовину очищенного от кожицы.

Мальчик одет чисто и опрятно; не роскошно, нет, хотя он и боярский сын, дитя всем известного боярина Кирилла Ивановича Иванчина, приспешника и советчика первого при дворе князя Константина Борисовича, удельного владельца Ростовской земли.

И усадьба эта за зелёным тыном принадлежит боярину Кириллу, и высокий, стройненький с нахмуренным лицом черноглазый отрок его старший сын – Степан. Тут же в толпе детей и младший сын – Петруша, голубоглазенький, белокуренький с детским невинным личиком шестилетний шалунок. Всех детей человек десять. Все стоят на вытяжку, глаза вперили в чёрненького Стёпу, что сидит на срубленном стволе под дубом с нахмуренным лицом, с сумрачными очами.

– А ну-ка, подходи, – кричит Стёпа, и чёрные глазёнки его поблёскивают, как угольки, – ты, Кирюшка Безруков!

Из толпы выделился мальчуган, бутуз лет семи-восьми, рыхлый, белотелый, вскормленный на мамушкиных подовых пирогах, на

имбирных хлебцах, да на всякой сытной живности. Чистый кубарь, а не мальчик. Отделился от толпы, приблизился к дубу, поклонился в пояс Стёпе.

– Здрав будь, господин учитель!

– Здорово, паренёк! Покажи своё уменье. Больно знатно ты псалтирь читаешь, наслышан я, так удружи, любезненький, а мы послушаем.

И с важностью заправского учителя степенно протянул Стёпа Кирюше лист лопуха.

Лист лопуха – псалтирь. Лист лопуха – Четьи Минеи. Он же и – Житие Святых, и всё, по желанию. Что подскажет детская фантазия, то и представит из себя лист лопуха.

Этот Стёпа – учитель сейчас, мальчики – ученики, полянка под тыном – школа. В школу и в учителя играют мальчики, дети разных служивых городских людей, пришедшие сюда в боярскую усадьбу из города и из соседних ближних вотчин поиграть перед тем, как отправиться в настоящую заправскую школу.

Кирюша-бутуз берёт лопух и читает певуче:

– Аз, Рцы, Хер, Аз... Архангел... – с трудом, обливаясь потом, произносит он, как бы читая на воображаемой странице книги воображаемое слово.

– Ладно, умник, пряник за мной... Подходи ты, Петруша, – одобрив кивком головы товарища, говорит Стёпа.

Выбегает к дубу другой мальчик. Этот совсем крошка, голубоглазый, маленький, похожий на херувимчика, только вот загорелый – в этом с херувимом и разница вся.

Это братец Степана – Петруша... Бойкий, весёлый, глазки что звёздочки горят.

– Давайка-сь, господин учитель, я тебя потушу! – сам хватает лопух и бойко читает наизусть псалом Давидов:

– Се удаляхся бегая и водворихся в пустыне, чаях Бога, спасающего меня (псал. 54, 8, 9).

Странно звучат строгие, суровые слова царя-пророка в устах ребёнка. Память у Петруши на диво.

– Молодец, – хвалит старший брат, – где слышал такое?

– Брат Варфушка давеча молился, я и упомянул.

– Варфушка? Ишь, ты... Да где же он?

Стёпино суровое лицо разглаживается в минутку. Бровки, как стрелки, от переносицы разбегаются прочь.

– Где Варфушка, да... чего не играет с нами? Куда схоронился? – с любопытством спрашивает Степан. А сам уже вскочил со своего пня-обрубка, глядит поверх голов товарищей-мальчиков. Ищет взглядом того, кого хочет видеть сейчас.

– Варфушка! Варфушка! Варфоломей! – кричит Стёпа, прикладывая руки ко рту, – к нам ступай, сюда, Варфушка! Ско-ре-и-ча!

Крикнул и слушает, не откликнется ли тот, не поблизости ли он ненароком.

Кирюшка Безруков смеётся:

– Ай, Стёпа, Стёпа, нешто не знаешь, что не любит играть да баловаться с нами Варфоломей...

И другой – Вася, Парфилия-дьяка сын, вторит детским басом:

– Штой-то важен больно Варфушка, ребят гнушается.

И третий – Ванюша, стремянного князя Константина Борисовича сын, шумит:

– Боярством своим, знать, кичится. Видно не то, что братья его, Стёпа да Петя: те с нами, как ровни...

– Ладно! Не покичится у меня! Я ему старший брат, у меня коротка расправа. Слышите? Сыскать мне сейчас Варфоломея, да привести сюда! Силком его с нами играть приневолю, коли не хочет по своей охоте. Ну, вы, живым духом, ребята!

И властно взмахнул загорелой ручонкой Степан. Брови опять сомкнулись у переносицы. Лицо приняло строгое, суровое выражение. Ну, вот-вот – и впрямь учитель.

Весёлой стайей шарахнулись ребяташки в поисках за Варфоломеем. Слова Стёпы – тот же приказ. Сильный этот Стёпа, большой, старше их всех. Его ли не слушать. Ишь, суровый! Того и гляди лозой угостит. Все ребятки его слушать, как овцы пастуха своего, готовы. Вот и сейчас: едва сказал, а они уж пятками засверкали, метнувшись на поиски за младшим братом Степана – Варфушкой.

II

Солнце выше поднялось. Купается в голубом хрустале заоблачных озёр. Ладьи белые, дымчатые плывут по этому озеру – облака. Прихотливой формы они: не то лебедь, не то корабль, не то белоснежный дракон сражается с неведомым воителем. Ах, красиво! Будто не вьявь, а во сне всё это. А внизу море зелени. Травы-купавы, зелёные былинки, миловидные, гибкие, нежные, хрупкие. А цветики душистые, полевые цветики – Божьи подарки матушке-земле, алые радостные, голубые сладко-грустные, желтоватые, белые – невинная, чистая красота.

С зелёной травой сплетаются, как братья с сёстрами любимыми целуются, и колышутся, и свиваются в чуть приметном для глаз танце.

Мальчик Варфоломей смотрит на едва зримый танец былинки и пёстрых цветов от ласки ветерка, от зыби. Мальчик он странный какой-то и совсем особенный. Лежит на земле, глаза широко раскрыты. Синие волны переливаются в этих глазах. Золотая небесная звезда загорается в них. Загорается и вдруг то меркнет, то снова сияет. Целый мир в этом взоре, мир недетский. В нём и ясная, задумчивая, красивая печаль, и тихий грустный восторг и что-то строгое, чудесное и тоскующее. Губы тонкие, не ребячливо строгие, сомкнуты без улыбки. Нос тоже тонкий и пряменький. Несмотря на юность, определившееся уже личико. Кудри шапкой золотистой выются над высоким загорелым лбом, нужные, как лён, шелковистые. Ему семь лет, но по виду больше. Стройный он весь, сильный, хоть и худощавый. Знойный загар позолотил грудь, лицо, тонкие кисти маленьких ручинок.

Вблизи, где зелёное море трав пресеклось немного, образуя крохотную лужайку, высится муравьиная куча. Целый дворец хитросплетений маленьких тружеников-муравьёв. Варфушка смотрит на дворец. Глаза разгораются ярче. Это уже не синие звёзды в золотом ореоле сияния. Это два солнца тропических, два метеора под тёмными извилинами длинных ресниц.

Варфушка смотрит и думает.

– Муравьи-труженики, Божьи работнички, выстроили сами себе палаты, хоромы с гридницами и переходами, опочиваленки, боковуши и житницы. Все сами носили по прутику, клали травку к травушке, былинку к былинке. Вырастали хоромы. Ещё клали, сплетали, – ещё вырастали. Во славу Божию работали работнички махонькие. Господь труды любит. Выстроили палаты для детушек своих, для всего муравьиного народа насекомого. Ах, хорошо! Хорошо так

трудиться! Для других, для своих, для чужих, для всех. Хочу быть муравьём-рабочником, хочу трудом своим радовать родимых и себя, хочу...

– Варфушка! – в тот же миг пролетело над белокурой головкой и эхом повторилось за полем в лесу.

– Варфушка! Подь сюда, Стёпа зовёт!

– Эх, горе! Нашли меня ребятки, – вихрем проносится новая мысль в голове Варфушки; – эх, горе, придут, увидят, за собой потащут, заставят бегать, играть, баловаться... Не могу я. Не хочу. Не умею. Схорониться разве? Прилечь к травушке, прижаться к зелёной, авось не разыщут, не найдут.

– Варфушка!

Молчит. Молчит синеокий мальчик. Личико напряжённое. В глубоком взоре сверкает мысль.

– Схоронюсь!

Бросился в траву ничком. Едва дышит.

Минутки ползут за минутками. Муравьи скорее двигаются под тяжёлыми ношами, таская прутики и соломинки в земляной свой дворец.

– Ах!

– Ишь, он где схоронился!

– Ин, притих даже!

– Ах, ты, баловень!

– Врёшь, не обманешь...

– Тащи его к Стёпе, ребята!

– Пуцай его с нами играетя...

– Гордец какой!

Толпа ребят окружает Варфушку. Поднимают с земли, ставят на ноги, тормозят.

– Пойдём-ка-сь к Стёпе на расправу! В школу играем. Тебя не хватало. Ступай псалтирь читать, ты ведь читальщик знатный, – смеётся пухлый Кирюша.

– Ха, ха, ха, – вторят ему другие, – и впрямь мастер Варфушка. Небось, рцы от глагола отличить не сможешь.

И опять хохочут. Знает Варфоломей, смеются над ним. Над его бессилием понять трудную грамоту смеются. Ах, беда, беда ему, Варфушке. Сколько ни бьётся с ним учитель – не одолеть ему грамоты. Век не одолеть. Не даётся ему книжная премудрость. Всё он умеет: и избу из дощечек сколотить, и насад устроить, и деревца из щепочек выстругать, а грамота для него – темна, как ночь. Горе, да и только. И знают это его горе ребятки и смеются над ним.

Притащили насильно на поляну, к дубу, под которым сидит, приняв свой строгий вид, Степан, толкают к нему Варфушку, хохочут, шумят. Стёпа не шумит, не смеётся. Принял снова важный учительский вид.

– А, ну-ка, отрок Варфоломей, скажи, што ежели рцы да аз сложить, што выйде?

– Рцы да аз... рцы да аз... – лепечет Варфушка и весь вспыхивает заревом, точно перед ним не брат сидит, а заправский наставник.

И затихает. Не знает, не умеет сложить двух букв. Тяжко ему это. Не по силам.

Стёпа хмурится. Поднимает лозу-указку и легонько взмахивает ею над спиной брата. Ударит сейчас Варфушку гибкая, хлёсткая ивовая лоза. Вдруг скрещиваются глаза братьев. Чёрные Стёпины и синие, как глубь озера, Варфоломея.

– Не тронь, не тронь! – без слов шепчут синие чёрным, – нешто я повинен?

И опускается, как плеть, смуглая от загара рука Степана. Варфушка стоит, поникший, грустный.

– Рцы да аз... рцы да аз... – лепечет он в смятении.

Вдруг суета около. Лёгкий крик испуга.

– Идёт! Сюда идёт, учитель-дьяк сюда сейчас пожалует! – срывается с детских губок, и вся толпа ребятишек устремляется навстречу быстро шагающему по поляне человеку, не то монаху, не то дьячку в тёмном подряснике с крохотной косицей жидких волос, с хлёстким прутом в руке.

– Ин, они где, чадушки нерадивые; ин, они заместо книжного мудрствования действиями какими забавляются, – певуче, вкрадчивым голосом, но с сердитым мельканием гневных огоньков в глазах, затянул человек в подряснике. Это учитель-дьячок одной из подгородних сельских церквей, расположенных близ Ростова, в полуверсте от усадьбы боярина Кирилла.

– Нешто для баловства, для утехи врага рода человеческого настало для вас Божие утро? – уже совсем гневно крикнул он и, как стадо быстрых барашков, погнал детей к небольшой, белевшейся близ сельской церковки, избе, где он учительствовал, преподавая детям грамоту.

В то время, в XIII веке, мало было школ на Руси. Заведовало обучением грамотности духовенство. Епископом Ростовским был тогда Прохор «благочестивый», «учительный», как о нём говорит история; под его руководством шло дело обучения грамотности и назначение руководителей – учителей в Ростовской земле. Дьячок Назарий из соседнего сельца близ усадьбы Иванчиных учит ребят-

подростков из ближних усадеб и сёл, что расположены подальше от города.

Дьячок Назарий вошёл в избу. Вошли за ним и мальчики. Робко, стараясь не стучать, расселись, кто на скамье, кто на сидельце, крытом скромным половошником, кто прямо на полу, поджав ноги. У всех серьёзные, чуть испуганные лица. Один Стёпа спокоен. Он – грамотей, гордость школы и учителя. Как свои десять пальцев на руках, знает он грамоту. И псалтирь, и Четьи Минеи, и житие кого хошь из святых прочтёт. Учитель им за это не налюбуется, родителям хвалит, батюшке-священнику, всем кто ни зайдёт.

– Степан, сын Ростовского боярина, куды на грамоту дуж!

Горд похвалами его строгий, смуглый, красивый Стёпа.

И Петруша маленький не очень отстаёт от брата. Шесть лет мальчику, а читает бойко. Голосок, как колокольчик, звенит, звенит...

– Аз, буки, веди, глаголь, добро...

– Ладно, паренёк, добро...

Гладит морщинистая рука Назария белокурую головку.

– Ладно, желанненький... Так. Так.

– Ты, Варфоломей. Зачинай, отрок; твой черёд!

Поднялся Варфушка со скамьи. Побледнела золотистая от загара, нежная кожица на лице. Синие, как глубина озёр, глаза вскинулись на раскрытую страницу книги.

О, какая тяжёлая, толстая книга! Это псалтирь... Какие пёстрые, непонятные строки, хитросплетённые строки с дивно неведомыми буквами... Кто поможет ему, Варфушке, разобраться в них? Господь Всесильный, сколько их здесь поналеplено! Аз, буки, земля, веди, рцы, глаголь, червь, – всё слилось, всё смешалось. Вовек не разобрать ему, Варфушке, хитросплетённых строк.

Лицо ребёнка ещё белеет. Остаток румянца сбегает со щёк. Последнее розовое пятнышко исчезло.

– Господи, Господи!

Темнеют испуганно синие очи...

– Господи, срам-то какой!

Тихо посмеиваются в избе мальчики, хихикают, шепчутся.

– Блажной этот Варфушка, прости Господи! Ровно дубиной ему память отшибло. Намедни ещё учил, а нынче ни в зуб толкнуть...

И жжёт сильнее от этого шёпота и без того жгучий стыд Варфоломея. Стыд до боли, до головокружения. Вот, даже в глазах зарыбило от напряжённого желания понять буквы, но всё напрасно.

В голове пусто сейчас. Ни памяти, ни образов того, что учил накануне.

Ах, горе, горе!..

Напрягает все умственные силёнки ребёнок. Хватается, как утопающий за соломинку, за первую букву.

– Глаголь! – срывается тихо, как стон, с побледневших губок.

– Врёшь! Рцы это! Несмыслёныш этакий! Доколе тебе твердить? – гневно кричит, потерявший всякое терпение с ним, учитель. – Становись на колени, протяни руку.

Покорно опускается на колени маленькая фигурка, протягивается розовую ладонью кверху загорелая рука.

– Раз!

Хлесткий удар плётки падает на розовую ладонь. Боль мгновенная, но острая, как обжог горячим.

– Два...

Новый удар.

– Три!

Ещё... и ещё!

Назарий всегда так наказывает нерадивых. Всех без исключения. Так уж заведено издавна. «Лоза не причинит вреда, а прибавит радения», – так твердили на Руси в старину, и учителя без «лозы» учить не умели и недоумевали, как без неё обойтись в ученье.

– Ступай! Ужо завтра читать мне всё без запинки, – говорит строго дьячок, а глаза обегают, помимо воли, печальные синие Варфушкины глазёнки. Жаль старому дьяку Варфушки. Чем он виноват, мальчик, что такой беспонятный?

А синие глаза мальчика полны слёз. Точно росинки, алмазы яркие в них загораются и крупными градинами сыплются по щекам.

– «Срам-то какой! Опять, опять наказан!» – вихрем бьётся в мозгу горячая и больная обидою мысль.

Не помнит, как кончен урок, Варфушка, как распустил по домам всех учитель.

Идут трое в отцовскую усадьбу: Стёпа, Петруша и бледный, заплаканный Варфоломей.

Над ними весёлое солнце. Синяя гладь далёких стремнин. Кругом зелень и ласковое веяние мая.

Степан шагает быстро, как взрослый, хотя ему только двенадцать лет. Идёт, хмурится и говорит:

– Опять осрамил нас с братом! Отцу скажу. Пушай тебя накажет. Мало досталось. Ленивый ты!

Петруша шепчет с другой стороны:

– Варфушка, не слушай его... Он шутит... Мы с тобой, Варфушка, вдвоём ужо псалтирь почитаем, у тяти возьмём. Право, милый... родненький, не плачь... Одолеешь... Ужо похвалит учитель, сам увидишь, ужо...

Милое, добренькое Петрушино личико, в белокуренькой рамке кудрей, жмётся к плечу Варфушки. Младенческая ручонка закидывается на плечо брата.

– Не плачь, Варфуша, не плачь! – повторяет он и целует брата в щёку, поднявшись на цыпочки.

Быстро высыхают слёзы Варфоломея от этой детской ласки. Весна воцаряется в сердце, проясняется взор, глубокий, как озеро, и, как оно, синий, синий...

Степан сердито пожимает плечами, отворачивает строгое смуглое лицо и ещё быстрее направляется к дому.

III

– Матушка, родименькая, любимая! Што ж это такое? Голубушка моя, матушка!

Полны отчаяния синие глаза Варфуши. Дрожит, ломается и гнётся звонкий голосок. Слёзы – крупные алмазные горошины – застыли в печальном сиянии взора.

Маленькие загорелые руки обвивают шею женщины. Тонкое, стройное, загаром опалённое тельце жмётся к груди родимой.

– Матушка! Матушка!

– Что, желанненький, что, Господень любимчик? Что, Варфушка, душенька ангельская?

Тревожно лицо боярыни Марии, молодое светлое, пригожее лицо.

Глаза – та же небесная синь, что и у сына. Кротость, мягкость, чистота сердечная сплели в них венки.

Одета боярыня очень скромно. Летник из простой камки, будто и не боярский, кика, чуть тронута мелким жемчугом по вишнёвому шёлку. Ни запястий, ни запон дорогих. Подвески в ушах простенькие

– бедная мещанка, либо крестьянка не позарится на них. Зато душа боярыни Марии – целый ларь драгоценностей: в нём схоронены жажда дать счастье и любовь ближним, огонь чарующего света, изливающего окрест ласку и добро, надежда на грядущее блаженство людей, ликующая радость, благодарение Создателю за всё существующее. Красота души боярыни отражается во всех чертах её: свет внутренний сияет из глаз, из кроткой улыбки, со всего лица.

Вышла на крыльцо встретить мальчиков. Все трое пришли вместе.

Впереди смуглый, красивый, стройный, уверенный в себе Степан; за ним – малыш-шалунок голубоглазый, дитяtko весёлое, жизнерадостное, Петруша, а позади них – он, любименький, дорогой-дорогой, всегда тихий, как глубокие воды озера, задумчивый, как будто печальный, Варфушка.

Братья веселы, спокойны. Он – нет.

– Матушка, матушка! – произносит Варфуша сдавленным голосом.

Дрожит как былинка, и бледен, как зимний снег.

– Варфушка, мой Варфушка, что с тобою?

Приняла боярыня сына в объятия, прижала к себе. Весь трепещет... Вербочка молодая весенняя так бьётся под вихрем полевым.

– Скажи, деточка, скажи, что с тобою? – испуганно спрашивает боярыня.

Рассказывает Стёпа.

– Осрамился наш Варфушка! Дьяк Назарий велел псалтирь читать, – ни слова не вымолвил. Рцы за глаголь принял. Дьяк лозой наказывал. Срамота. Все ребята смеялись. Плакал Варфушка. Больно

было, – да и срамота. Петруша вон молодёшенек, а куда на псалтирь горазд, боек разбирать. Не угнаться за ним Варфушке. Не угнаться. Срамота!

Кончил Стёпа. Чёрные угольки-глаза разгорелись. Гневно юное личико. Злость берёт на брата. Будто он и впрямь блажной какой, в толк грамоту взять не может. Перед школой и дяком – чистый срам.

Петрушины живые глазки опустились. Жаль ему брата. Ах, жаль!

Мать молчит. Губы молчат, сжаты, но сердце говорит, сердце кричит:

– «Бедный мой Варфушка, жалостный мой!» – и увела мальчика в задний покойчик, примыкающий к столойной гриднице, увела, обняла, обвила трепещущими руками. Целует, лелеет, ласкает.

– Успокойся, сыночек, радость моя Богоданная, желанненький мой.

Ни слова обиды, ни упрёка. Сердце матери – вешун. Знает, понимает детскую скорбь. Бедный Варфушка, не легко ему, милому!

Заглянула боярыня в глаза сыну.

Глубокая тоска в померкшем сиянии. Скорбно трепещут ресницы. Темная-тёмная мысль под стрельчатым их навесом. И вдруг хлынули слёзы. Упал на колени Варфушка, обвил ноги матери, прижался горячим личиком к прохладному позументу летника, шепчет дробно, скоро, скоро:

– Матушка, родимая, тяжело мне... век не выучусь уму-разуму, матушка; век не одолею грамоты... Господи, Господи, помилуй меня!.. Матушка, вели с холопами день с зари до зари трудиться... Вели сено, хлебушко убирать, вели тын чинить, ворота новые ставить, топливо из леса таскать... Что хошь, сработаю, а грамоту – не могу, не могу, матушка!..

Говорит, лепечет, а слёзы так и рвутся ручьями из скорбных очей.

Плачет Варфушка, плачет боярыня Мария. Мать и сын сплелись в тесном объятии. Сердца бьются, как одно, мысли мчатся, как одна, два порыва отчаяния в один слились...

Нечем матери утешить сына. Есть одна радость у неё, одна тайна светлая, которая даёт ей надежду на счастье её ребёнка, но рано ещё, рано сказать её мальчику. Молод он ещё, этот отрок синеглазый, не поймёт. А тайна эта вот уже семь лет, как согревающий душу пламень, как сокровище, как клад, носит в сердце боярыня. Прекрасна эта тайна. И немногие люди носят такую в душе.

Вспомнила о ней теперь, прижала снова к груди ребёнка, гладит рукою лён золотистых кудрей, а сердце такое большое, такое горячее, так и рвётся к нему, полное любви.

Почти что успокоился Варфоломей под обаянием материнской ласки.

– Не сердчай, любимая, – шепчет чуть слышно.

– Я... не сердчать?... – Да што ты, октись, детушко, да я...

Не пришлось закончить слова боярыне Марии.

Широко распахнулись двери покойчика, куда она скрылась с сыном. Вошёл кто-то, стал на пороге.

Подняли глаза в раз мать и сын.

– Батюшка!

Боярин Кирилл стоял на пороге.

Ещё молод, а уже лёгкая седина пробивается в тёмных волосах и кудрявой бородке. Не мудрено. Ближний ведь он боярин князя Ростовского. А Ростов – со дня татарского нашествия десяток десятков лет – многострадальный город. Всею тяжестью обрушилось на него иго татарское. Сколько крови христианской было пролито в

нём. Теперь данью обложен. Хозяйничают ханские баскаки. Легко ли видеть, как сборщики дани истязают народ. Звери они, звери лютые. Когда бы мог только боярин, когда бы мог пособить своему князю. Но ничему нельзя пособить, ничего не поделать – Русь слаба. Удельные князья ослабли, распря идёт между ними. Не одолеть хана, не сплотиться дружно всем вместе. Вот почему печально лицо боярина Кирилла, благородное, умное, доброе лицо с мягким взором чёрных очей, смелых и грустных в одно время.

Сейчас оно беспокойно, это смугловатое лицо. Из-под окола шапки смотрят тревожно хмурые, словно подёрнутые тучами тёмного неба глаза. Загорелая рабочая в мозолях рука (боярин Кирилл, не глядя на своё высокое положение, усердно разделяет труды в поле и дома со своей челядью), беспокойно перебирает край кафтана.

– Что случилось, Маша?.. Варфушка! О чём плачете?

Голос у боярина мягкий, певучий, бархатный.

Рассказывает Мария о бессилии Варфушки одолеть грамоту, о горе ребёнка.

Печальнее делается лицо отца.

– Эх, Варфоломей, Варфоломей! – с укором роняет боярин, – не на радость нам это, сынушка! Не тешишь ты нашего сердца... не усердствуешь.

Махнул рукой и потупился скорбно.

Молчание.

Вдруг вздрогнул надломленный голосок.

– Усердствую, батюшка, да Господь, видно, отвернулся от меня.

Ничего не выходит...

Переглянулись муж и жена.

Господь отвернулся! От него-то, от маленького, от кроткого и ясного, как незабудка в лесу. А что же «тайна»? Тайна показывает, что Варфушка любимый Богом, что Варфушка особенное дитя, отмеченное судьбой... Ах, скорее бы, скорее бы подрос он, скорее бы поведать ему тайну, милому отроку, незабудке лесной.

Жалость к сыну прокралась в сердце боярина Кирилла... Взглянул и добро улыбнулся мальчику.

– Полно горевать, малыш! Одолеешь, Господь даст, склады, а дале и не надо. Бог с тобою. Не в дядьки приказные ладим тебя отдать. Есть живность у нас, есть вотчинка! Проживёшь, волей Божией, безбедно. А я не о том грущу. Поруха у нас, – кони пропали.

– Кони!

Испуг выразился в лице Марии. Передался и мальчику.

– Какие кони?

– Жеребята! Не доглядел, видно, челядинец! Со двора ушли. В поле рыщут, либо в лесу. Холопы все на работе. Некого послать. Стёпу ладил, да он тоже на работу с челядью отпросился. А жеребята уйдут. Жалко! Не дай Господь попадут татарам здешним Ростовским, сейчас прирежут – любят конину пуще всего басурманы. Жалко коньков. Славные жеребчики.

– И то жалко, – вздохнула Мария.

– Тятя, а, тятя! Отпусти меня в поле... Поищу жеребят.

Голос Варфоломея снова чист и звонок, как хрустальный ручей в лесу. Недавнего горя будто и не бывало. Глаза блещут. Снова золотое в них сияние дальней звезды. Весь загорался мальчик. Дышит слышно, возбуждённо.

– В поле! Один! Наедине с цветиками, с былинками, с птахами пернатыми буду, под голубым шатром безоблачного неба, – неслышно, беззвучно кричит, ликует маленькое сердечко ребёнка.

Отец улыбается. Мать тоже.

– Скажи, Варфушка, нешто сладко быть одному?

– Сладко, батя... сладко, мама родимая!

– Ступай со Христом, желанненький... Господь даст, приведёшь коней.

– Приведу!

Весь вспыхнул от счастья мальчик. Весь пылает. Очи пылают, щёки, прекрасное, милое лицо. Радость какая! Один опять!.. Можно думать, мечтать!..

Выбежал спешно. Торопится, как на праздник. Улыбаются синие глаза. Сыплют искры. Уста только сомкнуты и не знают улыбки.

– Иду! Иду!

Подпоясаясь. Одёрнул рубашонку. Шапки не взял – не надо. Кафтан – не надо. В поле, в поле, в милое, зелёное, к опушке лесной!.. Скорее, скорее!..

IV

Поле. Зелёное море с серебристою зыбью. Вдали, как островок, рошица. Вокруг всё цветы. Ромашка белая с золотым сердечком, медовая кашка, алая, лиловатая, жёлтенькая. Дикие колокольчики – воздушные, тихие, только не звенят. Тмин душистый, пряный, хмельной словно, горделиво тянется к высям. Не дотянешься! Куда тебе, смиришь... Зелёная лебёдушка, травушка-муравушка, коврик пушистый матери-земли. Сарафан изумрудный чернозёмной кормилицы пестрит весь, залитый солнцем. Серебряные змейки, лучи

золотые, сказка алмазная далёких миров, всё сливается, всё сплетается, всё дробится и горит, и горит, и горит.

Море солнца и море зелени... Море гомона полевого, птичьих писков, птичьих криков и пения, пения. Поют пташки, поют стрекозы, легкокрылые духи земных полей. Мышка-норышка выбежала полевая, бархатная шубёнка на ней серая, сама точно боярыня. Всё заманчиво, всюду жизнь...

Кони, вот они, кони!.. Не ушли далеко. Путаются перед опушкой рощицы в длинных поводках.

– Ах, вы этакие, стойте!

В три прыжка настиг их Варфушка. Подхватил длинный повод, закрутил к берёзке тоненькой, гибкой, белоствольной. Привязал.

– Не уйдёте теперь, голубчики, попаситесь в тени! А ужо приду перед заходом солнышка, уведу домой, – и гнеденького Живчика, и вороного Воронца, и белого, как одуванчик, Лебёдушку, – всех уведу, а пока паситесь со Христом на свежей муравушке, я же повалюсь вот тут.

И, как подкошенный стебелёк, склонился Варфушка на земной мягкий ковёр трав и былинки.

Упал на землю... Смотрит восторженно, любитесь синими озёрами небес наверху, изумрудным морем трав вокруг него.

Букашки ползают, милые малые букашки. Кузнечик зелёный трещит, славный зелёный кузнечик. Червячок ползёт, гусеничка. Всех их понимает мыслями и сердцем ребёнок. Может рассказать про их жизнь, про бытие их несложное, а грамоту не может постичь. Ох, уж эта грамота! Пошто наказуешь, Господи?

Яркая радость мгновенно омрачается. Горячо любит природу Варфоломей, любит уйти, зарыться в высокие травы, дышать

ароматом цветов, восторгаться всем тем, что создано руками Великого. А вспомнил про грамоту, про дьяка Назария, про хлесткую лозу-указку, про жгучий стыд и... исчезла радость, омрачена душа.

Пошто, Господи? Он ли, Варфоломей, не старается, не усердствует, он ли не бьётся над книжной премудростью? Ах, тоска, тоска!

Словно потемнело небо, осипли голоса птиц, потускнели крылья кузнечиков, не пронизываемые больше лучами солнца. Ах, Господи!

Гнёт, не детский, печальный, повис над золотой кудрявой головкой. Поднялся Варфоломей тяжело, точно старик.

Встал. Идёт за жеребятами, чтобы увести их домой, в усадьбу. Не любо и самому больше в поле. Обида и горечь охватили его, как урок нынешний ему вспомнился. Не любо и в поле больше желанненьком.

Вдруг... Кто это?

Остановился Варфушка, как вкопанный, даже ноги дрогнули. Легонько от неожиданности закружилась голова.

Кто это?

Дуб перед ним. Начало опушки крохотной рощицы. Зелёная мохнатая шапка ветвей, пронизанная лучами, вся кружевная будто, вся словно ликующая. У ствола дерева могучего стоит человек. Высокий седовласый старик странного вида. Светлое лицо под клобуком монашеским, мантия тёмная, взор, проникающий в душу. Дивные очи – кроткие и жуткие в одно и то же время, они подняты к небу. Уста блеклые, уста подвижника, постника. Они шепчут что-то. Видно молится. В небеса ушёл взор.

Варфушка стоит, как вкопанный... Откуда взялся неведомый старец под дубом? Когда привязывал жеребят, его не было здесь. Полно, не сон ли это? Поднялась загорелая ручонка Варфушки, по

лицу проводит, трогает себя за лоб мальчик... Не спит ли, не грезит ли, не уснул ли ненароком? Нет, не сон и не грёза. Явь – это, и поле, и солнце, и светлый, дивный лицом, молящийся под дубом монах-пресвитер.

Кто он? Откуда? Не видал Варфушка такого священника ни в соседнем селе, ни в ростовских храмах, куда усердно ездили они всей семьёй.

Кто же?

Старец молился, не видя приблизившегося к нему мальчика... Вдохновенно поднятый к небу взор сверкал слезами. Уста шептали. Худые, высохшие руки сжимались, переплетаясь тонкими пальцами. Струились по лицу слёзы. Горячая, пламенная, точно не здешняя, была та молитва.

«О чём он? – опять толкнулась острая мысль в детскую головёнку Варфушки, – о чём молится так? Чего просит?»

И вдруг что-то словно ударило по сердцу мальчика. Такая молитва не может не дойти до Господа. Такая молитва – свеча Божия, светильник, зажжённый перед Его алтарём. « Попрошу незнакомого батюшку-пресвитера: пусть помолится за меня также пламенно, чтобы дал мне силы Господь постичь, понять грамоту, чтобы просветил мой мозг, умудрил мою мысль. Попрошу батюшку!»

Ждёт Варфушка. Сейчас кончит молиться пресвитер. Тогда и подойдёт к нему, попросить. Робко, как милости, попросит его пламенной молитвы за него, за неразумного, маленького Варфушку. Ждёт, затаив дыхание. Теперь уже скоро, скоро...

– Аминь! – прошептали старческие бледные уста.

– Аминь! И «Аминь» ещё раз.

Кончил дивный старик. Опустил глаза. Замер на минутку. Потом вскинул их снова на мальчика.

– Что тебе, отрок, надобно? Говори, мальш!

Ах, как чист и хрустален звук голоса старого незнакомца!.. Лицо бледное, борода седая, а голос молодой, свежий. Ангельский голос. Не слышал ещё такого Варфушка на земле...

Затрепетал весь от самому непонятной какой-то радости. Заалелось румянцем детское лицо.

– Батюшка, батюшка! Добрый, ласковый! Помолись за меня, батюшка. Грамоту не пойму, псалтири не одолеть, и Четьи Миней тоже... Никакой премудрости вообще книжной... Обижен я памятью... Помоги мне, отче!

Взглянул пресвитер светло и ясно. Положил руку сухую, лёгкую, как воздух, на кудрявую головку ребёнка; улыбнулся прекрасной, как весеннее небо, улыбкой.

– Помолимся вместе, отрок... Господь милостив к детям. На них Его благословение... Встань подле, преклони колени. Помолимся вместе...

Покорно опустился на колени Варфушка. Дивный старик – рядом.

Незнакомец зашептал молитву. Зашептал за ним и Варфушка. Варфушка совсем особенно молиться умеет. Для Варфушки молитва – радость, неземной восторг, порыв вдохновения. Всем своим существом уходит он в молитву. С детства раннего у него это, с тех пор, как помнит себя, на молитву становится, как бы словно на праздник идёт. Бог для Варфушки – Друг первый, невидимый Друг и Повелитель милостивый. Служить Ему всю жизнь, служить и трудиться. Для Него, ради Него трудиться, за всех людей, больше

всех. Ведь Сын Его трудился, был плотником, стругал брёвна с Иосифом, наречённым отцом, а он, Варфушка, разве он лучше Единого, чтобы не работать до пота лица. Трудиться за близких, за дальних, за весь мир – вот что грезилось с младенческих лет Варфушке. Трудиться, помогать на дому, по усадьбе старшим, отцу с матерью, челяди, как равный равному, холопу-наёмнику, либо своему крепостному, – вот что освещало ясным светом сердце ребёнка. Только один труд не давался: грамота, премудрость книжная. Вот и молится он теперь: «Помоги, Господи, одолеть её! Великий Хозяин мира, взгляни, смилуйся над маленьким Твоим рабом!»

Так молится Варфушка, молится, как никогда. Горячо, страстно, весь – вдохновенный порыв, весь – горящее пламя перед Господом.

– Помоги, Всесильный! Помоги отроку... Ты любишь детей...

И старик молится. Оба слились в одном общем желании – и пресвитер, и ребёнок.

– Аминь! – произнёс незнакомец и повернул к мальчику лицо.

Странный свет разлился по лицу старца. Точно солнце осветило его преобразившиеся черты. Лучились глаза, лучился каждый изгиб сияющего лица.

– Кто он? – вихрем пронеслось снова в мыслях ребёнка. – Почему такая радость во всём его существе?

Сухая, белая, как алебастр, рука священника спряталась на мгновение в широких складках ризы. Снова забелелась... Пальцы крепко сжимают крошечный ларчик. Открыта крышка... Взглянул Варфоломей: на дне ларчика махонький кусок просфоры.

Тонкие пальцы пресвитера бережно вынули кусочек, поднесли к губам ошеломлённого от неожиданности мальчика, положили в рот...

Сказал: – «Возьми, съешь это, мальчик! Мала частица эта, но великую силу примешь с нею. В ней знамение Божие и благодать».

Что-то странное свершилось в тот же миг с мальчиком. Сладше мёда показалась ему принятая от старца часть просфоры. Слезы загорались в синем взоре, губы прошептали и не губы точно, а кто-то иной, неведомый, вложил эти слова в уста Варфоломея:

– Не об этом ли сказано в псалмах: коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче мёда устом моим и душа моя возлюби я зело.

Странно и остро взглянул незнакомец на мальчика, и жгучим пламенем прожёл Варфушку этот взгляд. Испуганно поднялись глаза ребёнка. Смел ли он применить слова священного псалма, псалма, которому выучила его, вместе с другими, ласковая матушка?

Но взор священника уже пылал лаской. Рука снова легла на кудрявую головку мальчика.

– Если веруешь, дитя, – сказал ему таинственный незнакомец, – ещё больше узнаешь. Не грусти о грамоте. Знай, Господь Милосердный даст тебе книжное разумение более, чем всем товарищам твоим.

Благословил ребёнка и замолк. Потом кивнул ему головою, стал тихо отходить от дуба. И светлая радость вместе с дивным священником стала отходить от Варфушки. Потемнела мысль, дрогнуло сердце. Страшно, больно, тяжело сделалось вдруг отпустить от себя чудного незнакомца. Удержать бы ещё хоть немного, упросить повременить, хоть малость времени...

Метнулся вперёд Варфоломей, протянул руки, зашептал с мольбою:

– Останься, батюшка, останься малость! Зайди к нам. Осчастливь отца, матушку, родимых. Не побрезгуй на хлебе-соли нашем, не

откажи в усадьбу заглянуть. Всем нашим радость великую доставишь.
Не лиши их своего благословения.

Говорит, а сам дрожит, как в лихорадке. Синие глаза – мольба.
Алые тонкие губки – просьба, горячая, чистая просьба.

– Зайди, зайди!

Кивнул головою старик.

– Ладно, будь по-твоему! Веди меня к дому, отрок.

Не помня себя от радости, бросился вперёд Варфушка. Указывает
дорогу.

– Сюда, сюда! По зелёному полю, по мягкой сочной траве!

Старик идёт быстро, как молодой, едва касаясь земли ногами.
Будто невидимые крылья несут его. И в сотый раз рождается упорная
мысль в головке Варфоломея:

«Кто он? Кто он, этот странный, диковинный старик?»

V

Полдень. Первый час в начале. Солнышко ещё выше поднялось и
палит жарче. В столойной гриднице, вокруг дубового стола собралась
вся семья к полднику. Сам боярин Кирилл, боярыня-хозяйка, дети. За
столом сидят и холопы. Так уже заведено. Именит, знатен Ростовский
боярин, а челядь за одним столом с собою садит. «Все, говорит, перед
Богом равны; нет у него, Милостивого, ни господ, ни рабов». Здесь
сидят и странники – богомолы и богомолки. Таких много у
Иванчиных в усадьбе. Гостят подолгу. Всем им готов здесь приют. И
полдничают, и ужинают все вместе. Полдник скромный. Сегодня
среда, постный день, и подано лишь варево да каша с имбирём, олады
с мёдом, кисель и квасы. Вместо браги, олуя (род пива) да хмельных
медов, всегда за боярским столом подаётся квас малиновый,
пшеничный да имбирный. Прислуживает всем сама хозяйка. Потчует

всех ровно, без чина: холопа, так холопа, мужа, сына, не разбирая, всех за одно. Помогает боярыне Марии невысокая девочка по одиннадцатому году – сиротка Аннушка, с младенчества принятая в дом. Без рода она, без племени. Нашли в Ростове, принесли с улицы. Говорили люди ростовские, что её отец замучен был татарами в орде, вместе со многими другими, а мать умерла с горя. Девочка – хорошенькая. Только грустная, томная, с карими печальными глазками. Коса у неё длинная, по пояс. В косу алая лента вплетена. Летник простенький из камки голубой. Девичий венец на милой головке не горит камнями самоцветными, а скромно шёлком расшит. Аннушка вся тоненькая, как былиночка, как птичка воздушная. Глядишь на неё и думаешь: вот сейчас улетит.

А рядом с шестилетним Петрушей другая девочка: годиков пять, а то и меньше на вид. Это Катя, дочь служилого боярина, тоже при Ростовском князе. Отец её – богатый человек, вдовый. Некому воспитывать дома Катю. Отцу недосуг, на мамок и нянюшек положиться не охота. А бояр Иванчиных знает Катин родитель давно, и их доброту, добродетельную жизнь и милостивое, кроткое ко всем отношение. Вот и отпускает отец гостить Катюшу в усадьбу боярина Кирилла, под матерински заботливое крылышко боярыни Марии. Без страха отпускает. Всему хорошему и доброму обучится там девочка. К тому же давно сговорился отец Кати с боярином Кириллом. Давно у них такое дело улажено: маленький шестилетний Петруша с трёхлетнего возраста сговорён с Катей. Когда подрастут – поженятся. Так часто велось на Руси. Детей просватывали уже с младенчества, а когда они подрастали, делались мужем и женой. Так и Петруша был издавна определён в мужа крошке Катеринушке.

Катя – весёлая, голубоглазенькая. Минуты не посидит спокойно. То за рукав Петрушку дёрнет, то зашепчет что-нибудь весёлое, смешное; умереть – расхохотаться Пете хочется. Уж старая мамушка, вынянчившая всех троих сыновей боярина, раз пять строго вскидывает глазами на баловницу. Да и сама боярыня два раза подходила к Кате и шептала тихонько:

– Грешно, милая, шалить за трапезой. Господь не любит...

На минутку стихала Катя, а потом опять забывалась, шалила, дразнила Петю, шутила и дурачилась под шумок. Такая баловница, живчик, непоседа. Боярин сидел на своём обычном месте под образами. По правую руку от него Стёпа. Чёрные его глаза сурово косились то и дело на дверь горницы. Будто поджидал кого-то и беспокоился.

– Варфоломея не видать! Неужто не нашёл жеребят по сию пору? Сказал и молчит. Ждёт, что ответят старшие.

Отец чуть нахмурился. Мать вздохнула.

– Замешкался в поле Варфушка. Любит он один-одинёшенек побывать на лужке и в роще. Пусть потешит себя дитяtko.

– Не случилось бы чего, – произнесла тихо Анна и потупила глаза.

Она за всех печальница. Тревожится за каждого, кто не дома. Тихая, кроткая, как голубка, нежная ко всем, как маленькая мать.

И опять заговорил Стёпа.

– Балуется, небось! И думать забыл, что время полдничать.

– Он, Варфушка, балуется? Окстись, дитяtko, да нешто он баловал когда, Варфоломей?

И печальной укоризной метнули на старшего сына глаза Марии.

Вдруг засуетилась, заволновалась Катюша. Глянула через стол в окно один, другой, третий раз, всплеснула ручками и ликующе закричала на всю горницу:

– Идёт он, идёт Варфушка! И с ним дедушка седенький, батя чужой!..

Оглянулись на двор сквозь окна, видят: идёт высокий, статный, с седою бороδοю инок-священник, а об руку с ним Варфоломей.

– И впрямь гостя к нам ведёт сынок. Поспешаем навстречу, жена! – произнёс боярин Кирилл и первый бросился на крыльцо.

За ним Мария, Аннушка, Стёпа, весёлые ребята Петруша с Катеринушкой.

Мария в пояс поклонилась гостю. Ударил ему челом и боярин Кирилл:

– Просим милости, зайти к нам, отче! Не побрезгуй на угощенье. Наш хлеб и соль попробуй. Не обессудь, зайти. Трапеза на столе, – со Христом отведай.

Наклонил голову старик.

– Войду, спасибо, добрые хозяева!

Потом улыбнулся. Странная и дивная была у него улыбка. Будто тихий светлый Серафим небесный пролетел близко и озарил всё таинственным сияшем своих воздушных крыльев.

Пошёл вперёд старик. Высокий, статный, юношески лёгкий на ходу. Все за ним следом. Варфоломей, чуть отступая, первый, ближе всех к нему, с сияющим, одухотворённым радостью лицом. Весь говорит точно:

– «Господи, что за доброго, светлого, ласкового гостя привело к нам!»

Вошёл в гридницу старик. Истово и долго молился на иконы, благословил трапезу, присутствующих, потом обернулся лицом к хозяевам и сказал:

– Прежде следует вкусить духовной пищи! Проведите меня в молельню. А ты, отрок, возьми псалтирь и прочти нам псалом 118 Давида Псалмопевца Господня. Ступай вперёд!

Вздрогнул, смутился Варфушка. Почудилось в первую минуту, что не понял он старика.

Читать ему, Варфоломею, когда он едва, едва аз-буки-веди различать умеет? Ему читать псалом?

Ах, Господи Милостивый, стыд то какой великий! При всём доме, при родителях, при странниках, при челяди придётся ему, Варфушке, показать своё неумение. Весь вспыхнул мальчик, как зарево. Смятенно потемнели синие глаза. Робкая испуганная просьба таится за устами, не смея выйти наружу.

– Прости, избавь, отче... Избавь...

Но светло и настойчиво глядят на него горячие, как у юноши, молодые глаза пресвитера. Повелевают эти глаза. Повелевает и голос старца.

– Возьми псалтирь и читай!

Нет выхода, нет спасения...

Лежит на аналое псалтирь в бархатной покрывке, с застёжками золотыми, украшенными камнями самоцветными, сапфирами и янтарём, со стен молельни глядят знакомые суровые лики Святых, знакомые образа, складни, кивоты. Перед каждым на золотом гайтане, либо на серебряных цепках висят хрустальные лампы. Синие, красные, жёлтые они кажутся красивыми пышными цветами с горящими огоньком сердцевинами. Огоньки-сердцевинки бросают

свет на черты Божиих Угодников, и на тот чистый, прекрасный младенческий лик Предвечного, Кто покоится на коленях Матери Своей. Знакома, дорога Варфушке родная обстановка молельни. Аромат ладана смешивается с запахом талого ярого воска, что капает с жёлтых свечей. Знакомый запах. Сколько раз распростиралось здесь маленькое тельце Варфоломея, на этом полу, крытом стареньким ковром. Сколько раз он молился здесь со слезами, прося Бога и всех Угодников Святых помочь ему, Варфушке, одолеть грамоту.

И вот, сейчас он опять здесь... Не один. Маленькая молельня набилась народом. Душно, жарко стало, как в бане... В пламени лампад и свечей взволнованнее, значительнее кажутся лица присутствующих. Затаив дыхание ждут все чего-то. И мать, и отец, и тихая-тихая, печальная Анна, и смуглый красивенький, быстрый, как лесной заяц, Стёпа, и челядь, и странники со странницами, – все ждут... Знает Варфуша, чего ждут присутствующие: услышать слова священного псалма, услышать, как робко и сбивчиво будет путать святыя строфы он, нерадивый, несмышлёный чтец.

Ещё раз тревожно вскинул Варфушка синими звёздочками глаз на пресвитера, без слов молит, одним только взглядом:

– Отпусти, отче!

И в ответ настойчивое, но ласковое:

– Читай...

Робко взмахнулись детские стрельчатые ресницы... Опустились на открытую страницу синие глаза.

Знакомая, хитросплетённая пёстрая славянская вязь... Неведомые чёрточки, кружки, ломаные линии, целое ожерелье, из тёмного жемчуга низанное.

Смотрит на длинные, страшные по своей для него замкнутости, строки Варфушка и холодеет детское сердечко. Что ему делать, как прочесть?

А лицо пылает, как пламя, залитое румянцем стыда и испуга. Дрожит весь, как бедный маленький стебелёк.

Вдруг... Что это? О, Господи, Господи!

Слаще мёда стало в устах мальчика. Чем-то неведомым пахнуло ему в лицо... Светлый, светлый, лучезарный поток влился в его голову, осветил мысль, пробудил память... Как будто тёмная завеса спала с пылающего мозга Варфоломея, загорелись глаза, забилося сердце. И сладкий восторг охватил его... Точно неведомые крылья выросли у него за спиною, точно свет взора Господня осенил его. Губы раскрылись... и звонкий голос прочёл без запинки, бегло и чисто, как плавное течение реки, полными сочными бестрепетными звуками:

«Коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче мёда устом моим...»

Прочёл с того самого места, на которое указал ему пальцем дивный старик.

И дальше читал, словно лился по руслу хрустальным потоком:

«От заповедей Твоих разумех, сего ради возненавидех всяк путь неправды».

Что-то неведомое творилось с Варфушкой: чудная сверхъестественная сила несла его, как на крыльях, всё дальше и дальше... Безмолвие, тишина царили в молельне, а мальчик всё читал. Читал псалом чисто и прекрасно, как вряд ли сумел бы его прочесть лучший грамотей-дьяк – начётчик тех отдалённых времён. Голосок звучал красиво, дробно, как родник в заповедной чаще, как щебет

малиновки в лесу, как Божий дождик пронизанный солнцем, в ясную летнюю грибную пору.

Закончил псалом. Совсем уже тихо стало в молельне... Десятки грудей дышат бурно, глубоко, да десятки пар глаз вперены в Варфушку.

Вдруг лёгкий крик вырвался из груди Марии:

– Чудо! Чудо! Чудо свершилось, сынок богоданный, над тобою!..

И упала на пол, и рыдала, и громко благодарила Бога, и славila его за свершившееся чудо счастливая мать.

Потрясённые, затихшие стояли в молельне люди. Смотрели на незнакомца, на светлое лицо старца. Догадывались испуганные и радостно потрясённые за свою догадку, что не простой он пресвитер-старец, что не обыкновенный смертный умудрил разум Варфушки.

– Кто он? Великий ли чародей, либо...

А гость спокойно, как и раньше, говорит, точно не замечая общего волнения:

– В трапезную идём! Побуду у вас ещё малость...

Бросились провожать его. Служили ему, не смея поднять на него глаза.

За столом вкушал старик мало. Похвалил Варфушку за то, что тот свято блюдёт посты. Мария робко поведала гостю, что необыкновенным, странным растёт у неё Варфушка ребёнком. На братьев не похож. Всё уединяется, либо работает, либо молится, горячо молится. Мяса не кушает, ни мёда, ни вина, ни сладостей. А по средам, пятницам и в кануны великих праздников только и ест, что хлебушко с водой.

Смущался от рассказов матери Варфушка. Ведь про него говорилось, его хвалили. Стыдно и хорошо.

Старик кончил трапезу, позвал мальчика, снова гладит его по голове, по золотистым льняным кудрям, поднял глаза кверху, светлые, как бы прозрачные, молодые глаза. В них отражалось небо. И сияние солнца было в них. Встал, вытянулся во весь свой высокий рост, протянул вперёд свободную руку и сказал, не спуская другой руки с головы мальчика, вдохновенно и властно:

– Отрок этот будет некогда обителью Пресвятой Троицы; многих приведёт за собою к уразумению Божественных заповедей. Знайте, что велик будет сын ваш перед Богом и людьми!

Сильно, пророчески прозвучал его голос. Мощью и чем-то неземным повеяло от всей величавой фигуры старика.

– Велик перед людьми и Богом!.. – эхом отозвалось в груди родителей Варфоломея.

Острая, сладкая, восторженная радость заполнила их сердца.

Мария опомнилась первая. Пришла в себя от неслыханной радости, бросилась к старцу, а он уже направлял свои шаги из трапезной. Шёл по гридницам назад своей лёгкой и быстрой походкой юноши...

Кирилл, Мария, дети бросились за ним, провожали на крыльцо, по двору, за ворота усадьбы, в поле.

Шёл впереди старик. Остальные за ним толпою. Вдруг... Остановились, как вкопанные... Низко, низко над землёю пронеслось не то облако, не то туман. Набежало, затемнило взоры. Потом рассеялось, лёгкое, воздушное...

Оглянулись... Где чудесный старик? Не было его... исчез. Исчез, как сон, как видение. На том месте, где стоял он – одна пустота.

Мгновенно поняли тогда всё сразу... Поняли, затрепетали, переглянулись между собою...

Боярин Кирилл обнял Варфушку, и слёзы залили его лицо, его начинавшую сесть бороду.

– Сынушка, сынушка! – прозвенел восторженно его срывающийся голос, – то Ангел Господень был между нами. Тебе, наш желанный, принёс Он Божью благодать...

– Ангел Господень! – в смятении и счастья прошептала Мария, – Сам Ангел Господень благословил Варфушку, – и, рыдая, обвила руками кудрявую головку сына.

Сиял Варфушка. Восторженно, радостно горело всё его существо. О, как счастлив он! Сам Ангел Господень умудрил его, научил понимать грамоту, отметил его.

Рвалось от сладкой радости сердце ребёнка... Уйти бы, убежать куда-нибудь сейчас же, сию минуту, плакать, молиться, рыдать. Богу Всесильному, Другу Единому всего живого отдать себя без изъятия... До кровавого пота трудиться, отработать всем существом за этот дивный, неожиданный подарок Его.

– Радость! Радость!

Поднял глаза в небо Варфоломей: солнце, лазурная улыбка небес, лёгкий полёт облаков – высоких думок. Как хорошо! Так же хорошо, как и вчера, но ещё лучше, лучше...

И на сердце лучше, легко на сердце; без тучек, без забот. Умерли тревоги, тьма прояснилась. Даровал Господь. Взял, вынес из сердца единственное горе, помог одолеть грамоту Великий. Благодарит Тебя ничтожный маленький Варфушка.

VI

Годы идут. Нижутся быстро дни за днями, как зёрна неведомых ожерелий. Бусина к бусине, зерно к зерну. Годы тяжёлые для русской земли. Плачет Русь, тоскует, как молодая мать по умершем ребёнке.

Мать-кормилица – Русь, ребёнок умерший – умершая воля, свобода и благополучие её.

Забыты по дальности лучшие, светлые времена. Тяжко, мрачно, темно и печально. Потоки крови, стоны, вопли невинно замученных, загубленных людей... Нехристи-басурмане затоптали, истерзали, загубили когда-то счастливую славную, могучую Русь. Платила она дань монголам. Монгол давил её игом. Князя ездили в орду. Там сидел хан-царь, жёлтый идол, важный, неподвижный, точно из бронзы вылитый, но живой человек – властелин орды, властелин Руси, властелин многих покорённых земель. Перед ним распростирались во прахе побеждённые, покорённые князя Руси. Проходили сквозь очистительное пламя двух костров по приказанию хана, падали перед живым истуканом-властителем на колени, целовали смуглую, хищную, всю в перстнях руку, придавившую волю Руси сильной ладонью. Пресмыкаясь во прахе, возили дань, дары возили хану, ханшам, детям ханским, баскакам, телохранителям, всем чиновникам ханской ставки. Был милостив к щедрым хан. Не разорял их земель, но был грозен и страшен, как сатана, когда не ублажали его дарами и поклонением, не льстили, не падали ниц перед ним. Гордых, не искавших ханской ласки, велел казнить, мучить, жечь огнём, засекать на смерть.

Туча грозная обложила Русь. Алые реки крови текли и излучивались во всех направлениях. От стонов дрожала земля. Дрожал и Ростов. Но не только от татарского ига и обложения данью страдал Ростов.

На Москве в то время княжил Иван Калита. Власть себе он взял большую. Распоряжался удельными князьями, как собственными

слугами. Потихонечку да полегонечку расширял границы Москвы, которую он же и основал. Он и выбрал себе её местом жительства.

Были две дочери у Калиты. Одну отдал он за Ярославского князя, другую за Константина Васильевича Ростовского. Стал всё крепче и крепче втираться в дела уделов зятей. Особенно Ростовский удел облюбовал князь Московский. Послал туда московских вельмож Василия Кочеву, по прозванию, и Мина. Предписал им, как надо вести Ростовские дела, помимо удельного князя. Князь в орду ездил в ту пору на поклоны к хану. В Ростове в это время распоряжались Кочева и Мин. Жителей притесняли, отнимали у них имущество, казну, будто для хана, будто дани ради.

Беднел Ростов, нищал и падал. Стонал и плакал славный город, храбро отбивавший когда-то нашествие монгольское и с честью павший. Теперь он без боя, покорно, падал под ударами своих же русских хищников.

А годы всё шли...

В усадьбе Иванчиных, бояр Ростовских, поднялись тополи и липы, стали старше молодые гибкие берёзки. Разросся за тыном крыжовник в целый лес. Природа украсилась: из стройной девушки превратилась в пышную красавицу, чадолюбивую мать.

Усадьба же покосилась, потемнела, победнела как-то... Ворота сквозят щелями, поломано бревно на заборе. Крыша свесилась на сторону. Рундук крылечка жалобно скрипит от ветхости. Надо новые хоромы строить, а возможности нет: ни казны нет, ни живности... В сараях, как раньше, не мычат коровы, не блеют овцы. В конюшне не играют, как бывало, весёлые, кареглазые жеребята. Один Гнедко да ещё старый Вороной стоят понурые в конюшне. Одна коровушка Белуша уныло жуёт жвачку у себя в сарайчике.

Куры одиноко бродят по двору, но уже не видать там ни серых утиц, ни чопорных гусынь...

Страшная рать Туралыка бурным потоком пронеслась над Русью. Опустошил её новый монгольский властелин. Пострадал и Ростов заодно с другими городами... Чисто обирали дань с Ростовских жителей ханские баскаки. Разоряли русских людей. А тут ещё Московские вельможи подбавляли жару: утягивали добрую толику и для своей мошны.

Беднела усадьба Иванчиных.

Боярин Кирилл проводил большую часть времени с молодым князем Ростовским в Орде, либо в городе. Служил Константину, как и предшественнику его, верой и правдой. На усадьбе хлопотала боярыня Мария и дети. Челядь отпустили, остались всего два-три холопа. Других всех было бы не прокормить. Нужда заглянула в очи, нужда, костлявая, злобная старуха, родная сестра болезни, дочь смерти. Жестокая нужда.

Утро. Холодок предсолнечный смягчается уже близостью золотой ласки грядущего светила. Птицы громко чирикают в кустах, птицы-хлопотуньи, Божьи детки, серые посланнички воздушных морей, вольного царства ликующей свободы.

В молельне у аналая стоит Варфушка. Окно открыто настежь. Струйка чистого, утреннего воздуха врывается, ласкает, чуть колышет пламя лампад.

Варфушка молится. Варфушка не тот уже, что раньше. Вырос, поднялся, стал сильный, гибкий, стройненький, как молодой тополёк. Исчезли нежная округлость щёк и румянец, Побледнел, хоть и здоров. Загорелая смуглость золотистым налётом красит лицо, а глаза синие

ушли в себя, во внутрь души и в них таится новая замкнутая мысль. Пришла эта мысль и заперлась в золотистой головушки, незримая для всех, но прекрасная как царь-девица-красавица в высоком терему.

Двенадцать лет Варфушке. Годами он ребёнок, отрок, но душой и мыслями – юноша. Молится жарко. Всю ночь молится нынче. Два раза в седмицу так молится он всенощно – по пятницам и по средам. Ничего не ест в эти дни, кроме воды и хлеба. В другие – постную только пищу: рыбу, похлёбку, уху, пшено, пироги с капустой. А мяса ни-ни. В рот не берёт мяса. Станный он, Варфушка. Был диковинный ум и раньше, в детстве, а теперь, с той поры как встретился с чудесным пресвитером, как случилось с ним диво, как внезапно пробудилась в нём память, разумение к книжной мудрости и способность к чтению, – стал ещё более странным. Молиться горячее стал, читает много, жадно, священное писание, житие преподобных Киево-Печерских Отцов, Апостольские деяния и мечтает. Мечтает о подвиге... Уйти, удалиться от мира, в лес куда-либо, в чашу, подалее... Молиться за людей, трудиться за людей, Бога радовать молитвой и трудом. Рубить столетние дубы, из них строить людям гридницы, чтобы от татар-басурман укрываться. Таскать брёвна на своей спине из леса до деревень, до сёл. И воду и топливо. А к ночи снова в лес, в чашу. Там, на зелёной мураве, а то и на снегу студёном, на коленях, за них, за всех страдающих, угнетённых молиться Хозяину Мира. Облегчить бы им горе и нужды, помочь перенести страдания, до пота лица молиться.

А пока...

Упал на пол молельни Варфушка, разметал руки, замер.

– Боже Всесильный! – шепчет, – помоги! Помоги матушке с батюшкой одолеть нужду, не пасть духом. Помоги несчастным

ростовским горожанам, и всей Руси многотерпеливой. Помоги всем страдающим и бедным! Помоги всем людям, нуждающимся в помощи Твоей!

Пышно раскрылся алый цветок Варфушкина сердца, запламенела душа, загорелась мысль. Солнце пронизало её всю. Все вены, все жилки, всё дыхание, вздох и движение каждое трепетали молитвой. Будто поток вдохновенный, волна накатилась, закружила и понесла. Драгоценный порыв. Весь – цепенение сладкое, страстный вопль любви к Богу...

В сердце мальчика сладким, ярким пламенем горела молитва. Жил и не жил Варфушка в эти мгновения. Жила душа, жила мысль, жило вдохновенное сердце, но тело не чувлось. Оно отделилось. Варфушка словно летал на крыльях своей молитвы...

Стук. Лёгкий, чуть слышный стук в косяк двери. Ни звука в ответ. Варфушка точно не слышит ничего, лежит. Ещё лёгкий стук. Чуть скрипнула скобка двери...

Вошла Мария. Годы наложили печать на молодое ещё лицо её. Скорбно глядят очи, потускневшие от слёз. Седина инеем посыпала голову. Не могло не отозваться на боярыне горе родной страны. Пуще собственного разорения ударило оно её по сердцу. Поблёлки очи, побелели косы. Тяжело.

Увидала распостёртого на полу мальчика. Кинулась к нему:

– Варфушка! Сынушка! Аль не можется тебе? Желанный мой...

Поднял голову... Лёгкий, как призрак, поднялся с пола. Темнели глубокие синие озёра Варфоломеевых глаз... Смотрел на мать и точно не видел её... Порыв не прошёл. Ещё догорало пламя молитвы во взоре. Сам был бледен и хорош, как вдохновенный Божий Серафим.

Бледность, худоба лица, тёмные кружки под глазами бросились в глаза Марии. Жалостью острой, мучительной забилося сердце матери. Бросилась к сыну, положила худые руки на плечи мальчика, заглянула в синюю глубь бездонных очей.

– Сынушка! Иссошил ты себя, замучил совсем. Не надо насиловать себя, миленький. Не надо изнурять молитвой, детушка. Намедни ничего не кушал и всю ночь опять в молельне был. Так, детушка?

Опустились в смущении синие глаза. Лгать не умеет Варфоломей. Дрогнули губы, шепнули:

– Так!

– Желанный! Не мучь ты себя... Гляди: дитя ты ещё. Какие грехи у тебя могут быть, детушка?

– Грехи у всех людей, мама! У всех...

– Родной! Господь с тобою... Нет у тебя грехов.

Покачал головою, задумался и произнёс тише:

– Есть – и свои, и чужие. За чужие тоже молиться надо. Видишь, сколько страдания кругом? Не неволь, родимая, сама же ещё с колыбели, с детства учила меня: за ближних молиться надо, за всех... А ноне мешаешь. Не надо, мама, и не бойся за меня. Гляди – сильный я, не то бы ещё вынес... Не слабже Степана-брата... И в работе горазд, как он. Так мне ли на здоровье жаловаться? Полно! Ещё на больший подвиг пошёл бы с охотой...

Осёкся... Взглянул в испуганное лицо матери и замолк. Но слово уже вырвалось, вернуть нельзя. От страха затрепетала Мария.

– На какой подвиг? Что замыслил? Говори, говори, Варфушка!

Молчал с минуту, поднял затем глаза. Хрустально-светлые, они горели лазурными огнями. И голос чистый, как тот же хрусталь, ясно и спокойно ронял красивые светлые слова прямо из сердца.

– Уйти бы... удалиться... одному в пустыню... Работать на людей... Вместо разорённых сёл и городов новые им ставить, где басурманов не видно, и молиться с трудом вперемежку. Одному за всех молиться. То ли бы не счастье? То ли бы не радость была, матушка? – заключил Варфуша с небывалым восторгом.

Тихо, тихо заплакала боярыня. Грустно, жалостно... Зашептала горемычно:

– Варфушка, окстись! Варфушка, отронек мой тихий, любименький, радость душеньки нашей. Ладный ты наш. Рано тебе это... Молод ты, Варфушка! Золотой ты мой, голубчик сизокрылый. Не мысли о том до времени. Слушай меня, Варфушка! Придёт твоё время – ни единым словом не помешаем. Ни отец, ни я... Тайна великая на тебе, Варфушка... Доселе молчала о ней, а сейчас скажу... С тобою поделюсь, всё узнаешь, а только дай мне слово, сыночек, остаться с нами, покамест живы мы, отец твой и я, пока радуемся на тебя, желанный. Даёшь?

– Даю, матушка! Буду с тобою. С отцом буду. Люблю я вас, – прошептал в смятении мальчик, целуя мать.

– Спасибо за ласку, Варфушка. А теперь слушай. Было давно это. Более двенадцати годов назад. Пошла я в церковь как-то. Молилась горячо. Ликовала душа моя... Пропели тресвятую песнь. Вынесли Евангелие... И вдруг громко крикнул кто-то, будто младенческий голос... Смутилась, испугалась я, – потому что сказал он чудные слова: предсказал он, что будет у меня сын и когда возрастёт, сделается великим угодником Божиим... Запали Херувимскую и

новый крик ребёнка покрыл пение церковное. Едва удержалась я в ту пору, чтобы не зарыдать от страха и радости... Не помню, как достояла я службу... А когда вышел снова священник и провозгласил с амвона: «Вонмем! Святая святым!», – в третий раз детский голос вскрикнул громче тех двух первых. Плакала я и рыдала... Собрались прихожане вокруг меня, удивлялись, говорили о Божием знаменнии... Пришла я потрясённая домой, в смятении... Не смела подумать о том, что значило такое чудо... Скоро родился у нас ты, сыночек... Поняли мы с отцом тогда, что значил детский крик в церкви... И порешили мы с отцом отдать тебя Господу... Крестил тебя добрый мудрый священник. Узнал он о чуде и сказал: «Сын ваш – избранный сосуд Господень и служителем будет Святой Троицы». Чудный, таинственный гость-пресвитер говорил то же. Великую будущность, сынушка, предсказал он тебе... Так нешто мы можем мешать тебе с отцом... На тебе – тайна Божия. Ты избранный Заступником Самим. Дитячко! Господь с тобою! Молись, как знаешь, не изнуряй себя только. Рано тебе идти на подвиг, указанный Господом... Но ты позднее пойдёшь на него... Ты – Варфоломей, родился в день Варфоломея, – сын радости значит имя это. И Божию радость откроешь людям ты, отмеченный Самим Небесным Творцом...

Вдохновенно прозвучали последние слова Марии. Пылко закончила она свою речь.

Варфушка с горящими глазами, с просветлевшим лицом слушал мать. Так вот она какова тайна чудесная, он, Варфушка, тихий, скромный Варфушка, он – Божие дитя.

Зачаровало его это открытие, забаюкало... Вспыхнуло, разгоралось пламя счастья. Сердце раскрылось, и бросился он на колени, простёр руки вперёд, взглянул, – перед ним на иконе знакомое

бледное лицо Многострадального, и кроткие очи, и тернии...
Колочий венец на светлых кудрях... Капли крови, как рубины, как жемчужины. Любовь и жертва в чертах Христа. Готовность выпить до дна горькую чашу за других, за весь мир принять страдания...

Глянул в Пречистые черты Варфушка и трепет прошёл по всему его существу.

– Твой я, твой, Господи! – зашептали губы, затрепетало сердце, зажглось в мыслях и во всём существе.

– Твой я, Твой!

И неземная радость охватила всё существо мальчика.

VII

День зародился горячий...

Золотятся на поле пышные колосья, спеет нива. Кудрями чародейной великанши-красавицы кажется пышное золотое поле. Солнце плавленным золотом посылает на землю все свои миллиарды лучей. Золотится пламенная лава. Урожай не обилен. Вытоптаны поля Туралыковыми наездниками, а дела за ними всё же не мало. За усадьбой отцовской вместе с холопами жнут Варфушка, Степан, Петруша, тихая Анна, бойкая Катеринушка. Катя – та же весёлая бабочка, порхунья с цветка на цветок, только подросла и из ребёнка вытянулась в хорошенькую девочку-подросточка.

Аннушка развилась, попригожела на диво. Красавица она теперь, томная, печальная, а всё же красавица. Чёрные, как ночь, косы, чёрные же, как стремнина, глаза. Губки – лепестки нездешнего сказочного цветка. Утренней зарёй кажется свежее розовое личико. Идёт к нему томная печаль, как идёт лунный свет к задумчивой ночи.

Подле Анны работает Степан. И этот совсем взрослый. Семнадцать ему лет, и он вполне мужчина. Смуглый, сильный,

коренастый. Богатырь на вид. Строгий и красивый, как и в детстве. Редко улыбается его суровое, умное лицо. Дышит волей и силой.

Жнут рядом. Подальше Петруша с Катей вяжут снопы. Оба поют. Поют звонко на всё поле, как только птицы да дети петь умеют. Ещё дальше с колосьями ушёл Варфоломей. Этот трудится, как взрослый. Нет, даже больше взрослых. Холопам не угнаться за ним. Серпом орудует словно силач-мужчина. Под сильными взмахами ещё детской руки покорно гнут головы золотые стебли колосьев и ложатся, покорные, рядами, шелковистые, пушистые, зыбкие, на грудь матери-земли.

– Буде, боярчик, умаялся; буде натруждать себя, Варфоломей Кириллыч! – говорит старый челядинец, нянчивший Варфушку в детстве.

Но тот только встряхивает головою.

– Полно, Никита, полно! Нешто труд это? Радость одна.

И идёт дальше раскрасневшийся, юный, ликующий и прекрасный, гнёт стройный стан, режет рожь серпом. Сверкает серп, играет самоцветными огнями в лучах солнца. И золотые кудри играют и огни сияющих синих очей.

Пётр с Катей поют. Далеко разносятся по полю их звонкие детские голоса:

Ой, травушка-муравушка,

Ой, нивушка-душистая,

Ой, хлебушка-кормилец наш,

Ой, солнце-золотистое...

– Ха-ха-ха! – внезапно оборвав песню, смеётся Катя, – гляди, Петруня, там Варфушка-то ровно золотой! Кудри то, кудри! Гляди...

– И то золотой! Смотреть диковинно. Ровно жар-птица...

– Варфушка-то жар-птица, а вот ты – утёнок щипаный, – хохочет Катя.

– Ладно, утёнок... Я тебе задам. Вот отгаскаю за косу и будет тебе утёнок, сорока болтливая! – обижается Петруша и надувает пухлые губы.

– Ха-ха-ха! Напыжился, будто мышь на крупу, – заливается Катюша. – Здравствуй, мышь надутая! Здравствуй, утёнок.

Подскочила, хохочет, дразнится. Огонь девочка эта Катя.

Петруша крепится, отвернулся в сторону, ворчит. И вдруг не выдержал, залился смехом, приснул.

– Ха-ха-ха, – смеётся Петруша, – сорока-белобочка прыгала-скакала, хвост потеряла, без хвоста осталась... Без хвоста...

– Ишь, ты! Как придумал складно, – взвизгивает Катя и с хохотом валится на сжатый ковёр колосьев. Через минуту снова доносится её ликующий юностью и радостью голосок:

Ой, травушка-муравушка,

Ой, нивушка-душистая...

Степан и Анна работают молча. Ряды колосьев мерно ложатся под взмахами их серпов. Нагнулись, покраснелись, устали оба.

– Отдохну, немоготу боле, – говорить Аннушка и, выронив серп, опускается на землю.

Степан выпрямился. Стоит и смотрит. Пристально смотрит на свою подругу детства. Мила, любя ему давно эта тихая, черноокая, всегда печальная, кроткая Аннушка пуше дня солнечного, пуше жизни, пуше первой радости. О ней его мысли все, о ней стучит сердце, о ней печалуется душа. Тихая она, жалостливая, работающая, сиротка. Защищать её, всегда тихую, кроткую, милую, о ней всегда заботиться хотелось бы ему, сильному, крепкому Степану. Особенно

теперь. Усталая, милая, затихшая под палящими знойными лучами, работой, трудовым днём замученная, она во сто крат краше и пригожей ему, Степану, чем когда либо.

– Анна, Анюта... Голубка желанная, – невольно срывается с уст юноши, – хочешь всю жизнь свою мне отдать, Аннушка, хочешь быть женою моею, любя моя?

Смутилась, потупилась Анна. Сама любила его, пригожего, к ней всегда заботливого и доброго, ко всем сурового, Степана. Степана – друга-товарища детских игр, потом долгих повседневных совместных трудов.

Анна смутилась. Долго сидела молча, перебирала стебли низвергнутых колосьев, замирая от тихой, грустной и сладкой радости. Сердце билось любовно и грустно. Чувствовала всегда Аннушка, что не долгая она гостья на земле. Что пройдут немногие годы и отойдёт она к умершим родителям. Недолгая гостья. Так всегда казалось девушке, но молчала. Боялась омрачить Степанову радость.

Вздохнула только, тихо, протяжно, потом подняла глаза, лучистые, просветлённые, прекрасные, озарённые счастьем, и сказала:

– Люблю тебя и я, желанный! Разделю с тобой и радость, и горе, жизнь и печаль. Будем трудиться, и будем радоваться вместе. Пойду за тебя. Идём к матушке, скажем о нашем счастье.

Протянула руку. Поднялась лёгкая, лучезарная с травы, вся озарённая солнцем и счастьем, тихая, радостная.

Ликующий, восторженный, взял ее за руку Степан. Пошли к усадьбе, унося с поля своё огромное молодое счастье.

Навстречу им улыбалось солнце, позади неслись голоса Петруши и Кати, распевавших их детскую песенку. Над ними сиял голубой мир полудня.

Подошли к самой усадьбе, но, не доходя до ворот, остановились внезапно, как вкопанные...

Что это?

У ворот челядинец водит на поводу взмыленного коня. Конь отца. Отец приехал. Из орды вернулся. Прискакал вместе с князем. Нежданно, негаданно, не оповестив с гонцом, как бывало прежде.

Что-то ударило, как молотом, в сердце Степана, отозвалось в мыслях, закружило голову. Испуганно переглянулся с Анной.

У той лицо блее белого рукава рубахи. Очи – полны испуга, смертной тоски.

– Стёпа, Стёпушка! – внезапно прозвучал из окна голос матери. – И ты, Аннушка. На ниву бегите. Спешно, детушки! Ведите сюда скорейча Варфушку, Петрушу, челядинцев, Катю... Горе великое стряслось... Поспешайте, детушки, назад ворочайтесь скорее!..

Выглянуло, показалось в окне встревоженное бледное лицо боярыни. Рядом, – усталое, покрытое пылью, изнурённое после долгого пути лицо боярина Кирилла. И он тоже торопит:

– Скорейча, детушки! Сюда всех ведите!

Сказал и скрылся в окне.

Степан и Анна, не говоря ни слова, крепко схватились за руки и бросились бегом назад, туда, в поле.

VIII

С усадьбы бегом Анна и Степан, взволнованные, потрясённые, побежали на ниву, зовут своих, кличут:

– Скорее! Скорее! Батюшка из орды вернулся, домой всех зовёт.

Самая малость времени прошла, как собрались все в горнице, и хозяева, и холопы.

– Батюшка! – кинулся, завидя отца, голубоглазый Петруша, да так и осёкся со словами приветов и радости на губах.

Ни кровинки не было в лице боярина Кирилла. Блуждали покрасневшие от усталости и душевного волнения глаза. Дрожал и рвался голос при всяком слове.

– Детушки, родимые мои! Пришло лихо, поспешать надо, собираться в дальний путь. Всем домом, всем скарбом... – трепетно ронял боярин. – Бесчинствуют московские вельможи в нашем городе. Людей на правёж ставят, до смерти мучат, допытываются, где спрятана казна. Будто, вишь, хан баскакам новые сборы приказал сделать. Взялись и за именитого боярина Аверкия, градоначальника нашего. Его пытать ладят. За ним и до нас доберутся людишки Мины и Кочевы. Так уезжать отсюда надо, детушки. Мне что? Мне не смерть страшна, не лютые муки, а вас жалко, сердешных. Молоды вы ещё, жизни не видали. За вас ответ дам Богу. На Радонеж путь держать будем. Там, сказывают, дозволено строиться, кому охота, заселять городище. Место тихое, среди лесов непроходимых. Татарским баскакам невдомёк туда сунуться. Туда и едем. Господь милостив, не даст погибнуть, поможет нам. Сами не сплхуйте, детушки, забирайте скарб в укладки, колымагу запрягайте, телегу тоже под лари. До солнечного заката выехать надо. Ростов бы миновать, а то ночью ещё опасливее будет, воров и татей в нынешнюю пору не оберёшься под городом. Так поторапливайтесь, детки, со Христом!

Окончил свою взволнованную речь боярин и смолк, поникнув седеющей головою.

Никто ни одним словом не прервал его. Тихо, чуть слышно плакала в углу боярыня. Бесконечно жаль расстаться с милым насиженным гнездом, с Ростовской усадьбой, где прошла молодость, где родились любимые, милые красавчики-сыновья.

Подошёл боярин к жене, обнял.

– Полно, не кручинься, Маша! В Радонеже новую родину найдём.

Стихли слёзы, унялись. Ласковый голос мужа успокоил разом. Встряхнулась, пошла собираться. Анюта и Катя с нею. Анна тихая, томная, покорная судьбе, как всегда. Катя весёлая и сейчас, как прежде. Сквозь старание девочки казаться серьёзной, так и брызжет молодое, задорное счастье. Столкнулась в сених с Петрушей, подтолкнула его.

– Слышь! В дальни путь едем. В колымаге, лесом, полями. Мимо города, то-то веселье.

– Глупая! А как схватят. А? Небось... пытать станут, слыхала, чай? – опасливо шепчет Петруша.

– Трус ты! Так вот тебе сейчас и запытают. Во-во! Небось, ранее покатаемся всласть в колымаге. На новое место едем. Строиться станем. Весело – страсть!

И с загоревшимися от предстоящего удовольствия глазками бросилась за названной матерью и сестрой.

Поднялась суета, суматоха.

Мыли, чинили, снаряжали наскоро колымагу, впрягали в неё лошадей. В соседнюю усадьбу скакал Стёпа, променял на корову да домашнюю птицу – двух чахлах корняков, – пригнал на двор, впряг их в телегу. Во время его отлучки не стояло дело. Кипела работа. Укладывали лари кованные, сундуки, узлы носили в колымагу и в телегу. Прилаживали, прикручивали.

Готово! Ехать можно. Время пуститься в дальний путь. Собрались снова всем домом, всей семьёй в гриднице. Опустела она. Сняли полавашники с лавок, скатерть со стола, иконы с углов. Нежилою, дикою стала сразу горница. Сели, кто где устроился: на лавках, а кому места не хватило – на полу. По древнему русскому обычаю боярин с боярыней, дети, холопы присели перед дорогой, потом встали, опустили на колени, молились на голубое небо, что синело в раскрытое окно, на малую иконку, что поставила боярыня Мария на оконце. Молились горячо, страстно.

– Помоги, Господи! Дажь нам счастье в пути и на новом месте! Помилуй нас...

Долго молились.

Потом на крыльцо вышли. Сели в колымагу. Челядь в телегу. С ними Степан и Варфоломей.

Оглянулись впоследствии на родимую усадьбу.

– Прощай, усадьба! Прощай, милое, насиженное гнездо. Прощайте, родимые поля, уголья, лес... Все прощайте!

– Ну, возница, трогай!

Тронулись кони... Покатила тяжёлая скрипучая колымага. За нею телега. Забилось сердце Варфушки. Вот он, зелёный тенистый дуб, где увидел он чудного старца. Вон крест их молельни горит в лучах заходящего солнца. Над самой молельней, где свершилось с ним чудо, где прояснил его мозг, где постиг он мудрую книжную науку, где был счастлив наедине со своей горячей пламенной молитвой столько тихих ночей. Застлались слезами синие глаза Варфоломея. Печаль в них и туман сладкой тоски. Сердце билось шибко, хотелось соскочить из телеги, выбежать в поле, упасть в сочную траву и целовать

родимую росистую кормилицу-землю, целовать без конца, без счёта и плакать, плакать.

Вечер. Тихий, кроткий сизокрылый, как голубь, и как голубь же воркующий. Солнце село за высокой колокольной городского храма. Но его прощальная улыбка ещё дрожит в природе, будто смежившиеся очи, с их сверкающим взглядом. Тишь на небе, тишь в воздухе. И как странная, дикая адская музыка, как резкий крик возмущения против этой божественной вечерней тишины природы, ужас и сутолока внизу на земле.

Колымага не едет, а уже скачет теперь. Изо всех сил разогнал возница не успевших ещё устать коней. Телега, дребезжа, скрипя, плетётся сзади. Не спокойно, жутко на улицах Ростова. Люди толпами ходят по узким кривым улочкам, по широким площадям. Ходят и галдят. То приспешники Мины и Кочевы, двух кровопийц злополучных Ростовских жителей. Ходят, как шакалы, как волки, рыскают, выискивая добычу, врываются в дома, требуют казны, мучат, на правёж тащат, засекают батогами. Несколько раз пытались преградить дорогу боярскому поезду.

– Кто едет? Стой! Тебе говорят, стой! – слышался грозный окрик. Но знают боярские холопы – остановиться, значит предать любимых ласковых хозяев-бояр, значит отдать их в руки злодеев с детьми и казною. Нельзя остановиться. И духом мчится колымага, насколько силы позволяют коням; за ней, всё отставая, следует утлая телега. Страшно и жутко за неё. Вот-вот, того и гляди, развалится сейчас. Из-под навеса её выглядывает бледное личико Варфушки. Смотрит и видит мальчик дикие, зверские лица кругом. Бушующие толпы, и стоны и вопли доносятся откуда-то издали. Чем дальше едут, тем

ближе стоны. Вдруг, ужас. Видит мальчик: широкая площадь, лобное место. На лавке растянуты обнажённые, трепещущие тела, залитые кровью. Батоги вздымаются и опускаются на окровавленные спины. Палки мерно отсыпают удары: раз-два... раз-два... Это истязают несчастных, отказавшихся по бессилию своему платить дань.

А дальше ещё более мучительная картина.

Испуганный на смерть взор ребёнка, как зачарованный, притягивается к ней. Тянется, тянется и не может оторваться.

Господь Милостивый! Будет ли конец жестокому измышлению человеческих мук?

Между двух столбов, вбитых в землю, тут же на площади, под широкой перекладиной привязаны чьи то ноги, обутое в дорогие сафьяновые боярские сапоги, кованные серебряными подковками. Скользить дальше трепещущий детский взор. И видит Варфушка: размётанные в стороны сухие старческие руки, худое, вытянутое тело, повешенное вниз головою под виселицей.

О, эта голова, багровая, отёкшая, с вылезшими из орбит глазами, с диким взглядом невыносимо ужасного страдания, с надутыми жилами, как сине-фиолетовые канаты на лице!

Страшное, вымученное до последнего предела, обезображенное пыткой и в то же время странно знакомое лицо...

Силится и не может припомнить, где видел его Варфушка. И вдруг прояснился испуганный детский мозг.

– Господи! Да ведь это градоначальник Ростовский, боярин Аверкий. Что сделали с ним мучители? – И забился и затрепетал всем телом Варфоломей. Молитва вырвалась стоном из души. Полетала туда, кверху, вместе с синим испуганным взором; туда, к кротким и бесстрастным вечерним небесам.

– Господи! Прими дух его! Посети Твоего мученика, Милостивый Господь, и не взыщи с мучителей. Пошли ему смерть, Господи, рабу Твоему... Лучше смерть, нежели такая мука...

Молитва стыла на губах ребёнка.

А телега катилась. Миновали площадь, город... Стихли стоны истязуемых. Вздохнула облегчённо грудь. Потянулась вновь проложенная, ещё дикая и мало езженная московская дорога.

Ужасный Ростов с его муками и стонами остался позади.

Заповедные, почти девственные, могучие, сказочные леса... Тёмным, непроходимым кольцом замкнули они Радонежское городище, небольшое село, подаренное в удел великим князем Иоанном Даниловичем великой княгине Ольге. Вскоре перешло оно к младшему князю Андрею, за малолетством которого городком правил наместник Терентий Ртищ.

Переселенцев здесь принимали охотно. Позволяли строиться, и многие жители от притеснений дани и оброков потянулись сюда.

Радонеж – скрытое гнёздышко, затерянное среди лесов заповедных, в сердце пустыни российских непролазных дебрей того времени. Оно в двенадцати верстах от Москвы, в стороне от московской дороги. Подалье в сторону находится соединённый мужеско-женский монастырь. Хотькова обитель – два отделения – для старцев и стариц. И опять леса. Зелёные, мохнатые, могучие, степенно говорливые, величавые, они стояли кругом будто настороже. Сторожили, сказки сказывали, песни пели, переговаривались, перешёпывались. Стерегли день, стерегли ночь, стерегли Радонежский городок.

В Радонеж боярин Кирилл приехал с зарёю.

Запыхавшиеся кони ввезли тяжёлую колымагу, за ней громыхающую телегу в залитое розоватым румянцем зари местечко.

Отпрягли коней и разбили палатки. Боярин Кирилл со Степаном пошли отпрашивать себе угодыя для избы у наместника. Пришли скоро с людьми боярина Ртища, Отвели им место для угодыя. Свезли туда колымагу, перетащили скарб. В то же утро стали строиться. Деревья возили из лесу, тесали брёвна. До пота лица работали над стройкой избы. Варфушка всех усерднее, всех бойчее. Горели руки от усталости, от восторга горели синие очи. Был праздник душе Варфоломея. Он ненасытно трудился. То, к чему рвалась душа, свершалось с горячностью, с любовью, с пылом.

Весь точно преобразился мальчик. Кипела жизнь в каждой жилке юного пригожего лица. Работал, как взрослый, пуще взрослых.

– Полно, полно, не надорвись, сыночек, – говорила, любовно глядя курчавую головку сына, боярыня Мария.

– Родимая, не мешай! Не препятствуй. Хорошо душе моей, дивно хорошо.

И опять хватался за топор, за рубанок, вдохновенный, сильный и неутомимый Варфоломей.

Шли дни. Быстро поднимались, росли стены новой избы; выросло крылечко, протянулась крыша над верхом. Прорезали косячатые оконца, дверь. Спорилась работа, не шла, а бежала.

Боярин, юноша Степан, сыновья-подростки, холопы трудились, как равные. Не было различия между ними. Скоро выросла и вся изба. За ней пристройки, боковуши для кладки, конюшня.

На новоселье долго молились в новой молельне. Радовались успешному окончанию работ, благодарили Бога.

Прошла неделя, и новую радость послал Господь в только что отстроенном гнезде. Отпраздновали свадьбу Стёпы с Аннушкой. Благословили молодых, отвели им на время половину избы, а сами приступили к стройке новой.

Новое гнёздышко для юных супругов строили теперь. И опять ликовала Варфушкина душа. Трудился для брата. Помогал в работе усердно, рьяно, душу всю отдавал труду. А мысль в это время, неустанно повторяла в юной детской головке:

– Эх, кабы так всегда! Работать так-то, Бога радовать, без устали, всю жизнь... всю долгошенькую... То-то ладно бы было...

И горели странным вдохновенным пламенем синие глаза.

IX

Стук-стук-стук!

Гуляет топорик по стволам великанов-сторожей, хмурых дубов-шептунов, лип говорливых, белых берёзок – девушек-невест лесного царства. Падают дубы тяжёлые, грузные липы, клонятся стройные, гибкие берёзки.

Гуляет топорик. Разыгрался на славу работник.

А кругом зимняя сказка...

Царевна-зима распустила белую мантию по полю, по лесу, по дворам и дорогам. В алмазной мантии – дрожат, горят, переливчато усмеваются звездочки-снежинки...

Зима шалит, тешится, балуется. Гирлянды плетёт из пёстрых огней. Бросает искры по снегу, искры от солнца, холодного, январского. Красавица-шалунья в алмазном кокошнике, то ветром поёт, то свистит метелицей, то лешим аукнется, то молчит, и, как сейчас, сверкает.

Дивно, празднично сверкает хитрым убором, прекрасная.

Холодно в лесу, студёно...

Всё же не мешает работе трескучий мороз. Работает Варфоломей. Соседу бедному, переселенцу тоже, выстроить избу наладил.

Сосед – больной, сам не может. Дети малы, пособить некому. Так вот и взялся пособить он, Варфоломей. Не Варфушка уже он более, не мальчик, отрок тихий, синеглазый. Теперь он уже юноша. Шесть лет минуло с той поры, как переселился он в Радонеж со всей семьёю. Шесть лет.

Вырос он за эти годы. На вид юн, гибок и нежен, хоть и силён, как барс. В душе – молодой орёл. Смелый, вольный, благородный и любящий, любящий без конца. Живёт для всех, работает на всех долгими днями, а ночи... Один Всевидящий Хозяин Мира слышит и зрит жаркие вдохновенные молитвы Варфоломея. И зреет, зреет давнишнее желание в душе юноши.

– Уйти бы подальше от мира, где грехи, скорбь, где суета, уйти бы на одинокий подвиг труда и молитвы... В пустошь, в дебри лесные, на труд, на подвиг, для жертвы за всех людей. Там каяться, за свои грехи и чужие, там молиться. Там быть наедине с Тем, к Кому рвётся душа, служить Ему.

Теперь скоро, скоро сбудется это. Знает Варфоломей. Петя подрос, женился на Катеринушке, по дому хозяйничает с юной женою. Семнадцать годов стукнуло обоим, не дети уже, родителям пособляют. Степан иной. Весь ушёл в свою семью. Детки у него: мальчики Иван да Федя. Анна болеет тяжёлым, странным недугом. Ослабла вся как-то, исхудала и тает, тает. Ничего не болит у неё, ничего не ноет, а на глазах исходит Аннушка. Как свечка тает, умирает, меркнет, как лампадный огонёк. Скоро совсем ничего не останется от её хрупкого, худенького существа. О ней, о брате

Степане, о грядущем ему горе, об отце с матерью думает сейчас Варфоломей. Состарились они, отдохнуть мечтают. Поговаривают об иноческой обители. Ладят приготовиться по-христиански к предстоящему человеческому концу – в сане иноческом хотят встретить в недалёком будущем смерть, строгую гостью.

Думает обо всём этом юноша. Стучит топориком. Валит тяжёлые деревья, рубит сучья, на пошевни кладёт. Гнедой конь впряжён в них.

День незаметно клонится к концу.

Побагровели деревья. Пурпуром зари окрасился лес. Пора кончать работу.

– Эй, Гнедко, трогай!

Двинулись из лесу. Рослая, стройная фигура Варфоломея в тёплом кафтане шагает сбоку. В руках вожжи, а красивое, тонкое, вдохновенное лицо с потемневшими от всегдашней неотвязной мысли глазами поднято к небу.

– Вот-бы так одному, всегда работать, думать, трудиться одному за всех, за всю братию человеческую... Сладко, дивно, хорошо...

Незаметно выехали на опушку.

Чу! – насторожился Гнедко. Почуял кого-то близкого.

– Кто идёт?

Остановился. И Варфоломей остановился тоже. Знакомая маленькая женская фигурка бежит с перевальцем навстречу ему.

– Катя? Что ты! За мною, что ли?

– За тобой, Варфушка! За тобой, родимый! Анюте больно плохо, – соборовать хотят. Совсем отходит, помирает Анна. Стёпа голову потерял, ровно угорел. Ребята плачут. Мой Петра за тобою послал меня. Батюшка с матушкой в Степановой избе сейчас. Спешу, голубчик, надо застать в живых Анну.

– Иду, иду, родная!

Взял за руку свояченицу. Зашагал быстрее. Гнедко, умный конёк, почувал сразу, что не до него людям. Пошёл один по знакомой дороге к своему двору, без понуды потащил тяжёлые пошевни.

Спасибо, Гнедко! Спасибо, умник!

Спешит Варфоломей с Катей. Люба им обоим кроткая, черноокая, всегда печальная Анна. Успеть бы повидать её, милую, умирающую, покорную, хоть единым глазком. Что есть духу бегут, взявшись за руки.

Вот и Степанова изба. Рундук высокий, сени, дверь в горницу.

Слава Господу, поспали вовремя! В избе душно от множества набившегося в ней народу. Здесь и родные, и соседи, и духовенство. Анна лежит на постели, белая, без кровинки, будто не живая. Жёлтые щёки – одни кости, обтянутые кожей. Чёрные огромные глаза – две бездны, зажжённые лихорадочным пламенем. Вытянулись, заострились черты. От недавней здоровой красавицы и следа не осталось. А всё же странно светло и притягательно красиво это иссохшее лицо, эти чёрные кроткие очи, уже увидевшие как будто уголок другого мира, нездешнего.

Увидела вновь вошедших, чуть улыбнулась одними глазами. Словечка вымолвить нет сил. Шепнула только что-то, а что шепнула – неизвестно.

У ног жены бьётся Степан. Страшное, дикое лицо, перекошенное отчаянием, блуждающие, безумные, нездоровым огнём горящие глаза, всклокоченные волосы, борода. Без слёз рыдает остановившиеся на милом лице взор.

– Анна, Анна! На кого покидаешь!

Не речь это, не слова человека, а дикий вопль на смерть раненого зверя. Около – плачут дети. Маленькие несмышлёночки – младенчики Федя и Ваня.

– Тятя, тятя! Боязно нам! Не гляди так, тятя...

Забеспокоилась и больная. Хочет вымолвить что-то и не может. Только чуть слышный хрип рвётся из груди. Обвела тоскующими глазами присутствующих, остановила их на Варфоломее. Через силу простонала Анюта:

– Варфу... ш... ка... тебе... его... Стёпу, поручаю... Не оставь его, пока что... Ты сильный... ты ему помо... жешь... перенести горе... а младенчиков моих Кате... Кате... Катя, слышь... тебе...

– Слышу, Анюточка... Слышу, горькая моя... – прорыдала Катя.

Степан, как подрезанный дуб, рухнул на пол и забился в ногах жены.

Начался обряд соборования. В жёлтые, как воск, пальцы Анны вложили свечу. Зазвучали печальные слова и напевы. Благоухающий аромат миро пронёсся по горнице. Помазали им умирающую. Снова всё стихло. Кончился печальный обряд. Началось прощание. Рыдал, бился без слёз в мучительных столах Степан. Дети плакали, Кирилл и Мария тоже. Плакали и целовали умирающую. Один из всех спокойно молился Варфоломей.

Вдруг вздох лёгкий, знаменательный. Сизый голубь точно шелохнул крылом. Тоскующий взгляд больной – теперь странно и дивно засветился. Не мигая, светло глядят тёмные глаза.

Губы раскрываются бледные. Шепчут снова:

– Простите, милые, любимые... Простите... Пора...

И смолкла, затихла Анна.

Настал конец её земным страданиям.

Вечер.

Веет студёной лаской.

В избе душно и жарко. Пахнет ладаном. На лавке, под образами, с левой стороны от входной двери, вечным сном спит Анна. Мерцают лампы у божницы. Потрескивает у гроба стоящая в изголовье умершей свеча. Старица из ближнего Хотькова монастыря читает заунывно над покойницей. Величаво мёртвое лицо Анны. Величаво и прекрасно.

Степан стоит, как вкопанный у ног покойницы. Глаза молчат, душа молчит. Горе заполонило и душу, и мысль, и сердце печального вдовца. Глаза уж не плачут. Душа точно под камнем, под бульжною глыбою томится в молчании и темноте. Ужас горя, потрясающий и молчаливый, затопил всё его существо.

Варфоломей тут же подле. Помнит просьбу умирающей Анны – не оставлять пока что Степана. Нет, нет, не оставит первое время ни за что. Этот большой, сильный смуглый красавец Степан теперь такой жалкий, беспомощный, как ребёнок. Нельзя оставить его, нельзя.

– В монастырь уйду, постригусь, – говорит Степан, – нет мочи прожить дня в миру без Анны. В молитве и подвиге, мыслью, легче станет мне.

Мрачно горят его глаза. Горе в них давит смирение.

– Уйду, уйду! – шепчет снова глухо, – постом и молитвой, иноческим саном приближусь к моей голубке мёртвой.

– Ступай со Христом! Ступай, горький... Авось полегчает, – роняет ласково Варфоломей. А очи так и светятся готовностью помочь, пособить брату.

Потом, подумав немного, прибавляет тихо:

– И я с тобою! Ты в обитель, – я в скит, пустынствовать. Близко будем. Неразлучны. Спасаться вместе будет, Стёпа, брать мой. Аль не любя тебе мысль моя?

Смотрит Степан, смотрит на брата. Так вот он ещё какой? Жертву несёт ему, Степану. Не в леса, как раньше думал, уйти хочет, а с ним в обитель, в скит.

Смотрит, смотрит, будто видит впервые Варфоломея, брата юного, почти мальчика, самоотверженного, любящего, доброго. Тает что-то в сердце Степана. Тяжёлая глыба горя смягчает невольно. Надламывается ледяная кора тоски. Слезы жгут глаза. Пламя ворвалось в сердце, обожгло, опалило. Хлынули слёзы. Зарыдал Степан.

– Варфуша, спасибо! Брат мой любимый! Один ты мне остался. Один, один ты понял и пригрел меня.

И обнялись братья. И зарыдали оба.

И легче стало от ласки брата на душе молодого вдовца.

Трепетный и бледный, стоит Варфоломей среди гридницы. Говорит обрывчато, быстро:

– Отпустите меня, родные, вместе со Стёпою в обитель. Он в иноки, – я, благословясь, в скит пустынствовать. Не любо мне в миру. Отпустите, любимые мои...

Тихо, чуть слышно, вздыхает Кирилл. Плачет Мария. У обоих седые головы клонятся долу.

– Погоди, сынушка, не спеши! Дай нам ранее пристроиться. Дай в обители пожить, помереть, тогда иди с Богом. А покамест – поживи дома, порадууй нас, пособляй Петруше с Катей в хозяйстве. Растить Стёпиных детей помоги. Работа и это. Подвиг не лёгкий. А помрём

мы, – Господь с тобою, ступай хоть в обитель, хоть в пустыню – куда сердце лежит.

Замолкли родные...

Замерло сердце Варфоломея. Долго ждать. Отодвинулась заветная мечта. Но воля отца с матерью – воля Святая. Смирился разом, улыбнулся светло.

– Ладно, родимые! Будет по-вашему. Живите долго. Останусь здесь. Хотькова обитель не за горами. Со Стёпой видаться будем часто. Аннушкин не нарушу наказ.

И обнял престарелых родителей Варфушка нежным и долгим сыновним объятием.

В тот же месяц много перемен случилось в семье Иванчиных.

Боярин Кирилл постригся с женою в Хотьковом монастыре. Степан ещё раньше ушёл туда и постригся под именем Стефана.

Опустела тихая мирная усадьба.

Варфоломей, Пётр с Катей и с маленькими племянниками зажили в ней по-старому, часто навещая в обители престарелых отца с матерью и брата Стефана.

Снова плавным потоком по спокойному руслу потекла повседневная, рабочая жизнь.

Х

Словно вихрь кружится время. Кружится, катится, вертится, клубится, развёртывается, разматывается бесконечным клубком. Жизнь бежит точно от погони, как испуганный дикий олень. Судьба-старуха за ним спешит с клюкою. Гонит, гонит... А впереди другая старая ждёт: с косою острой, с пальцами костлявыми, с тёмным непроницаемым взором. Это – смерть. Эта уже не гонит, она ждёт.

Притаилась, чуть дыша, за углом и ждёт. Кто намечен ею – не постесняется, протянет руку, зацепит косою. Дзинь-дзинь-дзинь, – прозвонит коса и нет человека. Вот у неё расправа какова.

Притаилась она за углом Хотьковой обители. Навострила косу, простёрла руку. За одним ударом готовит другой. Две жизни разит к ряду, ненасытная. Две жизни! Ликует смерть. Что ей? Так суждено! Так велено судьбою! Так подтолкнуло под руку время! А она, старая, тут не при чём...

В Хотьковой обители стонут колокола печальным, скорбным перезвоном. Похоронное пение звучит в общем монастырском храме. Два гроба, две колоды, в которых хоронила своих умерших прежняя Русь стоят на чёрном траурном катафалке.

Кирилл и Мария, смиренные старец и старица Хотькова монастыря, умерли скоро один за другим почти к ряду. Хоронили в один день обоих. Были мужем и женою в миру – братом и сестрою во Христе стали в обители.

Лежат оба с холодным поцелуем смерти на лицах, Божьи инок и инокиня.

Спокойны, радостны их лица. Вся жизнь прошла в печали, заботах, нужде и гонениях. Впереди избавление, радость. Смерть принесла сладкий бальзам утешения, блаженство. Они достойны счастья. Они много выстрадали, спасались в обители, прошли суровый, хоть и недолгий, иноческий подвиг.

Варфоломей, Стефан, Пётр и Катя с обоими племянниками стоят у гроба.

Стефан сильно изменился за недолгие годы. Поседел, сгорбился, не глядя на молодость. Ещё суровее стало лицо. Инок стал в полном смысле. Пётр – тот же свежий, ясный, спокойный хозяин-юноша. Катя

– румяная, здоровая с обычно весёлыми, теперь заплаканными от горя, глазами, мальчиков, сыновей Степана, пуше глаза бережёт. Своих детей не так. Привязалась, как к родным, к Ване и Феде.

Варфоломей...

Двадцать лет стукнуло Варфоломею. Не муж он ещё, юноша, так почему же при встрече с ним низко склоняются головы обительских старцев? Почему почтительно вскидывают на него глазами прославленные в подвигах благочестия преподобные отцы?

Синий взор Варфоломея глубок, как море. В нём покоится неразгаданная тайна всего его существа. Золотистые кудри вздымаются над вдохновенным высоким лбом, обрамляя бледное, строгое и кроткое в то же время лицо юного красавца. Тонкие губы сжаты. Тёмные брови сведены. Чёрточка-думка залегла между ними. Высокий, статный, он смотрит прямо. Смотрит в душу – и молнии тихих восторженных дум летят от его лица, от его синих глаз, сапфировых, как волны моря.

Молятся осиротевшие дети-сыновья. Молятся – без горя, без глубокой скорби. Жаль родителей, но тиха и праведна их кончина. В ней величавая желанная красота. Нет места гнетущей тяжёлой скорби...

Поют на клиросе старцы причт. Дымок кадила вьётся, летит под купол храма.

Вот раздался голос старого пресвитера. Глубокою верою дышат его слова.

Плачет Катя, плачут дети, влажны ресницы у Петра. Стефан и Варфоломей стоят, замкнутые в тихой строгой печали.

Кончился долгий обряд. Подняли колоды с останками усопших старца и старицы, понесли на кладбище.

Вот и могила, уже заранее заготовленная. Остановились. Опять раздаётся дребезжащий голос священника, пение старцев и иноков. Под их тихое пение простились, под их тихое пение опустили в землю, засыпали колоды, уравнили могилу, два креста водрузили. Обвили их цветами – последними, предосенними махровыми маками, диким шиповником, пожелтевшею листвою лип и дубов.

Разошлись старцы, старицы, ушёл священник с причтом. Катя стала собирать детей домой. Торопит мужа, Варфоломея. С прежним Степаном, теперь уже иноком Стефаном, прощается.

– Приходи в воскресенье, отче! Напеку блинов, батюшку с матушкой поминать будем.

– Спасибо, Катеринушка! Не гость я ваш более.

Что? Что он сказал, или она ослышалась, Катя.

– Варфушка! Варфушка! – зовёт вне себя брата на помощь испуганная, изумлённая ребёнок-женщина, – слышь, что говорить Стёпа, то есть, как бишь, отец Стефан... – и совсем замолкла, смутившись своей ошибкой.

Варфоломей, молившийся на коленях у родных могил, тихо поднялся, подошёл неторопливо, взглянул на жену младшего брата.

Синие глаза его зажглись кроткой лаской. Но полно было сурового решения строгое в эти минуты лицо.

– Брат Стефан прав, Катя, – заговорил он тихо, – ни он, ни я не вернёмся в усадьбу домой. Сорок дней здесь в обители молиться за батюшку с матушкой будем. Сорокоуст справим у родных могил, а там в лесные чащи уйдём, подвижничать, грехи свои и мира замаливать, спастись. Живите с Господом своей семьёю, деток-сироток берегите. За нас молитесь, грешных, а мы, чем можем, у Господа за вас, мирян, работать и молиться станем. Не обессудьте, не

гневайтесь... Имение родительское – всё ваше. Нам с братом ничего не надо... Так мы со Стефаном, Божьим иноком, давно решили... Прощайте же, Пётр, прощай, Катя, детки милые, ласковые, прощайте, Господь со всеми с вами.

Умолк. Затих. Оборвалась горячая речь. А Пётр, Катя, как зачарованные, неподвижно стояли на месте, будто всё ещё слушая их. Первая опомнилась Катя. Бросилась к Варфоломею. Схватила его за руки и, трепеща от волнения, залепетала, обливаясь слезами.

– Варфушка, родимый! Ласковый, желанный наш, не губи себя, свою молодость... Какой же ты отшельник, такой молоденький, юный!.. Остайся, Варфушка! Остайся за старшего, за любимого. Во всём тебе почёт и уваженье будет. Как батюшку с матушкой покойных слушались, так и тебе ни в чём перечить не станем. Братец родненький, не покидай нас, соколик наш!

– Не покидай, братец! – вторит жене и Пётр.

Затуманилось лицо Варфоломея. Так в летний жаркий день вдруг туча набегаёт на прозрачную синеву неба и затемняет его... Но на миг только набежала. Скрылась мгновенно. Чистым и прекрасным стало снова сияние глаз Варфоломея. Заговорил спокойно, но твёрдо. Падали слова, как родник в лесу в глубокое русло.

– Нельзя. Не могу. Не проси, Катя, сестра любимая. Не проси. Дал слово жить в миру до конца отца с матерью. Свершилось. Господь посетил их милостью своею. И решили мы с иноком-братом искать в лесных чащах молитвы, одиночества и труда. Господь с вами, не мешайте нам. Идём своей дорогой.

И опять стало строго красивое лицо юноши, когда говорил он эти слова.

Поневоле затихла Катя. Замолк и Пётр. Не смели просить, уговаривать. Простились тихо, грустно, в слезах. Плакали дети. Плакали, мало понимая. От отца успели отвыкнуть. Глядя на взрослых горевали.

Прослезился Варфоломей и суровый Стефан-инок. Обнимались долго. Теплом дышали прощальные поцелуи... Ещё раз подтвердил Варфоломей, что всё имение, всю часть своего наследства отдаёт Петру с Катей. Рыдала Катя. Как по мёртвом, по любимом названом брате. Потом села с мужем и племянником в колыхагу. Поехали. Кричали из возка о том, что видеться будут, ещё не раз во время сорокоуста. Предосенний ветер заглушал слова.

Скрылась из виду колыхага, Пётр, Катя, дети. Варфоломей с иноком-братом остались один на один.

Долго смотрели друг другу в очи. Потом младший взял старшего за руку.

– Ежели жаль тебе покидать обитель, не ходи, отпусти меня одного. Уйду один. Тяжело тебе будет. Я давно к этому рвался, с детства. Ты же не мыслил о подвижничестве прежде. Аннина смерть толкнула.

– Так! Анна ушла и повела за собою. По ней, голубке, тоскует душа. В обители на людях тосковать труднее. Возьми же меня с собою.

– Да нешто в моей то воле? Иди! Рад буду! С тобой вместе легче осилить подвиг. Так через сорок дней соберёмся?

Заглянул глубоко под тёмный клубок в самые очи Стефана загоревшимися и ласковыми глазами. Призывом пламенел тот взгляд.

Тихо склонил голову инок.

– С тобой, Варфушка! За тобой, мой сокол. Веди, куда хочешь, – всюду пойду. Господь поможет утишить горе вдали от людей.

И тихо поползла по суровому лицу молодого монаха одинокая слеза.

XI

Глухая осень. Ветер злым духом кружит, по лесу гудит. Дика и воинственна его песнь. Красивой непроницаемостью, жуткой тайной отдаёт сердце глуши. Листья осенние кружат по воздуху, кружат, жёлтые, лиловые, берёзовые, как золото, светлые, ясные, кленовые – багряные, в пурпуре. В них прощальный вздох умирания, танец последний, погибельный. Покружатся, попляшут и упадут. А упадут – смерть, гниение, конец короткой жизни с тихим шептанием, с гулким ропотом. Не увидят весенней улыбки золотистого заоблачного сверкания. Упали – умерли. Нет им возврата, живого дыхания. Кончена их жизнь...

Скупю догорает заря на небе. Вечереет. Прощально и бледно сквозят розоватые блики на обнажённых остовах, гордых в своей обветшалой осенней дряхлости, деревьев. Бледная, сухая, с острым ароматом и тупым, неласковым холодком царственная властительница-осень надела багряно-янтарную корону из пурпура и золота перекрашенных, бывших ещё недавно зелёными, листьев. Но красавица угрюма и злая и точно хочет запугать всех своими мутными, тёмными, злыми глазами. В червонных косах играют прощальные зоревые блики.

Тьма подходит. Черноокая ночь-колдунья чарует, чарует. Холод. Тьма. Тишина.

Вдруг лёгкие хрусты, усталые шаги. По узкой, кочковатой тропе идут двое. Один совсем юный, измождённый от усталости, холода.

Другой постарше. Варфоломей и Стефан. Высокие посохи в руках, грубые посконные одежды.

Долго бродили. Грязная запылённая обувь у обоих, бледные лица, синие круги вокруг глаз.

С трудом взбираются на холм по лесной прогалине. Место в гору идёт, будто маковка, шапкой.

Кругом лес, тьма. Покатая, круглая горка. Спуски в чашу. Всюду лесная стража, могучая неодолимая на вид, стоит чёрной стеной: дубы, клёны, липы, берёзы, тополя...

В лесу тишь. Жуткая, но любая сердцу.

Озирается кругом синими, в тёмные круги усталости заключёнными глазами Варфоломей. Вспыхивают в глубине их зарницы. Синие звёзды очей горят, пылают.

– Стой, Стефан, – говорит он и нежно, мягко звучит его голос, – стой, милый. Здесь это. Чует сердце, что здесь. Велят мысль и оно, вешее, на этом самом месте строиться, и остаться. Хорошо здесь, тихо,далече от людей. Господь Всесильный, как у меня душа трепещет! Здесь... Чую... Чую.

– Ладно! Останемся здесь, – склоняя иноческий клобук, шепчет Стефан, – останемся, родимый!

Ему всё равно, где поселиться. Здесь ли, на этой горушке-маковке, окружённой лесом, либо в прогалине чаши, в долинке малой. Нет мочи, устал Стефан, бродя по дебрям. Кружили, кружили они по заповедным Радонежским топям, пока не дошли до этого места. Теперь он только об одном мечтает – как бы прилечь отдохнуть, распрямить усталые ноги, уснуть.

Он не подвижник, Стефан, нет. Он и не шёл на подвиг, на тот подвиг, что снился Варфушке с детства. Любовь к умершей жене

загнала его сюда в глушь, на вечное поселение. Он только человек, инок с обыденной душой. Бури земные его бьют шибко. И тело его стало слабым. Иссушенное горем не закалено оно для отшельнических нужд. Варфоломей – тот иной. И сейчас будто нипочём ему долгое по лесу брожение, будто устали и не бывало – хлопчет, суетится. Лицо юное, довольное, ликующее, как будто новое, освещённое внутренней радостью.

– Стефан! Братец, инок Божий! Постой, я тебе шалаш живым духом смастерю. Мху с листьями собираю. Отдохнёшь, выплещись. А уж на заре строиться зачнём. Первое дело церковку. Выстроим – и за избу примемся. Ладно?

А лицо так и сияет, так и сияет. Никогда ещё не видал таким радостным брата Стефан.

Вдруг в полутьме сгущённых ранних сумерек смущением вспыхивают глаза Варфоломея. Странная мысль проникает в мозг.

– Братец, а в чьё имя святое заложим мы храм Божий?

На минуту задумался Стефан, смешался. Не лёгкая задача это. Какому святому поручить их будущую маленькую убогую лесную церковь. Задумался крепко. Побежали мгновения. Вдруг мысль ворвалась в голову. Передаётся душе, сердцу.

– Во имя Святой Троицы заложим, – говорит не Стефан будто, а кто-то живой и вещей из самых недр души Стефана.

– Нельзя иначе! Тогда, до рождения твоего, трижды слышался голос в церкви, во время литургии, и крестивший тебя священник пояснил родимым нашим, что будешь ты служителем Святой Троицы. Во имя её и соорудим, братец любимый, наш убогий, маленький храм.

Сказал и вздохнул облегчённо. Точно скатилось с него тяжёлое бремя.

Ничего не ответил брату Варфоломей. Но ярче запылали в полутьме наступившего вечера сияющие глаза, и тихая, сладкая радость озарила всё его юное существо.

А ночь всё колдовала с новой силой. Расплывались её чары. Ниспадали чёрные покровы, махали крыльями беспросветными мрак и тьма.

Варфоломей высек огня, сложил костёр из сучьев валежника и бересты, а когда запылал огонь, набрал ветвей, нарезал острым ножом хлёстких, гибких прутьев, свил стены кровли, перевил ползучими длинными стеблями, сухими травами, устроил ложе из мха и тлеющих листьев.

Затем вынул хлеб из мешка, посыпал солью, передал Стефану.

– Кушай, братец! Потом спать ложись. Отдохни с Господом.

– Спасибо, желанный. А ты?

– Не хочется что-то!

– Притомился, что ли?

– Нет, нет! Радость моя сон гонит. Не усну всё едино. А ты ступай со Христом, ложись.

Встал, пошатываясь, Стефан. Усталость всё тело сковала. Ноют ноги.

– Христос с тобой, желанный!

Благословил брата скромным иноческим крестом. Вошёл в шалаш. Стал молиться. Потом, обессиленный, упал на мягкое ложе и уснул сразу, как убитый.

Костёр догорал.

Варфоломей, сидя у огня, смотрит внимательно на его умирающее пламя. Тлеют тёмные угольки, вспыхивают рубинами, яхонтами, сапфирами. И сердце Варфоломея пылает не меньше.

Теперь он счастлив. Теперь добился всего. Здесь, в тиши, в глуши, вдвоём с братом, проведут они долгую жизнь. Будут молиться за всех, будут трудиться одни в глуши, одни, на груди леса, в самом сердце лесной чащи, от Хотьковой обители вёрст десять, от усадьбы столько же. Не забывать обещали Катя с Петрушей, присылать хлеба, припасов. Вода есть в роднике, версты две отселе, видал он проходом. Чего же ещё надо? Вот с Божьей помощью выстроят церковь, в Москву сходят к митрополиту, испросят благословения. Пришлёт владыка священников. Осветят лесной храм в глуши Радонежской. О, Господи! Чаял ли он такого счастья дожидаться, Варфоломей.

И потрясённый, радостный, весь в слезах, счастливый, он мягко опускается на колени на сырую, росистую, увядшую траву и молится, и радуется, и благодарит, и ликует.

Здравствуй! Здравствуй, новая светлая, давно желанная жизнь!

ХII

Глуше, жёстче, сердитей делается осень. По утрам стоят хрустально прозрачные и чистые, как молитва, холодники. По ночам бродят ветры, как неуспокоенные могилой призраки, и воют голодные волки.

Шалаш давно сменён крепкой бревенчатой избушкой с очагом, лежанкой, с высоким крылечком, с сенями и боковушами. Даст Господь, странники-путники, калики переходные, набредут на жильё ненароком, будет где приютить их, принять и погреть усталые бедные косточки. Братья позаботились и об этом. С зари до зари работают над постройками. Церковь уже готова. Ходили в Москву оба к митрополиту. Просили прислать священников с дарами, с антиминсом, освятить вновь выстроенный храм. Свершилось. Священным пением, святыми молитвами осенили дом Божий среди

заповедных Радонежских дебрей. Ушли, уехали кроткие московские гости. Опять одни остались братья. Опять закипела повседневная работа.

Работает, впрочем, больше один Варфоломей. Инок Стефан болеет. Пожелтел, осунулся. Истома, тоска во всём теле. Очень трудился, помогал брату, изнемог. Тело болит, душа того сильнее. Тоска гнетёт пуще Стефана.

– Братец, неумогу, – зашептал как-то поздним осенним вечером, когда Варфоломей, наскоро перекусив хлебом и водою, – хлебом, однажды в неделю присылаемым им братом Петром из усадьбы, – взялся за священное писание, которое читал брату усердно целыми часами. – Неумогу мне, Варфушка, такая жизнь. Привык я к обители, тянет в монашескую келью. Душа просит служб церковных, песнопений и жаждет слушать литургию, вечерню. Тянет меня, Варфушка, болит сердце. И опять вот круче по Аннушке тоскую я здесь... Там легче было. Отпусти меня, братец...

Жалобно дрожит голос Стефана. Смущённо глядят измученные глаза инока и жаль ему оставить брата одного в лесной глуши. И тянет, в то же время, гонит его отсюда к простору, к свету, к золотым боголепным храмам, к дивному пению, к торжественным службам, пышность которых радует сердце, уносит, вынимает из него злую тоску.

Варфоломей, затаив дыхание, слушает брата. Чуть кивает головою, золотыми кудрями. Сияет синею ласкою доброжелательных глаз.

– Господь с тобою, милый! Куда влечёт сердце, туда и ступай... Постой только малость. Высыплет снежок, утихнут осенние вихри. Справишься и с Богом по первопутку. На Москву пойдёшь, братец?

– На Москву, Варфушка! По ней давно горит сердце. Есть там обитель Богоявленская. Наши Хотьковские старцы сказывали, строгих правил общежитие. Святой жизни монахи. Туда пойду. Не сердчай, что тебя покидаю. Не по сердцу мне пустынное житьё. И горше здесь по покойной жене сердце ноет.

– С Богом! С Богом!

А душа Варфоломея не расходится со словами юноши. От души этой самой и слово: «С Богом! С Богом!».

Затешил другую лучину. Поправил старую. Подошёл к столу, открыл Четьи Миней и Златоуста.

– Что читать?

Сказал Стефан:

– Что выберешь. За всё спасибо. Нежной волной серебристой полились священные, высокие слова, сладкие, ясные, чистые, золотые, благовонные. В них сок учения Христова. В них сила черпается для подвигов. Сила могучего орла.

Читает Варфоломей.

Слова точно алмазный дождь сыплются. Все вещи, все трогательные, все чистые, как родник.

Вдруг какие-то странные звуки врываются в тишину.

– Ау!.. Гу – Ау-гу-гу-гу!..

Вздрагивают братья.

Ближе страшные звуки.

– Ау-гу!..

– Во-о-во-ово-о-во...

Кто-то точно дразнится, кто-то бешено смеётся за окнами избы, выставляя жуткую чудовищную голову из чащи.

Всё ближе... Ближе!..

– Волки это! – шепчут бледные губы Стефана и прибавляют чуть слышно:

– О, ужасы Господни! Уж скорее бы на Москву, от всего этого подальше.

И мгновенно вспомнил.

– А ты, Варфушка, ты, неужто здесь, в аду этом, останешься? С лесными зверями, с лесными призраками? Нет! Нет! Пойдём со мною, Варфушка, пойдём. Как и я, в обитель поступишь. Право! Со Христом, завтра же отправимся... Варфушка, а?

Странно и тихо усмехнулся на слова эти синеглазый юноша. Одними очами, взглядом, а губы по-прежнему были плотно сомкнуты – строгие гордые губы.

Стефан ждёт ответа. Любит он этого кроткого синеглазого юношу-брата, такого хрупкого, нежного и сильного. И телом и душой сильного, выносливого за десятерых.

Опять лёгкая печальная усмешка трогает синие озёра глубоких Варфоломеевых глаз.

– Зачем смущаешь? – спрашивает тихо брата, зачем? Если уйду, кто сторожить станет новый храм Святой Троицы? Кто беречь будет Святыню Господню? Кто? Не проси, милый, на всю жизнь, волей Божией останусь здесь я...

И снова опустил длинные ресницы, уронил на книгу писания прояснившийся взгляд, и зазвучали в убогой избушке снова вещице и трепетные, как далёкие песни ангелов, слова о Боге и Сыне Его, о Духе Господнем, о том, что было и надлежало быть по могучему указу Их.

А ночь таила за окнами свои незримые сказки, и выли волки в лесной глуши, и тьма напознала, невидимая, безглазая, как страшная слепая колдунья...

ХIII

Долго боролись две силы – червонно-пурпурная осень и белая, ласковая, студёная и пушистая зима.

Зима победила. Белыми доспехами опоясанная, прогнала ту, испуганную, смятенную, злостно хихикающую, а сама надела на холодные руки пухлые тёплые рукавички, на серебряные кудри – лебяжью с горностаем шапочку и покатила на лихой тройке белоснежных коней. Покатила с посвистом, с гиканьем, с песенкой лихою: «Гой, вы, кони, кони быстроногие».

Мчится стрелою. Скачет зайчиком. Пляшет метелицей. Кружит снежком. Дует, свищет и поёт песенки молодецкие. Прилетели к озеру кони. Дохнула беловолосая красавица. Застудила водицу. Зеркальными льдами покрыла. Любуется на себя в синюю поверхность ледяного озера.

Дальше кони, дальше!.. Лесной ручеёк бежит. Стой, ручеёк! Нет у тебя одежды хрустальной? Бери скорее. Нравится? Нравится мой первый ломкий ледок? Вы что, дубы могучие, клёны высокие, матушки-берёзки, липы-печальницы, вам завидно? Ладно, и вам подарки будут.

Сунула обе руки за пазуху. Из лебяжьей шубки вытащила пригоршни инея. Берите, берите, милые, жадные, нетерпеливые. Вот вам монисто, ожерелья, вот подвески алмазные, не браните красавицу-зиму.

Во всё белое оделся лес. Как в волшебной сказке. Царством белой чистой красоты стал вместо зелёного весенне-летнего, вместо багряно-золотого осеннего. Намела сугробы зима.

И вокруг избушки сугробы. До самых окон. С самого раннего утра подымается Варфоломей, разгребаёт снег, прокладывает рыхлую узкую дорожку среди двух снежных стен туда, к опушке.

И сегодня встал пораньше. Надо почистить дорожку. Нынче по ней уходит Стефан. Совсем уходит – в Москву, в Богоявленскую обитель. Взял лопату и, пока брат спит, копошится по пояс в снегу трудолюбивый юноша.

Прибегали смотреть на него две лисички. Рыженькие, пушистые, щеголихи такие, будто Ростовские купчихи... Лукавыми хвостиками вертели, крутили. Мордочками поводили, любопытными, лукавыми. Больно им охота взглянуть было, что делает человек.

Смотрели издалека на работу, на избу, на Варфоломея. Будто не боялись его человеческих глаз. Делали вид или просто не боялись. Постояли, постояли и убежали, оставив на белой пелене снега мелкие частые следы.

Просветлело малость.

Тьма развеялась. Из избы вышел Стефан, готовый к уходу, опоясанный.

Молча кивнул головою.

Варфоломей понял без слов призыв брата. Оставил работу. Вошёл в сени, в низкую гридницу, опустился вместе с братом на колени перед киотом. Молились оба жарко и долго.

Первым поднялся Стефан.

– Когда утихнет тоска, покрепчаю, вернусь к тебе, любимый, – сказал брату.

Обнялись крепко. Поцеловались трижды. Потом смотрели в лица один другому. Хотелось запомнить, запечатлеть навсегда каждую черту.

– Прощай! Бог приведёт, увидимся снова.

Опять обнялись, вышли на крыльцо и быстрым ходом направились по лесу.

Варфоломей провожал брата.

Один...

Как странно и дивно катится время. Пышный его клубок разматывается бесшестно, беззвучно. Белая царевна-зима плотно заперлась в своём царстве. Белая студёная в своём хрустальном царстве. Милая царевна, вся в алмазном уборе, пой свои песенки, играй в свои сказочные игры, шалунья-проказница, сестра мороза, внучка метелицы, крестница вьюг.

Один!

Варфоломей один. Как зачарованный путник – пленник волшебного зимнего царства. В старом тулупчике, в потёртой шапчонке работает он между двух зорь, утренней и вечерней, между скупым холодным зимним восходом и лениво томной улыбкой луны.

И нынче с зарёю ушёл он из избушки в чашу. Замыслил новую работу: расчистить полянку, устроить, вспахать по весне нивушку, посеять хлеб. Не всё же утруждать Петра. Посылает брат по-прежнему холопов с припасами из усадьбы. Ежесубботно приносят они хлеб из дому. Устают, мёрзнут в пути. Сбиваются с дороги в лесу. Зачем утруждать людей? Надо самому обзавестись хозяйством, вырубить поляну, вырыть корни, сгладить землю к весне. Господь послал его трудиться сюда, Варфоломея. Спасение не только в посте, в

одиночестве, в молитве, но и в труде. Ведь и Иисус Сладчайший был плотником в доме Иосифа. Сам Христос Сын Божий Царский, сам Царь.

Ударяет по стволам дерева Варфоломей острым топором. Лезвие сверкает. Падают стволы-великаны. Шуршат, трескаются, ломаются сучья. Сыплется иней. Целый дождь, целая туча белых студёных пылинок.

Как красиво!

Опять взмах сильной руки. Отлетают сучья от ствола. Без передышки рубит, пилит, тешет брёвна Варфоломей. Со сверхъестественной силой отгаскивает в сторону. Последнее, большое, перетянет кушаком, тащит домой. Будет житницу строить для будущих зёрен, амбары.

Помоги, Господи!

Ещё один взмах руки... Стук!

Из норки выскочил белый зайчик. Косоглазенький, длинноухий, с глупой, испуганной мордочкой. Вскинулся раз... два... присел на задние лапки. Весь дрожит. Глядит и дрожит.

– Не бойся, маленький, не бойся, болезный, не причиню тебе лиха!

Что-то есть в лице синеокого юноши, что притягивает к нему не только людей, но и зверей, тогда лисичек, сейчас боязливую зайчишку. Проходит страх у зверька, нюхает воздух потешным носиком, шевелит усами, чешется лапкой. Да как вскинется бегом, играя, дурачась. Прыгает, скачет, смешной такой, резвится косоглазый. Белый ребёнок в шубке, сын дикого старого леса.

– Довольно на сегодня. Пора домой!

Заткнул топор за пояс Варфоломей. Схватил тяжёлое бревно, поволок по земле, по снегу рыхлому, белому, как саван.

Тяжело. Пот катится градом. Все жилы выступили на побагровевшем лице, а в глазах сияние лазури. В глазах восторг удовлетворения, радость достигнутого, счастье без меры, то, к чему с детства стремилась душа его. Один он в пустыни, трудится, работает за четверых.

Идёт согнутый под непосильной ношей, едва передвигает ноги. А на душе весна, радость весны, ликующая, ало-лазурная, праздник весенний.

День умирает быстро, короткий зимний день.

Засветло надо дойти до избы. В потёмках не трудно с дороги сбиться...

Вот он близко, близко. Вот тёмным пятном рисуется крохотная лесная усадьба, с церковью во имя Святой Троицы, с избушкой. Подъём на гору труднее. Ничего, милостив Господь, дотянет он бревно. Варфоломей.

Вот одолел наполовину, вот дотащил и до вершинки, до знакомой площадки... Взглянул вверх и ахнул. Отступил невольно, исполненный изумления.

Велик Господь! Неужто Стефан вернулся обратно? Там наверху, на маковке кто-то есть, копошится высокий. Кто-то с ворчанием ворошится у тына, толкаясь поминутно в закрытую дверь.

Нет, это не Стефан... Огромное что-то... Ворошится, рычит, стонет. Не то человек высокого роста в тёплой боярской шубе, не то...

– Кто здесь? Отзовись во имя Господа! – кричит Варфоломей, приближаясь к избе.

Нет ответа.

Ворчание явственнее. Будто сонный ропот недовольства. Будто злой, болезненный стон.

– Кто? Отзовись!

Снопа нет ответа.

В сгустившихся сумерках видно плохо.

– Отзовись!

Молчит. Кряхтит кто-то. Существо какое-то в тёплой шубе. Прервало возню, однако. Повернуло от двери. Идёт к Варфоломею. Прямо на него.

Как будто нарочно разорвалась тьма в эту минуту. Чёрные облачка расступились на небе, пропустили вперёд странно, лукаво и грустно улыбающуюся всегда луну. Выскользнула луна из своей воздушной светлички. Осветила, прогнала тьму. Огромное существо осветило. Сразу всё, мгновенно, с головы до ног...

Страшный, огромный бурый медведь на задних лапах стоял в трёх шагах от Варфоломея. Лесное чудовище с громадной мордой. Лесной четвероногий великан. Маленькие глазки глядят смышлёно, но сонно. Вышел видно из берлоги ненароком, соседние вотченники спугнули охотой.... Лежал в норе с осени, лизал лапу и дремал. Зимой они не ходят, медведи, погружённые в спячку. Этот случайный, видно. Огромный, страшный великан. Ужас сковал Варфоломея. Холодок побегал по жилам, подкрался к сердцу, заледенил его страхом. Зашевелились волосы, дыбом стали под шапкой на голове.

Медведь стоит, выжидая. Глядит. Маленькие глазки поблёскивают в матовом сиянии месяца. Кажется весь при свете его не бурым, а голубым.

Шагнул ещё раз. Тяжёлый шаг, грузный.

Варфоломей невольно подался назад.

– Съест!.. Растерзает!.. Сейчас, сейчас... – рвётся и звенит как-то в голове сбивчивая мысль.

Ещё шагнул Мишка. Дохнул в самое лицо юноши горячим дыханием. Из разинутой широко пасти белые, как кипень, сверкнули зубы. Лязгает ими... Голоден. Видно по всему. Голоден и лют. Спугнули, выгнали из берлоги, во время зимней спячки, отвлекли от доброй медведицы, от весёлых деток-медвежат.

Дышит в лицо Варфоломею. Из огромной пасти клубится пар. Сейчас... Сейчас.

– Уж скорее бы! – носится в мозгу юноши предсмертная мысль.

В тот же миг страшный, потрясающий рёв огласил поляну. Медведь тяжело опустился на передние ноги. Чудовищный по размерам, когда стоял, стал не больше доброй упитанной коровы.

Теперь вплотную подполз к юноше. Обнюхивает его... и вдруг заскулил, застонал тихо, жалобно, как собака...

– Голоден! Голоден! Голоден! – говорит без слов этот стон.

Машинально опустилась в карман тулупа рука Варфоломея.

О! радость!

Там краюха хлеба осталась от обеденной поры. В ужин есть не придётся, если отдаст бурому зверю. Так что ж, натошак, в посту, молитва угоднее Богу. Отдать Мишке, отдать!

И протягивает руку к мохнатому.

Глаза зверя заискрились. Почуял запах съестного. Раскрыл пасть, принял из рук юноши краюху. Тихо и нежно принял, как ласковый домашний пёс. Стал есть жадно, торопливо, испуганно. Бегали глаза по сторонам – не отнял бы кто, который посильнее. Свирепо рычал, внушительно.

– Ешь, Мишенька, кушай, Божье творенье, никто не обидит, – ласковым шёпотом подбодрял Варфоломей.

– Кушай на здоровье, кушай!

Кончил свой ужин Мишка. Сладко засопел носом и зевнул.

Глаза сузились, как у разлакомившегося котёнка. Точно спрашивает: «Нет ли ещё?»

– Нет ещё, милый, нет! Сам отдал последнее. Вот постой, погоди малость, придёт с усадьбы братнин челядинец, ужо принесёт новый запас хлебушка, поделюсь с тобою.

И ласково протягивает руку зверю Варфоломей. Точно забыл юноша, что перед ним лютое чудовище, могущее разорвать его каждую минуту. Машинально перебирает мягкий мех медвежьей шубы. Тонут белые тонкие пальцы в высокой пушистой шерсти. Тихо урчит зверь.

Видно по душе прилась ему эта ласка. Потянулся и лёг. Лёг у самых ступней Варфоломея, как преданная, верная цепная собака. Приподнял голову и лизнул ему руку. Лизнул большим горячим языком прямо в ладонь.

Тёплой волной прилила эта ласка к душе юноши. Он наклонился. Обнял мохнатую доверчивую голову зверя и прижался к ней.

– Ах ты, милый, милый!

Тихо заурчал Миша. Любо ему, любо. В человеке нашёл друга бурый мохнач. И человек, и зверь поняли друг друга...

XIV

Ещё потом часто, часто приходил Мишка.

Зиму проспал в берлоге, сосал лапу, а когда первые тёплые лучи растопили, развеяли белоснежную пелену серебряной красавицы-зимы и забегали мутно-весёлые, быстрые говорливые ручейки в

лесной чаще, пробуждённый бурый мохнач пришёл к лесной усадёвке. Пришёл, увидел Варфоломея, заурчал, заурчал, широко раскрыл пасть, точно улыбнулся приветно. Лёг у его ног, лизнул горячим влажным языком руку юноши, скулил.

– Голоден! Голоден!

Когда находился хлеб в избушке, делился по-братски им с Мишей Варфоломей; когда не было, говорил жалостно:

– Нету, родимый! И рад бы, да нету!

Грустно глядел медведь жалобными тоскующими глазами.

– Так нету, говоришь? – будто спрашивал взглядом.

– Нету, бедняга милый!

Тяжело поднимался Мишук. Глядел тоскующим, по-человечьи разумным взором и уходил в чащу, обиженно, печально скуля.

А иногда оставался. Когда был хлеб, ели вместе под большим развесистым дубом. Потом вместе же сбегали с горы, с маковки и, достигнув родника, пили студёную, весеннюю воду.

Кроме бурого Мишки бывали и другие гости. Приходили умильные рыжие лисички, хвостиками махали пушистыми, сияли тёмно-червонными шубками, жеманились будто. Прибегала семейка косоглазых, быстроногих, длинноухих. Водили мордочками, глазками, чесались лапками и прихорашивались. Зайчата кувыркались, пачкали в прошлогоднем гнилом листу чистые белые шубки. Потом внезапно с места бросались и убегали, поспешные.

Проходил, тяжело ступая, степенный и важный кабан, страшно выставив белые клыки, будто дразнился. Зверьки убегали от дикого, злого страшилища. Спасали свои шкурки. А Варфоломей глядел, как медленно и важно, тяжело идёт он мимо лесной усадёвки и не чуял

страха. Спокойно глядел на него зверь, и он спокойно глядел на зверя. Как два добрые встречные путника, проходили один мимо другого.

Были и ещё гости. Самые частые, хоть и незваные – волки. Эти были всю зиму, вокруг избышки, дозором обходили усадьбу. Горели ярко фонарики их глаз в темноте ночей. Фантастической цепью сверкающих огоньков окружали усадьбу, точно горящим замкнутым кольцом. Но и эти были не страшны. И эти, как верные сторожевые псы, охраняли детское спокойствие молодого отшельника.

Совсем стаяли снега. Зашумели ручьи и лесные озёра. Зелёнокудрую листвою оделся лес. Пышные гроты построились в чаще. Изумрудные чертоги замелькали в лесной дичи.

Пряно, млейно и празднично запахла лиловые фиалки. Сладко-дурманно дохнула весна. Апрель – кудрявый мальчик – убежал, играя. Ему на смену запрыгал, запел, закружился розовый май.

От вздоха весны и улыбки солнца родилось прелестное, майское, розовое дитя.

Родилось, всплеснуло ручонками, закружилось, засмеялось... Ему откликнулись серебристым звоном ручьи, ему ответила гулким эхом прочих гомонов чаща. Отец-солнце усмехнулся сверху, мать-земля укачивала внизу.

Светлые, чудные ночи. И трели волшебной серой птички, что зовётся соловьём.

Задумчиво-печальный медвяный аромат ландышей потянулся из чащи, полный неведомой чарующей тайны, тайны короткой цветочной жизни, благоговейных и незримых курений и алмазно-сверкающих рос.

В такие ночи особенно легко и радостно молится Варфоломей. Окна его церковки раскрыты настежь. Белая ночь влетает, полная светлой чары. Соловей поёт. Поёт о Том, Кто дал ему этот дар, этот голос, такой сладкий и прекрасный.

К Тому же Могучему и Доброму летят и мысли Варфоломея. Его покрытые мозолями от постоянной работы руки стиснуты крепко, с мольбою. Грудь дышит бурно, тяжело. Волнение давит вздох. Хочется упасть на деревянный пол церкви и рыдать, рыдать от счастья. Целый день он работал в поле и в своей лесной усадёбке. Ставил ограду, тесал брёвна, а на заре сеял, сеял на им самим заготовленном поле первые зёрна.

Сейчас, утомлённый трудами, он, однако, не чувствует усталости. Он бодр и счастлив. За неимением свечей, зажёт лучины в церкви, бересты. Чадят, дымчат они, но он не чувствует ни дыма, ни чада. Он счастлив. Он добился всего, чего жаждала душа с детства, он добился большего, нежели желал. Он один здесь в глуши, как свеча, горит перед Богом. Горит молитвой и несгораемым пламенем любви. Он один здесь, далёкий, как ничтожный крохотный островок среди океана, молится за всех, за весь мир, за себя, прося отпустить им и себе грехи, заблуждения, обиды...

И один на груди матери-природы он работает здесь. Он добровольный, скромный работник для своего Великого и Большого Хозяина. Он знает, Варфоломей, что без труда сверхсильного нет подвига. Без трудов бледнеет молитва. И он трудится, как батрак, чтобы угодить Великому Хозяину мира.

Он верит, что когда его не будет, когда он умрёт, какой-нибудь другой пустынный, а может стать и двое и трое набредут, на эту усадёбу, поселятся в ней. Так надо приготовить, устроить в ней всё

получше, повольтотнее. И в храме, и в избе, и в поле. Пусть порадуются и возблагодарят Господа.

И острое, могучее, неземное счастье охватывает всё юное, светлое существо Варфоломея. Горит он весь. Раскрылся снова широко белый, сверкающий, благоуханный цветок его детски-невинной души, и весь он – горячее пламя всеобъемлющей любви к своему Хозяину.

– Боже, научи меня, что мне сделать, чтобы быть ближе к Тебе? Я – Твой, весь Твой. Приблизь меня ещё к Себе, Господи!

– Падает на пол. Лежит, обессиленный, в полузабытьи...

Лучины трещат, озаряя скудным светом лица угодников на образах-складнях!..

Ночь бежит вдохновенно и тихо, светлая весенняя ночь. Поёт соловушка. Ароматными поцелуями напоминают о себе ландыши – скромные, прекрасные цветы.

Вдруг внезапная мысль, как огонь горячая, обожгла мозг, душу, сердце юного отшельника.

О! Как он раньше не мог додуматься до этого? Разве он, Варфоломей, не приблизится к Богу таким путём?

О, эта мысль! Не Сам ли Ты, Всесильный, вложил её в меня?

Поднял голову. Схватился за сердце, полное новой светлой тайны.

А радость огромная, светлая, как белая ночь, как дыхание ландышей, как соловьиная трель, заполнила душу.

– Теперь знаю, знаю, что делать! О, благодарю Тебя, Господи, за эту дивную мысль.

И упал снова, и плакал, и бился от счастья на полу храма, и готов был умереть по одному знамению Великого, Доброго Всесильного Божества.

XV

В лесной усадёвке праздник.

Ничего подобного не видали ещё лесные звери. Тихо жил один человек в лесу, работал в поле, за тыном, у избы, у церковки. А нынче не слышно ударов топора дома и в чаще. Куда-то уходил надолго.

Вернулся не один. Седой, как лунь, монах шёл сзади. Вошли вместе в усадьбу.

И всё сразу, всё засветилось огнями. Лучины в храме, лучины в избе. Светло, хоть и осень, хоть на дворе хмурый октябрь.

Бурый Мишка, пришедший за подачкой, слышит тихий рокот двух голосов. Один старческий, древний, другой молодой, звонкий, сильный и свежий голос. Знакомый голос. От него дрожит что-то большое и радостное в медвежьем сердце бурого. Преданно, по-собачьи, научился любить бурый этого светлого, всегда ласкового красавца юношу, от синих глаз которого идут солнечные лучи.

В убогой избушке за столом сидят двое: старец Хотьковской обители, Митрофан, и юный хозяин лесной усадёвки. За Митрофаном и отлучался из лесу Варфоломей. Одному ему никак нельзя исполнить задуманного.

Старца Митрофана он знает давно. При его участии схоронил умерших родителей. Он же, этот старец, постригал Степана в иноки.

Когда впервые светлым пламенем зажгла душу Варфоломея его тайная мысль, он сразу подумал о старце-монахе:

– Этот поможет! Этот не откажется напутствовать!

И пошёл за ним в Хотьков монастырь. Упросил пойти в чашу, умолил исполнить задуманное.

Сейчас тихая, ликующая радость наполняет сердце Варфоломея. Старец здесь, старец согласен. Стало быть близок, близок желанный час.

Старец смотрит на юношу, мягко, любовно, как отец на сына.

– Дитя моё! Твёрд ли ты в решении своём?

– Твёрд, святой отче!

– Сын мой, ты ещё так молод. Не раскаяться бы тебе.

– Два года я провёл здесь в пустыне, отче. Два года один. Хочу здесь и умереть. Хочу всю свою молодость, зрелые годы и старость – всё сложить к стопам Божиим.

– Сын мой!.. Твои очи ещё горят пламенно, в твоём пригожем лице играет румянец... Ты молод, прекрасен, добродетелен и кроток. Любая девушка с охотой пойдёт за тебя замуж.

– Я не могу и не хочу жениться, отче! Я люблю Христа. Отдай меня Ему совсем, Пречистому. Прошу тебя об этом, отче!

Старец любовно взглянул на юношу.

Твёрдым решением сверкали молодые пламенные глаза. Силою несокрушимою дышала каждая чёрточка, каждая жилка в лице Варфоломея. Готовую жертвой нового подвига горел он весь, стройный и прекрасный в своём желании.

– Будь по-твоему! Молод ты для подвига такого, но мудрость старца вижу в прекрасном юном облике твоём. Ступай за мною.

И первый, сказав это, вышел из избы старец и пошёл в церковь. Там всю ночь молились оба. Молились горячо и пламенно до рассвета.

Трещали лучины. Плакал ветер за окном убогого храма, обильными холодными слезами плакал октябрьский дождь.

– Всё лето думал, мыслил об этом, боялся, а ныне, молю тебя, отче, постриги меня!

Слышится тихий шёпот Варфоломея между словами священных, душу бодрящих молитв.

Ночь миновала. Скупое осеннее солнце накрылось вуалью, серую фатою завесилось.

Лучины новые сменили прежние в маленьком храме. Наступило утро 7-го октября, день празднования памяти Святых Мучеников Сергия и Вакха.

Солнце как бы смущённое выглянуло из-за серой завесы, улыбнулось в оконце и вдруг просияло.

Увидело светлое солнце посреди убогого храма двоих: в одной белой рубахе-хламиде с распущенными по плечам золотистыми кудрями двадцатидвухлетнего юношу у амвона перед Евангелием и крестом и седого монаха старца с ножницами в руках, читающего молитвы.

Упала золотистая прядь волос на пол. Упала. И дивным, словно благоуханным запахом роз повеяло по церкви. В ту же минуту убогая иноческая ряска покрыла юное стройное тело молодого постриженного, а золотые подрезанные кудри скрылись под монашеским клобуком.

– Свершилось! Прими моё братское лобзание, инок Сергей! – произнёс старец и обнял юношу.

Как к родному отцу, прижался к нему вновь постриженный инок, и синие озёра его глаз в эти минуты отражали небо.

На литургии приобщал Святым Тайнам молодого инок старец. Семь дней оставался Митрофан в бедной лесной усадьбе и ежедневно совершал службу в храме, приобщая юношу, не выходявшего оттуда всю эту седмицу и питавшегося одною в воде размоченною просфорою.

На восьмой день Варфоломей, принявший при пострижении имя Сергия, провожал старца снова в его обитель.

Проводил до Хотькова, вернулся и зажил снова, зажил прежней отшельнической, рабочей жизнью, ещё строже соблюдая молитвы и посты, ещё сильнее трудясь в усадьбе и в поле.

Его желание исполнилось. Свершилась давнишняя грёза. Господь приблизил его к Себе и дал ему возможность надеть тёмный смиренный клобук инок.

XVI

– У-у-у-у! – воет вьюга, злобствующая против всего мира, поднявшая войну старуха.

– Фю-фю-фю-фю!.. – насвистывает тоненьким голоском ветер.

– Жжжжжж!.. – как рой шмелей звонкокрылых, жужжит метелица.

И метёт, и метёт... И кружит. С ветром и вьюгой слилась. Поют и пляшут. Пляшут и притопывают, трое вместе на разные голоса. Дикая, жуткая, страшная музыка. Услышав её, зябко вздрагивает путник и прибавляет ходу. Где тебе, милый? Не уйдёшь! Налетит ветер – заморозит, закружит, зачарует. Метелица набежит, с ног собьёт. Вьюга долго будет петь сладким певучим голосом, пока не наметут ветер с метелицей под вещие сказки её высокие снежные сугробы и не схоронят тебя, милый, заживо.

– У-у-у-у-у! – поёт вьюга.

– Фю-фю-фю-фю! – свистит ветер.

– Жжжж! – жужжат на тысячи голосов ненасытные шмели – дети свирепой метелицы.

Берегись, путник, берегись!

В маленьком лесном храме дрожит мигающая лучина. Над тяжёлым псалтирем застыл, весь уйдя в чтение, Сергей.

Коленопреклонённый стоит он посреди своего убогого лесного храма. Чадающая лучина потрескивает, тут же втиснутая в расщеплённый верх грубо сколоченного аналая. Старый, ветхий пергамент, византийского бархата слинявший переплёт... А слова? Слова вечно юны, вечно новы. Слова псалтиря – цветы. Благоухающие, по весеннему прекрасные, полные глубокого смысла. Тишина, уста шевелятся беззвучно. Трещит лучина, тихо мерцает лампада на амвоне, озаряя Пречистый Лик Матери и её Младенца.

За дверьми же ветер и вьюга распевают свои дикие песни.

Сергей молится. Молодо и пламенно горит душа. Со словами Царя Псалмопевца Давида сливается она в общем хвалении. Но где-то внутри, в глубине сердца, невидимо, чуть ощутимо зарождается странный непонятный страх. Какое-то не то предчувствие недоброго, не то боязнь. Что-то, мнится юноше, должно случиться, и непременно случится страшное и роковое в эту ненастную, зимнюю, ползучую, как чёрный гад, январскую ночь.

В отдалённом глубоком уголке Сергиева сердца робко копошится, рождается боязнь. Растёт что-то внутри помимо воли юноши.

Он знает, догадывается, что это.

Жуткий, маленький копошится суетливый червячок страха. Удивляется юноша.

– Что со мною? Один провёл два года с половиной в дикой чаще, в пустыне, никогда не страшился, а тут...

Прыгает изумлённо и тревожно вспугнутая мысль в его голове.

Все силы, всё своё спокойствие призывает Сергей. Прогнать бы, прогнать скорее дикое, ненужное чувство, овладевшее им так жутко, так внезапно в эту ночь.

Молитва не идёт на ум больше. Мысль путается, голова горит. Огромное, властное, ничем не сдерживаемое сейчас чувство страха подхватило, закружило, унесло, как вьюга за окном, как метель, как ветер. С треском погасла лучина... Один только огонёк лампы скудно озаряет церковь. Темно. По стенам бегают прихотливые мрачные тени. Сердце перестаёт биться, сердце точно умерло в груди. Безобразный, нелепо настойчивый растёт в душе страх.

Сейчас, сейчас! То, что поднимает волосы дыбом, что леденит мысль, должно свершиться сейчас.

Сильнее запела вьюга. Засвистел ветер. Загудела метель.

Ещё темнее стало в маленьком лесном храме. Дрожащий и бледный, стоит одиноко Сергей посреди него.

Трах!..

С ужасным шумом надвое распалась стена церкви... Распалась, раздвинулась, образуя огромную брешь.

И в эту брешь вошли «они»...

Их было много, целый полк, целое скопище... Сергей видел, как они входили. Высокие, крупные, с зеленовато-бледными лицами и пламенными, как светляки, горящими глазами. На головах высокие шапки... Кафтаны литовского покроя на плечах.

Впереди всех самый высокий, мрачный, должно быть их вождь. Он выше всех, всех наряднее. Грозным, царственным пламенем сверкают его мрачные глаза.

Вошли. Окружили тесным кольцом юношу. Улыбаются значительной страшной улыбкой. Гибель в очах, гибель в лицах их и в этих улыбках гибель. Дрогнуло ужасом сердце Сергия. Он, не знающий страха, не боявшийся лесных дебрей, диких зверей и призраков, он затрепетал невольно перед этой страшной, вражеской силой.

Высокий вождь отделился. Протянул руку вперёд. Дохнул в лицо юноши горячим, как адское пламя, дыханием.

– Слушай, Сергий, – крикнул резким, повелительным голосом, от которого дрогнули, казалось, самые стены маленького храма, – слушай, уходи отселе! Тебе говорят, подобру-поздорову, уходи! Наше место сие. Не мы тебя искали, ты нашёл на нас! Коли не уйдёшь отсюда, разорвём тебя на много частей!

Страшно засверкали чёрные очи... Заскрежетали зубы. Конвульсивно задвигались хрустящие пальцы.

– Уйдёшь ли ты?

Вопрос звучал повелительно.

Очи Сергия, синие глубокие озёра, медленно поднялись и погрузились в тёмную бездну пламенных глаз страшного вождя.

Дрогнуло бешенством лицо последнего. И, не желая отступить от раз намеченной цели, он крикнул дико и пронзительно на всю церковку, на всю лесную усадьбу, на всю чащу:

– Разорвём тебя тотчас, и ты умрёшь!

– И ты умрёшь! – с адским хохотом прокричали, просвистали, простонали остальные, и всею толпою, скрежеща зубами, пылая глазами, с шумом и гамом бросились разорять церковь.

Точно что толкнуло Сергия к земле. Он упал на колени, поднял к небу смятенный взор и вскрикнул, исполненный отчаяния, страха и глубокой веры:

– Да воскреснет Бог и расточатся врази Его и да бежат от Лица Его вси ненавидящие Его!

И сразу всё стихло, смолкло... В одно мгновение ока исчезли страшные гости. Прежняя тишина воцарилась в храме. Как и прежде стояла неподвижно церковная стена, будто и не было в ней бреши, пропустившей «тех». Ни тени напоминания о них.

И только кто-то, невидимый и жуткий, шептал на ухо Сергию:

– Отделался ныне, придём в другой раз. Не отвертись от нас, человече!

«Они» сдержали обещание. «Они» пришли...

В тихую благовонную ночь лета «они» пришли снова. Сергей только что вернулся из храма. Юноша отпел там утреню и теперь шёл отдохнуть до восхода солнца после бессонной ночи и трудового дня.

Неясное смятение ощущалось всем его существом сегодня. Знакомый трепет волновал его. Чудилось, что нынче свершится что-то снова в ночи.

Скорбела душа. Наростало непонятное, большое и тяжёлое бремя в сердце. Он медленно сбросил с себя грубую иноческую рясу, снял клобук и приготовился уже лечь на жёсткое, из деревянных досок сколоченное ложе, не притронувшись к обычной своей дневной пище

– куску чёрствого хлеба, размоченного в воде, как сильный стук в дверь заставил его сразу насторожиться.

Стук повторился. Кто-то ломился в сени. Внезапно затряслась избышка. Задрожала земля. Зашумело, завертелось, затряслось всё кругом от бешеного топота многих сот ног, бегущих по направлению к избышке... Казалось, целая татарская рать ломилась в усадьбу... Неистовые вопли, крики и стоны наполнили лес.

– Если хочешь быть жив, сей же миг уходи отсюда! Зачем в эту глушь явился? Что хочешь найти ты в ней? И звери, и тати наполняют чащу. И ми не дадим тебе проходу, покуда не умрёшь, либо не скроешься из наших владений... Мы погубим тебя!

Всё слышнее, всё явственнее неслись и росли крики. Дрожала земля от топота ног; от бешеных воплей шёл гомон по лесу, по всей чаще.

Упал на колени Сергей. Молился исступлённо.

– Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! Не попусти, Господи, погибнуть грешного раба Твоего.

Глубоко ушёл в молитву. Замер в ней. Забыл об ужасах, о времени, о криках и воплях. Вдохновенно ронял пламенные слова, как алмазы, жертвуемые Богу.

Забылся в молитве, ушёл в ней далеко от земли. Не слышал, как утих адский стон и гомон.

Притих лес. Притихла чаща и усадьба. Самая ночь притихла.

Подползало румяное свежее радостное утро.

Забылся Сергей.

И вдруг снова:

– Тук-тук-тук!

Новый стук в дверь избушки. Но уже не прежний отчаянный, наглый, а тихий, робкий, несмелый.

Очнулся, надел ряску, клобук. Подошёл к двери.

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа, кто там?

– Аминь! – послышался за дверью человеческий отклик. – Открой во имя Отца Небесного, иначе Божий! К тебе мы издалече. С великой просьбой.

Мелькнуло на мгновение во вспугнутой душе Сергия:

«Не враг ли человеческий прикинулся? Не он ли это принял новый образ, чтобы смутить его, Сергиеву душу?»

Перекрестился истово, распахнул дверь...

Ворвалось в сени ласковое солнце. Слепило на минуту. Зажмурил невольно глаза Сергей. Потом широко раскрыл их снова. Видит, залитые лучами солнышка, стоят четыре странника с посохами в руках. Глаза смотрят, не отрываясь, в лицо ему, Сергию, восхищённо и радостно в одно и то же время.

– Что вам, люди Божии? Чем могу вам помочь?

Тут рухнули все четверо на колени. Простёрли руки вперёд. Из глаз, по просветлённым, счастливым лицам, катятся слёзы. Один из них, пожилой, степенный, выдвинулся вперёд. Говорит:

– Не оттолкни нас от себя, юноша-инок! Давно о тебе прослышаны, о твоём святом, подвижническом житьё. Далече разошёлся слух о тебе, преподобный инок. И возлюбили мы тебя и твой подвиг и жаждали приобщиться к тебе. Разгорелись души наши. Хотим того же. Не оттолкни нас. Дозволь поселиться рядом с тобою, построить келии, молиться в твоём храме Святой Троицы, поститься и отшельничать подле тебя. Дозволь, инок Божий!

И земно поклонился юноше старик. Поклонились также и остальные.

Сергий смущённо улыбнулся. Но светло и радостно засияли синие глаза.

– Братья мои, – произнёс он робко, – чего, просите, не пойму. Лес Господень, дом Божий, усадьба – всё Его же, Великого Хозяина, не моё. Я только батрак Его, работник, смиренный инок, молитвенник за свои и чужие грехи. Коли любя вам Божия пустынь, оставайтесь с Господом... Одного прошу: дозвольте мне выстроить вам кельи-избы, помочь по хозяйству, строиться. Любы мне труд да работа. Как милости прошу её от вас.

И поклонился в свою очередь земно вновь прибывшим.

Странники молча переглянулись между собою. Потом снова низко поклонились юному отшельнику и с загоревшимися от радости глазами прошли, по его приглашению, в убогую избу.

С тех пор началась новая жизнь в лесной усадьбе.

За первыми братьями пришли другие. Одинокеству Сергия пришёл конец. Но юноша не скорбел об этом. Увеличилась братия. Ожила с нею пустынь, умножились и его, Сергиевы, труды.

Собственноручно он строил избы и дворы для новых пришельцев. Колол им дрова. Носил воду. Помогал и трудами, и добрым словом и служил примером выносливости, трудолюбия и подвига для них всех.

XVII

Прошло много лет. Четыре десятка лет, если не больше. Не узнать убогой маленькой церковки в лесной чаще. Не узнать и лесной усадьбы, выстроенной когда-то руками благочестивого юноши. Пришедшая в пустыню братия вместе с Сергием, избранным ими

игуменом и главою их, позаботилась об улучшении Храма Божия во имя Святой Троицы. Богатые вотчинники, князья, гости московские и дальние не мало пожертвовали для её украшения. Вокруг лесной избышки выросли и другие. Сам Сергей неустанно трудился для своих новых товарищей. Рубил деревья, тесал брёвна, мастерил жилища. Вначале было не легко. Не хватало хлеба, не было припасов. Голодали сильно. Питались гнилыми корками, вместо свечей в храме жгли бересту... Но с годами улучшалась жизнь в пустыни. Доброжелательные богатые люди помогали, кто чем мог, прослышав о честной, прекрасной, подвижнической жизни отшельников. Молитвы пустынников, а особенно Сергиевы, давали отраду, счастье, и миряне в свою очередь старались, чем было под силу, помочь Божьим людям. Удельные князья Старой Руси наезжали сюда перед битвами просить благословения на опасное дело. И здесь, в тишине и благоговении, отец братии, Сергей, основатель Троице-Сергиевской обители, за всех без различия, за князей и бояр, за богачей и нищих слал небу свои горячие, пламенные молитвы.

Ночь. Тихая, летняя.

Небесная лампада горит ясным, ровным, ласковым, тихим пламенем. Голубоватым огоньком сияет месяц – Божия лампада в высоких заоблачных грядницах.

На земле тихое томление ночи.

В скромной маленькой келье над священным писанием сидит седой, как лунь, старец. Правая рука с пальцами, сложенными крестом, то и дело творит знамение.

Лицо бледное, сухое, прекрасное в своём спокойствии. Лицо отшельника, отдавшего все свои силы, всю жизнь и труд Господину Неба и Земли.

Глаза те же синие озёра, чистые, как подводная глубь. Те же глаза юноши Сергия, что были и в молодости. По ним, да по вдохновенным прекрасным чертам в старце-игумене Троице-Сергиевской обители можно узнать бывшего юного Радонежского пустытника.

Ночь поёт за окнами сонмом неслышных голосов. За дверьми, в сенях слышен лёгкий храп ученика Сергиева, Михея.

С тех пор, как чувствует старец-игумен телесный недуг, день и ночь добровольно проводит у дверей его кельи по желанию братии Михей.

Не долго осталось Сергию прожить среди своих друзей, отшельников. Чует вещее сердце – скоро, скоро...

Быстрым, сладким сном пронеслась его пустынная жизнь. Как наяву, снова проходят перед ним знакомые далёкие картины сладкие мгновения, скорбные минуты, улыбки Божьего блага к нему, Сергию... Всё переживается в далёких воспоминаниях странно и дивно, как сон...

...Душный июльский день. Зной раскалённый. Бессилие земное перед пламенной властью разгоревшегося светила. Трудно, невозможно работать в такой день. Опускаются руки. Силы покидают. Невольно подкашиваются колени к земле.

В обители мало хлеба. Братия запаслась кое-чем, гнилыми корками, лесными кореньями. У него же, их игумена, ничего нет. Что было, раздал другим, младшим.

Трое суток питался одною водою да крохами просфор. На четвёртые ослаб... Четвёртые приходятся как раз нынче. Вспомнил вдруг, что старец Даниил хотел пристраивать к избе своей сени. У Даниила, знал Сергей, было больше всего запаса хлеба. Бережлив был до припасов старец Даниил.

К нему и пошёл Сергей.

– Дозволь мне выстроить, отче, тебе сени. Зато покормишь сухим хлебом меня, – просит он старца.

Тот соглашается смущённо. Выносит хлеб, целое решето. От старости он покрыт плесенью, загнил. Извиняется инок:

– Прости, отче игумене, какой есть!

– Спасибо, – говорить Сергей, – отдашь мне, когда выстрою.

И берётся за топор.

При жаре и зное трудится без усталости. К вечеру готовы сени. Принимает заработанный от старца сухой хлеб и с молитвою садится под деревом за скромный ужин...

...Дальше, дальше бегут воспоминания.

Новый ужас среди братии, новое испытание. Иссаек родник в лесу, откуда сам игумен, как скромный послушник, носит в обитель воду, одетый в рваную грубую рясу из старого холста. В летнюю знойную пору высох родник.

Ропот пошёл среди братии. – Жажда – худшая нужда, нежели голод – заставляет забыть себя, свою великую цель спасения, для чего привёл сюда Господь.

Ропщут угрюмо и гневно, как враги:

– Умрём от жажды! Погибнет обитель!

Тогда он идёт, Сергей, в сопровождении инока в лес, к оврагу. И не сам идёт. Будто какая-то чужая, дивная сила толкает его.

В овраге, поросшем диким бурьяном, крапивой, сохранилось несколько капель дождевой воды...

И опять точно что-то свыше толкнуло Сергия, и он упал на колени.

– Господи! – шептали его пересохшие от жажды губы.

– Господи Боже наш, услыши нас в час сей и яви чудо.

И услышал Великий Хозяин слова своего работника и явил чудо.

По каменистому руслу оврага брызнула студёная струйка. Забил, засверкал, запрыгал ручей.

Воспрянула духом приунывшая братия и славила Бога, а чудесный источник назвала Сегиевой рекой...

...И ещё воспоминания, и ещё картины...

Была тёмная зимняя ночь. Он помнит хорошо ей подобную ночь, Божий старец. Тогда гудела вьюга, тогда метались страшные чудища бесовских полчищ по церкви. Но теперь не было ужасов вражьих. Только те же холод и стужа свирепствовали за окном. Он сидел за чтением священного писания, как и сейчас, ныне.

Стукнули в дверь. Вошёл известный обители боярин, радонежский вотчинник. За десяток вёрст пришёл он к игумену. Принёс на руках больное дитя, мальчика сына, прелестного, юного, но хилого, как бледный чахлый цветок.

– Вот, отче, – говорит Сергию боярин, – помоги моему отроку, нарочно нёс его на руках всю дорогу, без челяди, без холопов, трудность пути увеличил, чтобы подвигом угодить Господу. Помоги ему, помолись над ним, отче. Недужен крепко. Твоими молитвами, верую, вернётся к моему желанному былое здоровье.

Слёзы льются из глаз боярина, крупные, обильные слёзы. Это дитя – его единственный сын, единственные его радость и утешение.

Дрожащими руками разворачивает тёплые меховые одежды, укутывающие тщедушное тельце мальчика, и внезапно с воплем отчаяния и ужаса отскакивает от него.

– Дитя умерло! Мой сын – мёртв! О, зачем, зачем я верил в тебя и принёс его в твою обитель, Божий старец? Остаётся мне идти за гробом и схоронить моё дитя.

И с воплями, стенаниями, осыпая упрёками Сергия, сражённый горем отец выбежал из кельи, сел у порога, закрыв лицо руками.

Ночь по-прежнему бесстрастно катила своё тёмное колесо. Пела вьюга за дверью. Крепчала стужа. Слабо мерцали в снежном тумане смеющиеся глазки золотых звёзд.

Мёртвый ребёнок с восковым личиком лежал на постели Сергия. Подошедши к нему, игумен смотрел то на заострённые черты маленького покойника, то на светлый и кроткий лик Спасителя, озарённый на иконе сиянием лампад.

И снова будто что толкнуло Сергия. Упал на колени. Распростёрся на полу. Молил горячо, с пламенным желанием в душе:

– Исцели, воскреси, возврати, Господи!

Потом наложил руки на холодное мёртвое личико ребёнка, на не дышавшую больше похудалую грудь.

И чудо свершилось. Затрепетали длинные ресницы. Недоумело раскрылись тёмные детские глазки.

– Где я? – испуганно прошептал оживший мальчик и сел на постели.

Не успел объяснить ему ничего Сергей, вошёл отец.

– Вот он, сын твой! Дитя живо. Оно только заоченело от стужи в дороге.

С криком счастья бросился боярин к сыну. Ласкал, обнимал его и плакал, плакал. Потом до земли поклонился Сергию.

– Это ты воскресил его, знаю!

Но скромный игумен отрёкся, настаивая на своём:

– Ребёнок обмер только от стужи. – И просил не говорить иначе другим...

...Потом ещё плыли картины...

Исцелил бесноватого больного, страдающего много лет. И не он, а молитва, та великая молитва, которою он, как благоухающей священным ароматом цветов, смиренно и робко возносил Богу.

Была в то время страшная година на Руси. Хан татарский Мамай, со всеми своими ордами, двинулся на русские владения.

Напрасно князь Дмитрий Иоаннович Московский пытался умиловить его богатыми дарами. Мамай и слушать не хотел о милостях и грозною тучей обрушился за пределы Руси...

Объявлен был поход, перед которым князь Дмитрий Иоаннович, получивший впоследствии прозвание Донского, поехал поклониться Троицким Святыням и испросить благословения у её игумена Сергия, прославившегося в то время своими скромными подвигами далеко по всей Русской земле.

Он, как сейчас, Сергей, помнит всё это. Помнит звучные удары колокола на его Троицкой обительской церкви. Как сейчас видит подскакавший к их лесному монастырю отряд закованных в блестящие латы и кольчуги конников. Великий князь Дмитрий впереди всех...

Смиренно спешил к ворот обители. Как простой воин, до земли склонился перед ним, Сергием. Просил помолиться за него, за всю Святую Русь.

Вошли в церковь, залитую огнями, убранную празднично, радостно.

Свершался священный обряд. Приносилась бескровная жертва в алтаре. Дивно пели иноки-клирики в это утро. Умилённо молились витязи с князем. Молился ещё пламеннее, ещё горячее всех их он, Сергей – скромный игумен обительский.

А в монастырской столъной гриднице уже ждала дорогого гостя скромная трапеза.

Помнит Сергей, как вкусил с ними вместе их скромной пищи великий князь. Как во время трапезы отыскиали его орлиные очи двух братьев-инок, Пересвета и Ослабя, бывших прославленными воинами в миру. Как стал просить великий князь отпустить с ним обоих братьев на ратное поле.

Согласился тогда он, Сергей. Вместо шлема надел схимы на головы инок-братьев с изображением на них Животворящего Креста. Потом благословил их, великого князя, весь отряд последнего. Окропил святой водою и тихо шепнул на ухо Дмитрию:

– Победиши враги твоя!

Не он сказал, а кто-то иной произнёс эти слова его устами.

И были они, как пророчество... Победил Мамай великий князь. На Куликовом поле разбил Дмитрий татарские орды Мамай.

Погиб в поединке с витязем-богатырём татарским инок Пересвет, погибли многие русские доблестные воины-богатыри, но всё же Русь победила и нанесла первое тяжёлое поражение непобедимому доселе хану.

В день Куликовской битвы он, Сергей, посылал инок Нектария с благословением, грамотою и просфорою великому князю и его

войску, а сам с братией горячо молился в это время в своём уединённом Троицком храме.

Свершилось Божие пророчество. Оправдались его слова, сказанные тихо на ухо великому князю здесь, в обители. Дмитрий победил татар...

...И ещё, ещё другие картины.

Посольство от патриарха и грамота ему, смиренному пустынноку радонежских лесов. Вселенский патриарх, прослыша о нём, слал ему, Сергию, своё благословение и приказание основать настоящее общинное житие.

Вспомнилась и его дружба с московским митрополитом, предложение ему, Сергию, стать Владыкою Московским, и отказ его, Сергия, от чина митрополита. Вспоминаются старцу и его увещания ненасытного в распрах удельного Рязанского князя, Олега, и как, благодаря этим уговорам и увещаниям, смирился жестокий князь.

И ещё ему вспомнилось основание новых обителей в Киржаче и на реке Дубенке, основание Стромьинского монастыря и других.

Плывут, плывут видения... Переживаются снова, воочию видятся старые картины...

XVIII

До утра ещё не скоро. Ещё далеко не кончена ночная, не слышная, как тайна, песнь. Достаточно времени до утра помолиться. Есть о чём молиться Сергию. Точит его большая дума. Скоро конец, а как без него останется его братия. И перед иконой Богоматери падает на колени Сергей и поёт акафист Божией Матери. Чистый, радостный голос выводить знакомые, прекрасные слова.

Они просят за святую обитель, за смиренную братию, за своих детей. Помочь им всем после его, Сергиевой, смерти, за весь мир

нуждающийся в помощи, за всё грешное человечество, просят они Небесную Царицу, Ходатайницу перед Богом, словами акафиста в эту ночь.

Далеко кругом слышна священная песнь. То вдохновенно звучит она, то понижается до шёпота, то нарождается снова и тает, тает среди ночной тишины.

Вдруг тихий, не то зов, не то брошенное чуть внятно слово заставило молящегося чутко насторожиться. Почудилось что-то новое, неведомое, незримое. Что-то властно-победное охватило всё его существо. Кто-то приближался к нему, кто-то сильный и светлый неслышно ступал точно по воздуху.

Сергий, трепещущий в сладком предчувствии неземного счастья, вышел в сени. Разбудил Михея, наскоро шепнул ему предупреждение не спать, бодрствовать, и сделал несколько шагов навстречу Тому, Кто шёл. Мгновенно яркое, как днём, солнечное сияние, только ещё более праздничное и сверкающее, осветило келью и сени.

Какое-то сияние, какое-то облако, млечно-лазоревого, прозрачное, исходящее лучами.

Среди облака в золотом сверкании алмазных солнечных игл – Она, Царица. Прекрасное Лицо. Бледное, тонкое, где скорбь бывшего соединилась с блаженством настоящего и будущего. Посох в руке. Два неведомых старца по обе стороны. Напоминали их лица отдалённые образы апостолов Петра и Иоанна...

Она вошла тихо, точно вплыла в сени. Взглянула. Был дивно светел этот взор. Уста раскрылись:

– Не бойся, избранник Мой, – произнесли её божественные губы.
– Я пришла к тебе, услышана твоя молитва. Не скорби об обители

твоей. Отныне будет она иметь изобилие во всём, и после твоей кончины Я неотступно буду покрывать её.

Неземные звуки, сладкие и чудные, заставили затрепетать от радости Сергия. Он упал у Божественных ног Царицы, хотел умереть на месте, касаясь руками Её лёгкого, как голубой дымок, одеяния. Хотел, рыдая, поверить Ей всю сложную повесть своей бесконечной любви к Ней, к Божественному Сыну-Богу. Но уста не повиновались. Молчали уста.

Лёгкий шорох, дуновение... Сладкая, как грёза, близость Чего-то всеобъемлющего, сильного, рокового... И всё исчезло.

Когда поднял голову Сергей – не было уже в сених и в келье золотого солнечного сверкания. Ночь стояла за окнами. Отдалённо близился рассвет.

Лежал без чувств ученик Михей в углу, испуганный, потрясённый. Он видел свет и ничего более...

Сергий подошёл к нему. Положил руки ему на плечи. Сказал:

– Встань, сын мой, не бойся. Царица была между нами. Успокоила меня, грешного. Обещала покров и защиту обители нашей. Теперь спокойно могу умереть...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Среди городов и селений, деревень и усадеб много сотен лет, в самом сердце России, высятся стены большого крепкого монастыря.

От Москвы Белокаменной она близко, эта Божия обитель, основанная когда-то юным отшельником Радонежских заповедных лесов. Обитель эта Троицко-Сергиевская Лавра, сыгравшая такую важную роль в истории нашей отчизны. Привлечённые её несметными богатствами, её церковной утварью и роскошью обстановки и другими скрытыми в недрах её сокровищами, накопившимися в ней

веками, враги России – иноплеменники и свои мятежные, заблудшие люди – не раз осаждали её, но безуспешно. Татары проходили мимо неё, как бы Самим Богом отвлечённые от православной Святыни. Поляки осаждали её безуспешно. Свои русские воры, приверженцы Самозванца, не могли её взять. Здесь находили в свою очередь защиту и спасение и цари земли русской. Отсюда лились вдохновенные призывы к защите родины, слались грамоты и благословения, поддерживавшие в трудные минуты душевные силы православных борцов.

Шли годы, десятки лет, столетия...

Лавра выросла, окрепла. Лавра стала одним из богатейших русских монастырей. Но выше всех её сокровищ, выше золотой утвари и драгоценных икон считается священная рака с останками преподобного Сергия, её основателя и первого работника этой святыни.

С севера, юга, запада и востока, из цветущих городов и бедных деревенок, со всей великой и обширной Руси, тянутся сюда и здоровые, счастливые, богатые люди, и нищие, больные, искалеченные нуждою и жизнью, тянутся к святой раке, к Троицкой обители, неустанные во всякое время года паломники-богомолы. Всех их влечёт сюда одна цель, одно желание: поклониться раке Преподобного, помолиться мощам Святого. И, уходя из Лавры с каким-то новым, просветлённым чувством, каждый уносит с собою сладкое умиротворение, как целительный бальзам, врачующий больную душу, дающей крепкую, бодрую веру и светлую радость и надежды на светлое будущее. Им чудится: Сам преподобный внимательно выслушал их горячие молитвы, сам смиренный работник Великого Хозяина Земли, сам кроткий тихий молитвенник за грешный

мир и великий подвижник благословил всех, чаявших от него помощи и утешения. И с радостным сердцем уходят паломники, унося в своих воспоминаниях светлый благоуханный цветок – повесть жизни и подвигов Сергия Радонежского и тихое безмолвное благословение этого чистого и светлого, необыкновенного, святого человека.

КОНЕЦ.

КАЛЛАШ М. А.

**ПОДВИГ СВЯТОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО И
ДЕЛО МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ**

Казалось бы, русская революция в обоих её фазисах – февральском и октябрьском – должна была бы опытным путём протрезвить сознание всех русских людей, в том числе и русской эмиграции, подведя это сознание в упор к живой жизни.

Но, к сожалению, такого протрезвления не случилось. Русская эмиграция не только не утратила в значительной своей части вкуса к абстрактным разрешениям конкретных вопросов, но, оторванная от своего народа, оказавшаяся «без руля и ветрил», она с особенным увлечением ударилась в область безответственных химерических планировок русского будущего.

Объектом такой критики с самого начала русской революции стала Русская Церковь.

Величайшая духовная сила – Она единственная устояла в России среди всеобщего разрушения. Устояла на крови, там пролитой, на подвиге, там совершаемом.

Естественно, что чающие воскресения России устремили свой взгляд отсюда именно к Русской Церкви. Но не всегда в этом взгляде светилась благодарная любовь и благоговейное смирение.

Истинное и искреннее отношение к Церкви, как к «Телу Христову» и вечно пребывающему «Царству не от мира сего», встречался далеко не у всех русских эмигрантов, почитающих себя православными. Желание возлагал на Церковь «бремена неудобноносимые», навязывать ей действия и цели, не согласные с

духом Христова учения, – очень характерно для эмигрантской херговной, вернее говоря, псевдоцерковной, мысли. С самого начала революции эмиграция, устранившись от непосредственного участия в русской жизни и непосредственного делания в церковном строительстве, тем не менее, считала себя вправе требовать от высшей иерархии церковной там, в России, выполнения определённых политических заданий.

«Церковь должна была использовать свой авторитет в русском народе для ниспровержения советской власти», – так говорило и мыслило зарубежное большинство, причём некоторые его группы к этому военному приказу и из эмигрантского – «главного штаба» – прибавляли ещё другое – «и для восстановления власти монархической».

Не поняв внутренней сущности и глубокого смысла первых шагов Патриаршей церковной власти в первый период русской смуты, эмиграция истолковала их по-своему – как проявление политического протеста со стороны Церкви и стала ожидать дальнейшего – политической борьбы с правительством Советов. Но почивший Патриарх (Святейший Патриарх Тихон – Ред.), к великому разочарованию эмиграции, не только не принял на себя возглавления контрреволюции, но, как был с самого начала, так и остался до конца лишь духовным вождём верующего народа, Первосвятителем Русской Церкви и в качестве такого отказал даже в тайном благословении своём братоубийственной гражданской войне.

Преемники Святейшего Тихона продолжали его дело и заботу об укреплении Церкви, о предоставлении Ей возможности широко совершать христианское служение в стране, правительство которой поставило своей прямой задачей борьбу с религией и стремилось

всеми силами истребить Имя Бо-жие из памяти и из сердца всего народа.

Не отваживаясь убивать, морить в тюрьмах и в ссылке открыто за веру, советская власть прикрывала свои преследования Церкви политическими обвинениями. Слова «контрреволюция» и «белогвардейщина» были главным её козырем в войне против высшей иерархии, рядового духовенства и всех приходско-церковных организаций. Такая тактика прикрытия была необходима для правительства СССР, ибо официально в советской конституции «свобода культов» утверждалась законом. Управляющий ныне Русскою Церковью Митрополит Сергей почёл необходимым для блага церковного разрушить советское прикрытие. Заявлением полнейшей своей лояльности от лица Патриаршей Церкви перед властью Советов, заместитель Патриаршего Местоблюстителя отныне поставил вопрос так, что всякое гонение против Церкви должно быть сформулировано прямо и открыто как гонение на веру.

Это акт Митрополита Сергея, в сущности, совершенно последовательно вытекающий из всех предшествующих действий Патриаршей Церкви, акт совершенно неизбежный и необходимый для того, чтобы Церковь могла как-то совершать своё служение, был воспринят огромным большинством русской эмиграции, как измена митрополита Сергея России и даже Православию.

Начался период советского ига, подобный периоду монгольскому. Под игом, приспособляясь к нему, как каторжник приспособляется к ручным и ножным кандалам, Россия стала строить новый быт – советский.

Точно после нашествия орды «народ переписан и обложен данью».

Судьба наложила свою тяжёлую руку на Россию. Наступил суд Божий, и, как несколько веков назад, народу поднесена чаша муки и рабства, лишь ещё более горькая и ядовитая. Историк Русской Церкви Архиепископ Филарет Черниговский так говорит «о владычестве монголов и о путях русского Православия»: «Не время было сопротивляться. Хотя Русская Церковь и подвергалась таким образом власти врагов имени Христова, но судьба её была чудная – купина горела, но роса небесной любви прохлаждала её».

Именно с периодом монгольского владычества больше всего есть оснований сопоставлять теперешний план России, а не с кратковременной, сравнительно, Смутой и засильем поляков в Москве, когда святой Патриарх Гермоген, спасая Русскую Церковь от власти поляков-католиков, а русский престол от царя-иноверца, поднимал народные силы на освобождение Москвы.

К концу Смутного времени национальное сознание достаточно пробудилось в народе, была возможность для сплочения и организации русских сил, способных свергнуть врага.

Точно так же и в конце монгольского периода, когда Московское княжество и политически, и экономически ощутило и осознало свой приоритет среди других уделов, и орда разделилась и ослабела, явилась почва для создания обороны против монголов; почувствовалась воля к борьбе и победе. В тот момент, т.е. в 1380 году, Церковь в лице Преподобного Сергия, благословив московского князя на выступление против татар, укрепила эту волю своим высшим авторитетом.

Церковь указала, что срок настал, что полнотавремен исполнилась. В данном случае прозорливость святого игумена Троицкой обители не восставала против истории и судьбы русского

народа, а мудро определила наступление исторического срока, предугадала назревший поворот в русской национальной судьбе.

Всенародная благоговейная любовь к почившему Патриарху Тихону в глазах эмиграции была огромным шансом для поднятия бунта против Советов. Но он своим этим преимуществом «не сумел воспользоваться». А когда угроза суда и казни на один момент нависла над головой Святейшего, некоторые круги эмиграции, не причастные ни умом, ни сердцем к великому делу Церкви и личному подвигу Первосвятителя, страшно сказать, – тайно желали, чтобы казнь совершилась, ибо они надеялись, что после такого удара волна народного негодования сметёт советские твердыни.

Можно смело утверждать, что ни одному верующему человеку там, в России, из числа наиболее пострадавших под советским ярмом, не могла даже на секунду мелькнуть эта мысль.

Когда же Церковь, вместо политического заговора и бунта, попыталась в лице Митрополита Сергия и Патриаршего Синода вплотную подойти к вопросу о легализации и для этого выразила ту же готовность «поклониться хану», которую в своё время изъявил и святой князь-исповедник Михаил Черниговский, то «национально мыслящие круги» русского зарубежья на все голоса закричали от негодования, призывая свою церковную власть порвать всякую каноническую связь с «отступником».

В лице Митрополита Сергия Русская Церковь в данном случае, подобно древним нашим святителям, обратилась к власти неверных за получением необходимого «ярлыка».

Если мы верим, что в истинной церкви присутствует Дух Святой, то мы должны верить и тому, что Церковь своим соборным разумом глубже и правильнее оценивает события, неже и оцениваем их мы, что

она мудро определяет смысл известных исторических эпох и выносит нужные решения.

При монголах, по вине самих русских, раздиралось тело России. Раздираемая распрями князей, тогдашняя Русь могла исчезнуть как национальная величина, а духовно стать добычей мусульман, после принятия татарами Ислама.

При власти Советов наибольшая опасность угрожает народной душе.

В первом случае русские святители старались собрать воедино разрозненные части тогдашней Руси.

Во втором случае, в наше время, Церковь борется за целость и укрепление веры, за спасение народной души, ибо без Православия немислима самая идея России. Без Православия Россия умрёт, прекратится подлинное её бытие, хотя бы и продолжало существовать на русской территории какое-то государство.

Оценивая прошлое и вдумываясь в настоящее, мы прежде всего должны помнить, что при неизменяемости самих догматических и канонических основ, при постоянном стремлении к вечной правде Царствия Божия, Церковь земная в разные исторические эпохи по отношению к народам и государствам (а не к отдельным христианским душам) может изменять характер своего служения.

Если велик Преподобный Сергей в своём призыве к освобождению от монголов, то можно ли умалить и тех пастырей и архипастырей, которые, не чая скорого освобождения, не менее мужественно призывали народ к несению тяжкого креста, которые поддерживали свет веры в порабощённой язычниками пастве своей и, не щадя себя, с великими трудностями служили и учительствовали в разорённой стране.

Пламенная вера и любовь Христова были их опорой. Они не отвращались брезгливо от жестокости, грубости, от нравственного падения своих пасомых. Они твёрдо помнили завет Божественного Учителя о том, что «не здоровые имеют нужду во враче, но больные», и сознавали, что прежде всего им надлежит быть «наставниками и утешителями скорбных детей страждущей Церкви русской».

В великом смирении перед испытанием Божиим наши святители Монгольского периода, ради спасения Церкви, кланялись «царям ординским». И не упрекал их за это народ. Святыми лампадами они озаряли тьму русского национального позора и неисчислимых страданий народных.

Такой лампадой сиял и Преподобный Сергей, главной заслугой которого перед родиной было не столько самое напутствие московского князя на Куликовскую битву, сколько духовное собрание Руси.

Духовному собиранию всего русского народа служил святой Алексий Митрополит и его наиболее выдающиеся предшественники. В нашу трагическую эпоху ломки и разрушения старой России этому же величайшему делу отдал все силы свои почивший Патриарх Тихон и его помощники; ныне служит этому Митрополит Сергей в качестве временно управляющего Всероссийской Церковью иерарха.

Силою исторической необходимости Митрополит Сергей поставлен лицом к лицу перед тем правительством, которому, вольно или невольно, в течение десяти лет подчиняется русский народ. Церковь не может по своей инициативе ниспровергать один политический строй и заменять его другим, точно также не может она уходить в подполье, ибо она не политическая партия, а вселенское Установление. Она – Тело Христово. Больше того: засвидетельствовал

свою лояльность власти, она легче и ближе подойдёт к тем элементам СССР, которые эту власть политически приемлют, но, вместе с тем, не отворачиваются злобно от христианства, а, может быть, скорее тянутся к нему усталыми и опустошёнными душами.

Сила православной Церкви в России зиждется отнюдь не на политическом её противоположении советскому строю, а на духовном противоположении идеалов и заповедей христианства грубо материалистической догматике марксизма и коммунизма.

Патриаршая же Церковь, подчинившись правительству СССР, от этих идеалов и заповедей ни в чём не отступила. Она твёрдо стоит на том самом основании, которое указал апостол Павел, призывая не против «плоти и крови», а «против духов злобы поднебесной».

Желая воинствовать по плоти, мы забываем, что страшна вовсе не форма советского государственного строя сама по себе, а страшен опустошающий антихристов дух материализма. Формы советского строя постепенно меняются: несомненно будут изменяться и дальше; наконец, строй этот может, внезапно исчезнув, замениться каким угодно другим. Церковь никак не может быть при этом озабочена реорганизацией внешней торговли, возвращением права частной собственности и тому подобными вопросами, ибо её главная цель и забота – бережение народной души. Ей важно и нужно духовно собрать Россию и духовно её освободить во Христе, а вовсе не устанавливать демократическую республику, конституционную или самодержавную монархию.

Если бы почивший Патриарх, после установления власти Советов, покинул бы свою всероссийскую паству, то он поступил бы как «наёмник», который «не радит об овцах». Святейший Тихон был воистину «пастырь добрый», который «душу свою полагает за овцы».

Не изменил своему долгу и Митрополит Сергей, одинаково смиренно принявший и тюремное заключение, и «ярлык» из рук неверных.

Трудность личного подвига высших русских иерархов усугубляется ещё сознанием их ответственности перед Богом за весь русский народ, за целостность Всероссийской Церкви.

«Наставники и утешители скорбных детей страждущей Церкви Русской», они впереди всех нас несут тягчайший из всех крестов, когда-либо ниспосланных России по воле Промысла, и наш долг благоговейно склониться перед ними, а не искушать Бога дерзким ропотом на его избранных.

КОНЦЕВИЧ И. М.
ВЕЛИКИЙ ПЕЧАЛЬНИК ЗЕМЛИ РУССКОЙ
ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Преп. Сергей, в миру Варфоломей, был вторым сыном Кирилла и Марии, боярского рода из Ростовской области. Отроку Варфоломею трудно давалась грамота. Он просит помощи от Бога. Чудесным явлением даруется ему разумение писаний. Как и избранному народу всё даётся непосредственно от Бога, так и избранникам Божиим даётся всё непосредственно из руки Божией. После смерти родителей он уходит в лесные дебри, где основывает пустынную обитель. Конгениальный древним подвижникам, внутренне родственный им, он проходит классический путь аскезы чрез внешние подвиги к высшим духовным состояниям.

Преподобный Сергей Радонежский был вдохновителем и насадителем на Руси созерцательного подвига. Троицкий монастырь дал от себя 50 обителей, давших, в свою очередь 40 других. Иеромонах Никон в «житии» указывает на 100 имён преподобных, происшедших от монастыря преп. Сергия. Это была духовная школа, давшая расцвет созерцательного подвига во всей северо-восточной части России. Рассмотрим теперь житие преподобного именно с этой точки зрения.

Похоронив родителей, Варфоломей и овдовевший брат его Стефан уходят в непроходимые леса. Здесь созидают себе примитивное жилище и бревенчатую «церквицу». Они просят у митрополита Феогноста благословения на её освящение во имя Живоначальной Троицы. Митрополит присылает для этой цели

священников, св. антиминс и всё потребное. Стефан не вынес тяжести отшельнической жизни и ушёл в Москву в Богоявленский монастырь. Варфоломей остался.

Аскетические творения говорят, что удел безмолвников есть удел не всех, а лишь тех, кого благодать Божия призывает на это. Таким подвижникам даются утешения неизречённые, поддерживающие их в условиях сверхчеловеческих трудностей. Для того, чтобы вступить на этот путь и шествовать по нему безбедно, нужно предварительно достигнуть бесстрастия. Каким путём шёл и дошёл до такого высокого состояния юный Варфоломей, живя ещё в доме своих родителей? Читал ли он святоотеческие творения? Аскетическая литература существовала на Руси с ранних времён. Или был он научен словесно? Об этом можно говорить лишь гадательно. Но одно несомненно, преп. Сергей принадлежал к тем цельным натурам, избранникам Божиим, которые всецело устремляются с самого начала своей сознательной жизни к Богу. Им, сохранившим незапятнанной сердечную чистоту с детства, открываются непосредственно духовные пути. Знакомство же с аскетической литературой, или с преуспевшими подвижниками, могло ещё более обогатить и умудрить благодатного юношу. Итак, он живёт пустынником в безмолвии один и выносит все трудности, связанные с этим подвигом. Обыкновенный человек на его месте повредился бы умом, или погиб от хищных зверей, а, вернее всего, расстался бы с отшельнической жизнью, как это сделал Стефан. Но инок Сергей начал свою монашескую жизнь уже в состоянии святости, и дальнейшая его жизнь – это её развитие и её рост. Он, «как бы орёл какой, который, расправив лёгкие крылья, взлетает по воздуху в высоту», по выражению Епифания Премудрого.

«Пребывшу ему в пустыне единому единствовавшу или две лете, или боле, или меньши, Бог весть», по словам того же Епифания, начали вокруг преподобного собираться монахи, и мало-помалу образовалась небольшая общинка поначалу в 12 человек. Сам преподобный, уже постриженный с именем Сергия, был тринадцатым. Обитель терпела во всём лишение: не было припасов для питания братии. «Иногда не было вина, чтобы совершить литургию, не было ладану, чем бы покадить, часто не было воску, из чего бы сделать свечу, и они, за неимением свеч, совершали по ночам утреню при свете берёзовой, или сосновой лучины. Ею светили себе канонархи и чтецы, читавшие по книгам. Так совершали они свои ночные службы». Каким же образом складывалась жизнь, и каковы были взаимоотношения в Троицком монастыре?

Сведения очень скудны, однако в них можно уловить то, что относится к старчеству. Так, о духовничестве в Троицком монастыре у проф. Смирнова мы читаем: в монастыре преп. Сергия духовником братства был сначала игумен сам великий подвижник. Уговаривая принять игуменство, братия заявляла: «Зело желаем того, дабы ты игумен и наставник душам и телом нашим, да быхом от тебе прощение, и благословение, и молитву по вся дни приимали, видели тебе по вся дни совершающа святую литургию, да быхом колиждо от честную руку твою причащались Пречистых Тайн». Таким образом, Троицкая братия выбирала в лице преп. Сергия не только игумена, но и духовника, и он был первое время духовным отцом всех подчинённых ему иноков. В строках, посвящённых преп. Феодосию Печерскому, уже указывалось, что древнерусский духовник являлся, как говорит проф. Смирнов, «почти старцем». Когда же духовник был, кроме всего, ещё и обладателем даров духовных (харизматик),

как преп. Сергей, то старческое его достоинство выявлялось полностью. Старческое служение его выражалось, между прочим, и в том, что преп. Сергей принимал откровение помыслов.

В начале возникновения монастыря, ему был усвоен Студийский устав, как и у преп. Феодосия в Киево-Печерской лавре, о чём раньше было указано. По этому уставу на 4-й песне канона происходит откровение помыслов. Кроме того, о том, что практика откровения помыслов наблюдалась в Троицком монастыре, мы можем ещё удостовериться из жития святителя Феодора Ростовского, племянника преп. Сергия, со слов Епифания Премудрого: «Удивительно было у него и то, что он никогда не скрывал от преподобного своих помыслов – ни днём, ни ночью». То же самое сказано в житии преп. Никона: «Верное сердце Никона было также отверстою дверью для открытия Сергию помыслов и душевных движений».

Похвальное слово Епифания Премудрого выявляет характерные свойства старца в преп. Сергии: «Истинный руководитель, неложный учитель, добрый пастырь, непрелестный наставник, духовный правитель, добрый наказатель, истинный кормчий»... «для иноческого чина, – как бы лестницей, возводящей на высоту небесную»... «Которые были очевидцами и слугами этого великого и святого Старца, – его ученики и таинники, или лучше, послушники... не нуждаются в этом нашем плохом писании»... Относительно мирян Епифаний говорит, что «по всему этому он для всех притекающих к нему был как бы источником благопотребным... Многие приходили к нему, не только ближние, но и издалече, из дальних городов и стран, чтобы только взглянуть на него и услышать от него слово, и все получали великую пользу и спасение души от назидательных его дел... Многих он научил своим душеспасительным словом и заставил

их обратиться с покаянием к Богу... для грешников – верный поручитель»....

Но преп. Сергей был старцем не только для подчинённых ему иноков и мирян. Но происходит и нечто более удивительное: к нему притекают за словом назидания уже умудрённые долголетним опытом созерцательные подвижники, как Сергей Нуромский, прибывший с Афона, Евфимий Суздальский, Дмитрий Прилуцкий', Стефан Махрищеский и др. (Они именуются «Сергиевыми собеседниками»). Эти собеседники показывают нам величие того духовного образа, каким Сергей являлся в глазах своих современников, будучи учителем учителей и наставником наставников... «Может ли быть, чтобы в сих дальних и недавно обращённых к свету Христову странах, воссиял такой светильник, которому подивились бы и наши древние отцы?» – воскликнул, усомнившийся греческий епископ, за своё сомнение наказанный слепотой и вслед за этим исцелённый самим преподобным. И воистину духовный облик преп. Сергия достигает той несказанной красоты, какой могли бы дивиться и древние отцы.

Известно чудесное видение преп. Сергия, когда темнота ночи вдруг озарилась ярким светом, и преподобный, выйдя в сени, увидел бесконечную стаю пролетающих птиц, и был ему голос: «Сергий, Господь внял молитве твоей, как видишь этих птиц, так умножится число учеников твоих по тебе, и не оскудеют последующие стопы твоим». В конце жизни преп. Сергию было дано лицезреть явление Богоматери. Это было в 1388 г., за 4 года до его кончины. В его житии также находим пример явления того Божественного света, который Григорий Палама именует «Божественными энергиями», «лучами Божества», и о которых св. Макарий Египетский говорит, что

«Ангелы и служебные духи приобщаются свету этого огня». Мы хотим сказать о том видении, когда Исаакий-молчальник, поражённый ужасом, увидел, что преподобному сослужит дивной красоты блистающий юноша, и нисходит огонь на Святую Чашу, разливаясь по всему престолу и окружающий со всех сторон священнодействующего Сергия.

Такие явления характерны для подвижников восточной аскезы, прошедших сначала путь внешних подвигов (праксис) и, как плоды таковых, достигших созерцания (Феория). И, как говорит Палама: «Отделяясь от материального, в котором он (подвижник) сначала проходит известный ему путь... он идёт к истине неизречённою силою Духа, духовным неизречённым восприятием он слышит неизречённые глаголы и видит несозерцаемое и уже здесь, на земле, есть и становится чудо». О подобных тайнах и глубинах внутренней подвижнической жизни, надо полагать, и приходили совещаться к Сергию его святые собеседники. Но духовные постижения не являются уделом большинства, а доступны лишь немногим избранным. Таким был и юный монах Кирилл, будущий основатель Белозерского монастыря. И потому Сергий, приходя в Симоново, спешит к нему на хлебную, где было его послушание, и наставляет его часами, оставляя в стороне других... И, как мы увидим ниже, Сергиевы заветы через Кирилла перешли к последующему подвижничеству, всего северо-востока России, – «Северной Фиваиды». Среди личных учеников преп. Сергия были два особенно ярких примера созерцательного подвижничества: это Сильвестр и Павел Обнорские, речь о них будет ниже. В монастыре Павла Обнорского, остался письменный памятник, как доказательство, подтверждающее только что нами сказанное. «Осталось, – говорит

Смолич, – из его Павлова монастыря замечательное учительное писание о руководстве молодых монахов, которое даёт понятие о монастырском быте. Хотя это писание в основе посвящено внешней аскезе, тем не менее находим мы в нём основные черты внутренней аскезы: встречаются понятия, как «духовная молитва», «собранность духа», «молчание». Все эти термины служат признаком школы восточной аскезы.

Но вот наступает великий исторический момент в жизни русского народа: свержение татарского ига. В этот грозный, решительный час значение преп. Сергия, как старца и печальника вся земля Русской, открывается во всём своём духовном величии. Подобно древнему Моисею, он становится вождём своего народа.

Значение Куликовской битвы, этого великого события, проф. Ключевский определяет следующим образом: «народ, привыкший дрожать при одном имени татарина, собрался, наконец, с духом, встал на поработителей и, не только нашёл в себе мужество встать, но и пошёл искать татарские полчища в открытой степи и там навалился на врагов несокрушимой стеной, похоронив их под своими многочисленными костями... и эту силу нравственную, и это чувство бодрости и духовной крепости вдохнул в своих современников преп. Сергий». Никоновская летопись сохранила потомству описание посещения преп. Сергия Дмитрием Донским перед его выступлением в поход против татар. Беседуя с вёл. князем, святой старец советовал ему почтить дарами и честью злочестивого Мамаю. Преподобный приводил в пример Василия Великого, уголявшего дарами Юлиана Отступника: «И ты, господине, отдай им честь и золото, и серебро, и Бог не попустит им одолеть нас: Он вознесёт тебя, видя твоё смирение, и низложит их непреклонную гордыню». «Всё это я уже сделал, –

ответил Дмитрий. – Но враг мой возносится ещё более». Выслушав эти слова, угодник Божий осенил князя крестным знаменем и вдохновенно произнёс: «Иди, господине, небоязненно! Господь поможет тебе на безбожных врагов». А затем, понизив голос, сказал тихо одному князю: «Победиши враги твоя».

Художественное описание этого похода мы находим у Б. Зайцева: «Каков бы ни был Дмитрий в иных положениях, здесь, перед Куликовым полем, он как будто ощущал полёт свой всё вперёд неудержимо. В эти дни – он гений молодой России. Старшие, опытные воеводы предлагали здесь повременить. Мамай силён, с ним и Литва, и князь Олег Рязанский. Дмитрий, вопреки советам, перешёл через Дон. Назад путь был отрезан, значит, всё вперёд, победа или смерть.

Сергий в эти дни тоже был в подъёме высочайшем. И вовремя послал вдогонку князю грамоту: “Иди, господине, иди вперёд, Бог и Св. Троица помогут”.

8-е сентября 1380 года. Хмурый рассвет, Дон и Непрядва. Куликово поле и дух “Слова о полку Игореве”. Русь вышла снова в степь, меряться со зверем степи. Как всё глубоко, напряжённо и серьёзно. Перед сражением молятся. Читают “ратям” грамоту преподобного. Над ставкой чёрный стяг великокняжеский с золотым образом Спасителя. Осенние туманы, медленный рассвет, хладносеребряный. Роса, утренний холод. За Непрядвой не то стоны, не то грохот дальний. Люди умываются, подтягивают у коней подпруги, надевают чистые рубахи и в последний раз оружие своё страгивают. Строятся. Идут на смерть. Грусть и судьба, неизбежность. Ясно, что возврата нет... Началась битва на гигантском по тем

временам фронте в десять вёрст. Сергей правильно сказал: “Многим плетутся венки мученические”. Их было сплетено немало.

Преподобный же в эти часы молился с братией у себя в церкви. Он говорил о ходе боя. Называл павших и читал заупокойные молитвы. А в конце сказал: “Мы победили”».

«Время давно свеяло эти дела с народной памяти, как оно уже глубоко заметало вековой пылью кости куликовских бойцов... но память святого пустынножителя доселе царит в народном сознании... Творя память преп. Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка... Ворота лавры преп. Сергия затворятся и лампы погаснут над его гробницей только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка».

Преподобный Никон ещё в юношеском возрасте явился к преп. Сергию, но за «святое послушание» был им направлен к игумену Афанасию Высоцкому. Преп. Сергей готовил в лице Никона себе преемника. С этой целью он намеренно отдаляет самого лучшего своего ученика, дабы тот, будучи на «чужбине», и, томясь в разлуке со своим возлюбленным старцем, научился лучше понимать и ценить «объятия Отча». Только через несколько лет, уже в сане иерея, вернулся Никон в Троицкий монастырь. Но зато преп. Сергей теперь его всячески утешает и приближает его больше всех, поселив его в своей келлии. Можно представить себе всю ту радость и блаженство, какое испытывал преп. Никон! При прозорливом руководстве своего наставника и сильной его молитве, Никон приобретает силу против искушений и всякой слабости и райское утешение в молитвенном общении с великим Угодником Божиим.

«Верное сердце Никона, – повествует житие, – было отверстой дверью для открытия своему отцу всех помыслов и намерений, дабы никакая мгла сомнения, или смущения не омрачала чистоты его совести». Преп. Сергей ещё при жизни делает Никона своим преемником. После преставления преподобного, Никон становится игуменом братии. Имя Никона, как «освящение некое», прославилось по градам и весям. К нему, как к врачу духовному, стекались люди (старчество). Но преп. Никон прерывает своё игуменство шестилетним затвором. Перед нашествием Эдигея, он был предварён явлением святителей Петра и Алексия и преп. Сергия. Благодаря этому они успели вывезти церковную утварь и книги. Монастырь был сожжён дотла. Преп. Никон его возобновил и построил каменный собор, куда перенёс мощи преп. Сергия. При преп. Никоне Троицкий монастырь обогатился святоотеческой литературой аскетического характера.

Сильвестр Обнорский – ученик преп. Сергия, жажда безмолвия, ушёл на дальний северо-восток и остановился на берегах р. Обноры. Здесь его нашёл путник, сбившийся с дороги, и сказал преподобному, что люди не раз видели над местом его пребывания светлые лучи, или облачный столп. Преподобный прослезился, огорчившись, что его уединение нарушилось. Он рассказал путнику, что живёт здесь давно и питается древесной корой и кореньями. Сначала без хлеба он обессиливал и падал на землю. Но после явления ему некоего чудного мужа, прикоснувшегося к нему рукою, он перестал страдать от физических лишений. Вскоре, проведая об отшельнике, к нему потянулся народ, и вокруг пустытника создалась обитель. Сам Сильвестр отправился в Москву к митр. Алексию, получил антиминос и был поставлен игуменом первой обители в Обнорском крае. Храм

был посвящён Воскресению Христову. К преподобному стекались за духовными нуждами знатные и простые люди. Когда он от времени до времени удалялся на безмолвие, его возвращения ждала толпа людей. Приносили детей, больных для исцеления. О посмертных чудесах его велись записи в течение многих веков.

КУЧКИН В. А. СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

О времени появления на свет сына ростовского боярина Кирилла Варфоломея, впоследствии принявшего монашество под именем Сергия, по-разному (от 1313 до 1322 г.) говорится не только в популярной, но и в научной литературе. Точно так же указываются разные годы основания им Троицкого монастыря (от 1337 до 1345) и его смерти (от 1391 до 1397). Несогласия в определении вех жизни и деятельности Сергия Радонежского объясняются бедностью имеющихся источников. Кроме его Жития в распоряжении исследователей есть 12 упоминаний о Сергии в летописях и 7 документов, где прямо или косвенно называется троицкий настоятель. Однако среди всех источников агиографический памятник остаётся главным. Большую работу по выявлению списков памятника проделал в последние годы Б. М. Клосс. В хранилищах Москвы, Петербурга, Киева и Вильнюса он обнаружил около 400 рукописей, содержащих Житие Сергия Радонежского, сравнил списки, определил редакции и дал картину их сменяемости¹. Благодаря этому биографию знаменитого игумена теперь можно восстанавливать не по случайно набранному из разных переделок его Жития данным, а на основании наиболее надёжных сведений, содержащихся в древнейших редакциях.

Первый биограф Сергия, крупный русский средневековый писатель Епифаний Премудрый начал собирать материал о нём в 1393

¹ Клосс Б. М. Жития Сергия и Никона Радонежских в русской письменности XV – XVII вв. В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. Вып. 3, ч. 2. М., 1990.

– 1394 годах. В течение 20 лет он написал некоторые разделы («главизны») Сергеева Жития, но «не по ряду» – «предняя назади, а задняя напреду». Более или менее окончательную отделку своему труду он придал в 1418 г., спустя 26 лет после смерти Сергия². Таким образом, Житие писалось в лучшем случае при младших современниках троицкого настоятеля, которые не были свидетелями его детства и юности. Да и другие приводимые Епифанием со ссылками на неких «старцев» сведения должны тщательно сопоставляться между собой и сравниваться со свидетельствами других источников. Только таким образом и можно попытаться составить достоверную биографию Сергия Радонежского, оставив в стороне позднее приписанные ему деяния³.

Согласно Епифанию, семья родителей Сергия жила в селе, далеко от столицы местного княжества города Ростова. На 40-й день после рождения сын Кирилла и его жены Марии был крещён и назван Варфоломеем. Поскольку память апостола Варфоломея особенно чтилась 11 июня (в иные числа празднуют перенесение его мощей или отмечают Варфоломея вместе с другими 11 апостолами), можно полагать, что Сергий родился за 40 дней до 11 июня, т. е. 3 мая. Но какого года? Среди других Епифаний Премудрый называет одно событие, по которому совершенно точно можно судить об этом годе – Ахмулову рать. Речь идёт о военном нападении на русские города

² Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия чудотворца и Похвальное Слово ему. В кн.: Памятники древней письменности и искусства. Вып. 58. СПб. 1885 (далее – Житие), с. 3.

³ Как показал Б. М. Клосс, наиболее ранний епифаниевский текст сохранился в поздней, 20-х годов XVI в., редакции Жития. И то в данной редакции относимые к перу Епифания отрывки содержатся только в первой части Жития (до статьи «О изведении источника»). К тому же текст этих отрывков включает фразы из более поздних редакций Сергиева Жития Пахомия Логофета, трудившегося уже после Епифания, в 30–50-х годах XV века. Тем не менее, из епифаниевских отрывков можно извлечь данные о детстве, отрочестве и юности Варфоломея-Сергия.

ордынских войск под предводительством Ахмыла. Поход этот имел место в 1322 году⁴. Тот же год получается и при иных расчётах. Точная дата кончины Сергия – 25 сентября 1392 года⁵. Согласно Похвальному Слову Сергию, написанному между 1406 и 1418 гг. тем же Епифанием Премудрым, Сергий жил 70 лет⁶. Итак, троицкий игумен родился 3 мая 1322 года. И хотя эта дата явно расходится с указанием Епифания Премудрого на рождение Сергия в годы патриаршества в Константинополе Каллиста, верна именно она⁷.

Варфоломей был вторым сыном в семье. Старше его был Стефан, младше – Пётр. Оба они быстро выучились грамоте, которая Варфоломею никак не давалась. Однако семи лет мальчик научился читать. Может быть, сравнительно позднее развитие мешало ему дружить со сверстниками, он был склонен к уединению, и даже мать, как сообщает Епифаний, обращалась к нему с упрёками: «И двенадцати лет нет тебе, а грехи поминаешь». Варфоломею не исполнилось ещё 12 лет, когда в судьбе его семьи произошли большие перемены.

Отец его, ранее богатый человек, под старость обеднел. Причинами были частые поездки его с ростовским князем в Орду, где надо было раздавать подарки ханам и их окружению, частые визиты татарских послов, которых следовало принимать, кормить и поить

⁴ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 18. СПб. 1913, с. 89.

⁵ См. Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.-Л. 1950, с. 440 – 441.

⁶ Цифра 70 встречается в самых ранних списках Похвального Слова. В поздних списках содержится другая, ошибочная цифра – 78, заимствованная из поздних же редакций Жития Сергия (Клосс Б. М. Ук. соч., с. 274).

⁷ В греческом источнике, которым располагал Епифаний, начало патриаршества Каллиста было обозначено с явной опiskeй: цифра, выраженная буквой «ни», подменена похожей по начертанию «каппой», что породило искажение даты вступления Каллиста на патриаршую кафедру (1320 г. вместо 1350 г.). Такая интерпретация ошибочного указания на время патриаршества Каллиста принадлежит М. В. Бибикову, которому выражаю искреннюю признательность за его разъяснение.

вместе с их свитой; постоянные тяжёлые дани и выходы, которые уплачивались Орде; хлебные неурожаи в Ростовской земле. Последней каплей, переполнившей чашу терпения семьи ростовского боярина, было, по словам Епифания, «насилование, сирѣчь кня(же)ние великое досталось князю великому Ивану Даниловичю, купно же и досталось княжение Ростовское к Москвѣ». Переход Ростова под власть Калиты сопровождался насилиями и издевательствами над населением. Посланные Иваном Калитой Василий Кочева и Мина отнимали имущество у ростовских жителей, многих изранили и изувечили. Даже самого «епарха градского» – старейшего ростовского боярина Аверкия – москвичи повесили вниз головой: жизни не лишили, но жестоко надругались.

Жители Ростова и всего княжества испытывали смертельный страх перед московскими воеводами. И Кирилл не выдержал. Со всем родом своим он «въздвигеся и преселися от Ростова въ Радонѣжь». Так называлась волость, входившая в состав владений уже не ростовского, а московского князя. Семья Кирилла поселилась близ церкви Рождества Христова, т. е., очевидно, рядом с самим селом Радонежским, центром волости. И не один Кирилл сменил место жительства, «с ним и инии мнози преселишася от Ростова... въ Радонѣжь юже даде князь великы сынови своему мѣзиному князю Андрѣю. А наместника постави въ неи Терентиа Ртища, и лготу людем многу дарова и ослабу обѣщася тако же велику дати». Так заканчивается рассказ о переселении.

«Насилование» над Ростовом Ивана Калиты настало, по словам Епифания, когда была «великая рать татарьскаа, глаголемая

Федорчукова, Туралыкова, егда по ней за год единь»⁸, т. е. через год после того, как Федорчук, Туралык, Сюга и иные ордынские темники опустошили Тверское княжество в конце 1327 – начале 1328 г.⁹, подавляя антиордынское восстание. Следовательно, семья ростовского боярина Кирилла переселилась в Радонеж не ранее 1329 года. Дату можно уточнить.

Отъезд Кирилла вместе со всей семьёй из Ростова Епифаний ставит в связь с получением Иваном Калитой великого княжения Владимирского, ханский ярлык на управление которым выдавался тогда различным русским князьям, чаще других – московским. В 1328 г. под управление Калиты перешла половина великого княжества Владимирского, а в 1332 г. – всё великое княжение. До 1331 г., когда в Ростове правили два князя, Фёдор и Константин, Ростов должен был иметь двух княжеских наместников, представлявших интересы обоих братьев. Епифаний же пишет только об одном ростовском «епархе» Аверкии, что могло быть лишь после смерти князя Фёдора Васильевича, т. е. в 1331 г. или позже. Поскольку после Фёдора правителем Ростова стал Константин, надо полагать, что Аверкий был наместником именно Константина, пытавшегося назначением Аверкия закрепить владения брата за собой. Этому и воспротивился Иван Калита, который как великий князь Владимирский имел право на выморочные земли. Наиболее вероятное время для акции московского князя – 1332 г., когда Калита получил в Орде остальную часть Владимирского великого княжения. Следует обратить внимание ещё на одну деталь. Епифаний пишет, что одной из причин ухода

⁸ Житие, с. 33.

⁹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Пг. 1922, стб. 43 – 44; т. 18, с. 90; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (НПЛ). М.-Л. 1950, с. 98.

Кирилла в Радонеж были «глады хлѣбныи». За время правления Ивана Калиты летописи лишь единственный раз упоминают о голоде – и это тоже 1332 год¹⁰. Переход известного ростовского боярина под покровительство московского князя объясняется общей нестабильной обстановкой в Ростовском княжестве и ориентацией части его боярства не на местных правителей, а на Москву.

Итак, 10 лет от роду Варфоломей оказался в московских пределах. Вместе с его семьёй в Радонеже поселились их ростовские родственники: Дюдень, зять «его», и Анисим, дядя «его». Следовательно, у Сергия, кроме братьев, была ещё сестра, а у отца или матери – брат. Об этом дяде Сергия Анисиме Епифаний Премудрый вспоминает ещё раз, рассказывая о первых монахах Троицкой обители. Анисим был дьяконом, дьяконом стал и его сын Елисей. Епифаний знает и других лиц – выходцев из тех семей, что пришли в Радонеж вместе с Кириллом, и эти сведения подтверждаются¹¹. Упомянув людей, покинувших вместе с семьёй Кирилла Ростовское княжество, Епифаний даёт понять, что он не только собирал сведения о Сергии у его родственников и знакомых, но и интересовался судьбой самих этих людей. Замечания о них

¹⁰ Житие, с. 33; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 46.

¹¹ Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М. 1909, с. 93 и прим. 2. В частности, в датированной 1455 – 1456 гг. меновой грамоте между радонежским волостелем князя Василия Ярославича Иваном Прокофьевичем и властями Троице-Сергиева монастыря на пустоши в волости Радонеже первым свидетелем сделки среди светских лиц назван Тимофей Дюденьев. Поскольку после него свидетелями в грамоте указаны лица княжеской администрации (сотник Логинко, доводчик Алфер), надо полагать, что Тимофей по своему статусу был выше этих лиц. В других документах Троице-Сергиева монастыря упоминаются представители фамилии Тормосовых, которые, судя по их отчествам, были сыновьями Ивана и Фёдора Тормосовых, скорее всего, тех самых, кого упомянул Епифаний Премудрый (Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (АСВР). Т. 1. М. 1952, №№ 15, 17, 255, 256, 426, с. 33, 35, 184 – 185, 315).

Епифания, когда они поддаются проверке по другим источникам, оказываются в большинстве точными.

Из епифаниевского Жития, кажется, можно извлечь один бесспорный факт: среди переселившихся вместе с семьёй Сергия в Радонеж родственников и близких были люди, посвятившие себя служению церкви и способные возбудить у мальчика сильное религиозное чувство. Мало того, и родители Варфоломея Кирилл и Мария под старость ушли в монастырь. Варфоломей остался один. Его братья, Стефан и Пётр, женились, у них появились свои семьи. Варфоломей же даже речи не вёл о браке. Прожив в родительском доме до 20 лет, он решил принять постриг. К тому времени чернецом стал его старший брат Стефан. Жена его умерла, оставив ему двух сыновей, Климента и Ивана. Видимо, под влиянием этой утраты Стефан постригся в хотьковский Покровский монастырь¹².

Решив стать монахом, Варфоломей передал свою долю наследства брату Петру¹³, отправился к Стефану и вместе с ним стал искать место, пригодное для строительства монастыря. Братья нашли «едино место... в чащах леса», где была вода, и приступили к возведению «пустыни». Сначала они поставили «одрину и хизину», т. е. нечто вроде сарая и летнего домика, а затем «кѣлию едину създаста», т. е. срубили обычную избу, после же возвели и небольшую церковь. «Приѣхаша из града» (так обезличенно называет Епифаний Москву) священники от митрополита Феогноста и освятили церковь «въ имя святыхъ Троица». Поскольку это произошло при митрополите

¹² Житие, с. 37-38. Покровский Хотьковский монастырь находился в 9 км от основанного позднее Троице-Сергиева монастыря.

¹³ Голубинский отметил, что в позднейших переделках епифаниевского текста Пахомий Логофет, «поправляя Епифания на лучшее», заставляет Сергия раздавать отчее наследие беднякам, а не уступать его брату Петру (Голубинский Е. Е. Ук. соч., с. 22, прим. 3).

Феогносте и, по словам Епифания, в правление великого князя Симеона Ивановича, «въ начало княжения его», причём Варфоломей постригся в возрасте «боле двадесяти лет», основание Троицкого монастыря следует относить ко времени не ранее 1342 г. (Симеон получил в Орде ярлык на Владимирское великое княжение в 1340 г. и правил до своей смерти в 1353 г.)¹⁴.

После освящения церкви братья какое-то время жили в новой обители вместе. Но затем Стефан перебрался в Москву и «вселися в монастырь святого Богоявления», монахом которого в то время был будущий митрополит Алексей. С ним Стефану пришлось вместе петь на клиросе. Обаяние личности Стефана было, согласно Житию, столь велико, что митрополит Феогност назначил его игуменом Богоявленского монастыря, а великий князь Симеон Иванович, тысяцкий Василий, брат его Фёдор и «прочии бояре стареиши» выбрали Стефана своим духовником. Однако сведения, которые сообщает Епифаний о пребывании Стефана в Москве, не подтверждаются другими источниками. В частности, что касается духовничества Стефана, то сообщение Епифания о выборе его великим князем Симеоном в свои духовные отцы ставится под сомнение завещанием Симеона¹⁵. Впрочем, и описание монашеской

¹⁴ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 52-53, 62.

¹⁵ Там в качестве духовных наставников Симеона фигурируют архимандриты Пётр и Филимон, а кроме них поп Евсевий (Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XVI веков. (ДДГ). М.-Л. 1950, № 3, с. 14). Филимон был архимандритом в Переяславле-Залесском. Пётр – в Москве, очевидно, в кремлёвском Спасском монастыре (там же, № 2, с. 13). Игумена среди духовных отцов Симеона Ивановича не было. Приурочение деятельности Стефана к Богоявленскому монастырю, который был домовым монастырём московских тысяцких Вельяминовых, вызвано, по-видимому, припоминаниями лиц, заинтересованных в том, чтобы прославить этот монастырь, связав с ним деятельность известных людей XIV века. Но связь эта очень похожа на искусственную. Показательно, что Епифаний даже не сообщает имени Стефана, принятого им при пострижении. Мирское имя Стефан, появляющееся в рассказе

жизни самого Сергия, особенно её начального периода, не отличается у Епифания большой ясностью.

Из его рассказа следует, что после ухода Стефана Варфоломей остался в Троицком монастыре один. Иноческую схиму он ещё не принял. Постриг Варфоломея игумен Митрофан – вероятно, настоятель Хотьковского монастыря. Это произошло 7 октября 1342 г. на память мучеников Сергия и Вакха. Наречённому Сергием монаху тогда было «боле двадесяти лет видимою верстою», строго говоря – 20 лет и 5 месяцев. Обряд пострижения производился в основанной Стефаном и Варфоломеем церкви, в присутствии народа. Последнее сообщение Епифания расходится с его же собственными замечаниями о глухом и пустом месте, где был основан Троицкий монастырь.

Монашеская жизнь Сергия протекала уединённо. Епифаний отмечает, что в монастырь никто не приходил и Сергей «вкушал сладость безмолвия» в течение примерно двух лет. Но постепенно к нему стали сходитья чернецы. «От верх Дубны» в Троицкий монастырь пришёл Василий Сухой. Дубна, правый приток Волги, протекала в переяславских землях, являвшихся частью территории великого княжества Владимирского. Таким образом, в Радонеж шли люди не только из Ростовского княжества, но и из великого Владимирского. За Василием Сухим пришёл Яков Якут, а третьим стал дядя Сергия дьякон Анисим. Постепенно число монахов достигло 12. Каждый жил в особой келье. Церковные службы отправлялись призываемыми со стороны священником и игуменом. Последний, по-видимому, считался и настоятелем Троицкого

о детстве Варфоломея, фигурирующее в сообщении о женитьбе его старшего брата, не меняется и при повествовании о монашеской жизни последнего.

монастыря. Им был совершивший обряд пострижения Сергия Митрофан¹⁶.

Когда Митрофан умер, среди монастырской братии возникли споры, кому возглавить монастырь. Всѣ предлагали Сергия, но он категорически отказывался, заявляя, что желание игуменства «корень есть санолюбиа». Братии стоило больших усилий уговорить Сергия принять начальство над монастырѣм. В конце концов Сергей решился. Поставление в игумены требовало санкции высшей церковной власти. Поскольку, как сообщает Епифаний, митрополита в то время на Руси не было (кандидат в митрополиты Алексей отправился в Константинополь), Сергей должен был обратиться к пребывавшему в Переяславле-Залесском волынскому епископу Афанасию. «Распытавъ» Сергия, Афанасий убедился, что претендент в игумены – человек достойный, в один день поставил его в иподьяконы, затем в дьяконы, а на утро следующего дня – в иереи. Получив право отправлять церковные службы, Сергей возглавил монастырь.

Поставление Сергия в игумены датируется довольно точно. Оно падает на время, когда глава русской церкви Алексей пребывал «въ Цариградѣ», «въ градѣ же Переяславли повелѣ быти вѣ своё мѣсто епископу Афонасию Вельнскому»¹⁷. Алексей ездил в Константинополь дважды. Первый раз летом 1353 г. и был там до осени 1354 г., второй – осенью 1355 г. и до весны 1356 года¹⁸. Очевидно, что Афанасий замещал Алексея во время первой поездки. Смерть игумена Митрофана, возглавлявшего братию Троицкого монастыря, следует связывать с моровым поветрием,

¹⁶ Житие, с. 59 – 64.

¹⁷ Там же, с. 63, 69-71.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 62 – 65; Русская историческая библиотека (РИБ). СПб. 1908. Т. 6. Изд. 2-е, прил., стб. 44.

свирепствовавшим в Московском княжестве в первой половине 1353 г. и унёсшим жизни митрополита Феогноста, великого князя Симеона Ивановича, его брата Андрея. Поэтому поставление в игумены Сергия надо относить к лету-осени 1353 года¹⁹.

Первые годы игуменства Сергия не богаты событиями. Епифаний рассказывает о приходе в Троицкий монастырь смоленского архимандрита Симона, о возвращении туда из Москвы Сергиева брата Стефана, приведшего с собой своего младшего сына Ивана, о постепенном заселении земель вокруг монастыря, распространявшейся среди окрестных жителей славе Сергия. За единственным исключением, все эти факты не имеют у Епифания хронологических опор, как и упоминаемый ранее, до сообщения о пострижении Сергия, т. е. до 1353 г., эпизод о появлении в монастыре «бесов», «въ одежах и въ шапках литовьских островрьхых». Тем не менее приурочить эти события к определённым годам всё-таки можно.

Приход к Сергию архимандрита Симона – факт не совсем обычный. Почему принёсший с собой «имѣние» Симон, явно занимавший высокое положение в смоленской церковной иерархии²⁰, не захотел оставаться в Смоленске, а предпочёл скромный подмосковный монастырь? Летопись сообщает, что летом 1356 г. литовцы захватили смоленский город Ржеву, а осенью того же года

¹⁹ Устанавливаемые в данной работе на основе анализа источников основные даты биографии Сергия (1322 г. – рождение, 1342 – основание Троицкого монастыря, 1353 г. – поставление в игумены) расходятся с датами, приводимыми в книге Н. С. Борисова (Борисов Н. С. И свеча бы не угасла... М., 1990, с. 12 – 13, прим.). Введённые в неё автором элементы художественного вымысла соответствуют общему характеру этой работы, которая не может претендовать на научное освещение деятельности первого троцкого настоятеля.

²⁰ Предположительно, Симеон был архимандритом смоленского Борисоглебского монастыря на Смядыни (Голубинский Е. Е. Ук. соч., с. 33, прим. 1).

литовский великий князь Ольгерд «воеваль... Брянскъ и Смоленскъ», в 1359 г. захватил смоленские города Мстиславль и Ржеву, через 6 лет «осень всю стояль у Смоленска ратию и много зла сътворивъ и волю свою возма, поиде въсвоися»²¹. Всё это делало пребывание в Смоленском княжестве опасным, и Симон предпочёл провести последние годы жизни в более спокойной обстановке в радонежском Троицком монастыре. Его появление там нужно датировать временем скорее после 1356 г. или 1359 г., но не после 1365 г., поскольку Епифаний Премудрый сообщает о прибытии туда Симона почти сразу же за рассказом о поставлении Сергия в игумены.

Но если Симон пришёл в Троицкий монастырь после 1356 г., то брат Сергия Стефан вместе со своим младшим сыном Иваном появился там раньше, хотя об их приходе Епифаний пишет после рассказа о смоленском архимандрите. Судя по указаниям Епифания на возраст племянника Сергия Ивана, который не мог родиться после принятия монашеской схимы Стефаном, Ивану в момент поселения в Троицком монастыре было 12 лет. Если Иван родился в 1341 г., то прийти вместе с отцом к Сергию он должен был не позднее 1353 года. Вполне возможно, что Стефан оставил Москву и вместе с младшим сыном ушёл к брату из-за морового поветрия 1353 года.

Что касается эпизода с появлением в Троицком монастыре «нечистой силы», одетой в литовское платье, то, если увидеть за рассказом действительный факт, имеется единственная возможность его интерпретации. Прямых указаний на появление литовцев у Троицкого монастыря другие источники, кроме Жития Сергия, не содержат. Однако под 1372 г. летописи сообщают о нападении литовских отрядов во главе с князьями Кейстутом Гедиминовичем и

²¹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 65, 68, 79.

Андреем Ольгердовичем на Переяславль-Залесский, а затем об их соединении с полками тверского князя Михаила Александровича, действовавшими в районе Дмитрова²². Дорога от Переяславля-Залесского к Дмитрову проходила несколько севернее Троицкого монастыря. На этом пути литовцы и могли потревожить обитель. Так вырисовывается картина явной хронологической непоследовательности в повествовании Епифания: за рассказом о событиях 1372 г. следует рассказ об утверждении Сергия игуменом в 1353 г., затем рассказ о приходе в Троицкий монастырь Симона после 1356 г., затем известие о появлении в монастыре в 1353 г. брата Сергия Стефана с сыном Иваном. Но эта непоследовательность точно соответствует указаниям Епифания относительно того, что многие рассказы о Сергии он записывал «не по ряду, но предняя назади, а задняя наперед»²³.

Рассмотренные факты дают возможность охарактеризовать развитие Троицкого монастыря после того, как Сергей стал его настоятелем, и деятельность самого игумена. Приход в Троицу новых людей свидетельствует о притягательной силе этой обители, увеличении монастырской братии. Расширение её было связано с поселением рядом с монастырём крестьян, превративших прежде пустынные места в «поля чиста многы». Это освоение сельским людом прилегавших к Троице земель Епифаний датирует примерно временем правления великого князя Ивана Ивановича: «Лѣт, яко мню, множае пятнадесяти... яко въ днех княжения князя великого Ивана сына Ивана, брата ж Симионя». Если исходить из названной выше

²² Там же, стб. 99.

²³ Житие, с. 2. На хронологическую непоследовательность сочинения Епифания обращал внимание ещё В. О. Ключевский (Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М. 1871, с. 108-110).

даты основания Троицкого монастыря – 1342 г., то описанная Епифанием распашка земель под монастырём должна датироваться временем около 1357 г., во всяком случае, не ранее этого года. То действительно был период княжения в Москве второго сына Ивана Калиты Ивана (лето 1353 г. – 13 ноября 1359 г.)²⁴.

Хотя к 60-м годам XIV в. возделанные поля подступали к стенам монастыря и можно было надеяться на различного рода пожертвования в пользу его братии, вскоре наступили голодные времена. Епифаний рассказывает, что голодал и сам Сергей. За «решето хлѣбовъ гнилых скрилевъ» (сухарей. – *В. К.*) Сергей пристроил сени в келье старца Даниила (видимо, имущего монаха). Проблема пропитания братии приняла столь острый характер, что часть монахов во главе с Оносицей решила уйти из Троицкого монастыря, и только увещания Сергия и вовремя привезённое «брашно» предотвратили уход. Единственный за всё время пребывания Сергия в Троицком монастыре голод в русских землях приходится на 1371 г., что позволяет отнести к этому времени строительство Сергием сеней Даниилу и голодный ропот среди братии.

Проиллюстрировав двумя этими рассказами смирение, трудолюбие и известную прозорливость троицкого игумена, Епифаний излагает ещё один эпизод из жизни Сергия. Некий земледелец, который «живый на селѣ своемъ, орыи плугом своим и от своего труда питаася», пришёл в Троицкий монастырь посмотреть на игумена, молва о котором шла по окрестным селениям. Земледельцу указали на человека в бедной одежде, что трудился «на лыскарѣ», т. е. работал киркой на своём огороде. Земледелец принял всё это за

²⁴ Житие, с. 83; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 63, 68.

насмешку: «Аз пророка видѣти приидох, вы же ми сироту указасте». Внешний вид Сергия, его работа делали его похожим на обыкновенного свободного крестьянина, которого в XIV в. называли сиротой. Но как раз в это время в монастырь въехал некий князь «съ мноюю грѣдостою и славою» в окружении свиты. «Сирота» оставил свою работу и начал беседу с князем, и тогда земледелец понял, что его не обманывали: знаменитый игумен был крайне прост и скромнен в своём обиходе.

Этот рассказ Епифания тоже лишён каких-либо хронологических примет. Но факт приезда в Троицу князя симптоматичен. Радонеж с уделом, согласно завещанию Ивана Калиты, принадлежал его вдове, великой княгине Ульяне. Приезд князя в монастырь был возможен, как правило, в том случае, когда князь был владельцем удела, где располагалась обитель. Поэтому появление в Троице князя с многочисленной свитой следует расценивать как признак перехода Радонежа к другому владельцу. В договорной грамоте 1372 г. московского великого князя Дмитрия Ивановича с его двоюродным братом, серпуховским князем Владимиром Андреевичем говорится: «А коли, господине, имемъ слати данщици... удѣль Ульянинъ, тобѣ, князю великому, два жеребѣя, а мь...»²⁵ Несмотря на дефектность документа, из приведённого текста можно понять, что в момент подписания соглашения между Дмитрием и Владимиром удел великой княгини Ульяны продолжал существовать и при сборе ордынской дани оба князя имели право посылать в него своих данщиков.

После смерти Ульяны две трети её земель получил великий князь Дмитрий, а одну – Владимир, причём в состав его владений вошёл

²⁵ ДДГ, № 7, с. 23.

Радонеж. Об этом свидетельствует договор 1389 года²⁶. Поскольку летом – осенью 1374 г. по просьбе князя Владимира Сергий, уже живший в «области и странѣ» этого князя, принял участие в основании Высоцкого монастыря близ Серпухова, делается очевидным, что раздел земель Ульяны состоялся между 1372 г. и летом 1374 г., вероятно, в 1373 году. Таким образом, рассказанный Епифанием эпизод с приездом в Троицкий монастырь некоего князя, под которым должен подразумеваться удельный князь Владимир Андреевич, следует датировать временем не ранее 1372 года.

Симптоматично, что в летописании имя Сергия появляется только после перехода Радонежа в руки Владимира Серпуховского. Очевидно, что изменение владельческого статуса Троицкого монастыря открыло перед его настоятелем дорогу к дворам значительно более могущественных правителей, чем вдовья княгиня Ульяна, – Владимира Андреевича и его старшего двоюродного брата великого князя московского и владимирского Дмитрия Ивановича.

Под 1374 г. летопись отмечает не только участие Сергия в основании Высоцкого монастыря близ Серпухова – главного владения его феодального патрона, но и крещение троицким игуменом 26 ноября в Переяславле сына великого князя Дмитрия Юрия. Это произошло во время большого съезда русских князей и бояр, на котором было принято историческое решение о борьбе с Мамаем²⁷.

²⁶ Там же, № 11, с. 31, ср. № 17, с. 46.

²⁷ В некоторых летописях имеется более раннее, чем 1374 г., известие о Сергии: под 1365 г. сообщается, что «митрофолитъ Алѣксеи отня епископю Новгородскую отъ владыки Алексея; а тогда прииде посоль отъ князя Дмитрия Ивановича, игумень Сергии, зовущи князя Бориса на Москву, онъ же не поѣха, они же церкви затвориша» (ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. Пг. 1915, с. 292). Это известие Новгородской IV летописи (а также Софийской I летописи) восходит в конечном счёте к своду митрополита Фотия 1423 года. В Рогожском летописце, восходящем к ещё более раннему источнику, такого известия нет. И понятно почему: Нижегородская епархия не находилась под началом суздальского

Возможно, что и Сергей принял участие в этом совещании правителей северо-восточных русских княжеств в качестве доверенного лица московских князей и тогда же стал одним из духовников великого князя Дмитрия²⁸.

Далее в Житии рассказывается об очень крупном событии в жизни основанного Сергием монастыря: присылке грамоты от константинопольского патриарха Филофея и составлении на основании патриаршего послания в Троице общего жития. Грамоту Сергию принесли «грькы от Констандина града». Филофей занимал патриарший престол дважды: с ноября 1353 г. по 22 ноября 1354 г. и с 8 октября 1364 г. по сентябрь 1376 года²⁹. Писать Сергию он мог в годы, соответствующие этим периодам.

Как сообщает Житие Сергия, вместе с грамотой константинопольский патриарх прислал крест, параманд (аналав) –

владыки Алексея. Нижний Новгород и Городец были частью диоцеза митрополита Алексея, и он ничего не мог отнимать у суздальского епископа. Грамматически несообразно в своде 1423 г. о Сергии сказано, что «они же церкви затвориша». Происхождение нелепицы разъясняется записью Рогожского летописца под 1363 г.: «Тоё же осени приехаша въ Новьгородъ Нижнии отъ митрополита Алексѣя архимандрить Павелъ да игумень Герасимъ, зовучи князя Бориса на Москву, онъ же не поеха, они же церкви затвориша» (ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 74 – 75). Ясно, что в своде 1423 г. было переработано известие 1363 г. источника Рогожского летописца, а имя Сергия является в статье 1365 г. позднейшей вставкой. Воспользовавшись без источниковедческого анализа обеими записями, Н. С. Борисов посчитал, что новгородские храмы были закрыты дважды: в 1363 и 1365 гг. (Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV – XV веков. М., 1986, с. 82 – 83).

²⁸ Как следует из Послания Киприана от 23 июня 1378 г. Сергию Радонежскому и Фёдору Симоновскому, оба они к этому времени уже были духовниками Дмитрия. Между тем при составлении первого завещания Дмитрий назвал своим духовным отцом только митрополита Алексея. Очевидно, что тогда Сергей духовником великого князя ещё не был. Первую духовную Дмитрия Ивановича нельзя датировать ни 1375 г., как предлагал Л. В. Черепнин, ни 1373 г., как считал А. А. Зимин. Она составлена после рождения у великого князя 30 декабря 1371 г. сына Василия, который и упоминается в духовной, но до рождения 26 ноября 1374 г. сына Юрия (его имени нет в грамоте). Среди послухов духовной нет имени Д. М. Боброка-Волынского, который в конце 1371 – начале 1372 г. отсутствовал в Москве. Очевидно, первая духовная написана в начале 1372 года. Таким образом, Сергей стал духовником Дмитрия между 1372 и 1378 гг., скорее всего в 1374 году.

²⁹ Grumel V. La Chronologie. P. 1958, p. 437.

небольшой четырёхугольный платок с изображением страстей Христовых, и схиму – монашеское одеяние. Последние две вещи с течением веков исчезли, крест же сохранился. В 1918 г. выяснилось, что это небольшой (4 см) золотой нательный крест – реликварий, в котором хранились частицы мощей литовских святых, канонизированных в первой половине XIV века. Русские надписи на нём, по палеографическим признакам датируемые XIV – XV вв.³⁰, едва ли сделаны при патриаршем дворе в Константинополе, но они могли быть нанесены на присланный из Византии крест позднее для сохранения памяти о связанных с крестом частицах мощей святых; по технике исполнения он вполне может быть отнесён к XIV веку. Таким образом, Филофей действительно прислал Сергию крест, а вместе с ним, очевидно, предметы монашеского одеяния и грамоту, где содержался совет учредить в монастыре общежительство.

Рассказ Жития Сергия о грамоте константинопольского патриарха и дарах троицкому игумену интерпретируется многими исследователями так, что послание и дары были доставлены возвратившимся в Москву из Константинополя только что утверждённым в сане русского митрополита Алексеем. Но это вызывает возражения. Ни Филофей, ни Алексей не могли знать, что Сергий стал игуменом основанного им монастыря. Это произошло как раз в отсутствие Алексея, когда местоблюстителем митрополичьего стола всея Руси был пребывавший в Переяславле-Залесском волынский епископ Афанасий, который и рукоположил Сергия в

³⁰ Белоброва О. А. Посольство константинопольского патриарха Филофея к Сергию Радонежскому. – Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника, 1958, вып. 2, с. 14 – 15. А. А. Курилов в устной беседе высказал мнение, что надпись на кресте по всем палеографическим признакам относится к XIV веку.

игумены. Показательно также сообщение Жития, что, получив патриаршую грамоту и поминки, Сергей отправился с ними за советом к митрополиту Алексею. Если послание и дары Филофея были переданы Сергию через Алексея, то какой смысл было троицкому настоятелю показывать их митрополиту? Ясно, что грамота Филофея, крест, параманд и схима были посланы Сергию не в 1354 г., а позднее, в период второго патриаршества Филофея, т. е. между октябрём 1364 г. и сентябрём 1376 года.

Источники отмечают несколько поездок в этот промежуток времени доверенных церковных лиц из Константинополя в Москву: в июле 1370 г., в августе 1371 г., начале 1374 года. Наконец, «тоё же зимы» 1376 г. от патриарха Филофея к митрополиту Алексею прибыли два протодиакона, «сановника суца, единь ею именем[ь] Георгии, а други Иванъ»³¹. Речь идёт, как справедливо полагает Г. М. Прохоров, о Георгии Пердике и Иоанне Докиане, в течение многих лет занимавшихся при патриаршем дворе делами русской церкви. После резкого конфликта, происшедшего в русской церкви в 1375 г., эти сановники были посланы на Русь вместе с поставленным 2 декабря 1375 г. митрополитом Киприаном, чтобы произвести дознание о жизни Алексея, который после 1363 г. перестал посещать литовские епархии и поддерживал противников литовского великого князя Ольгерда; выслушать, что будут говорить против Алексея обвинители и свидетели, и донести о результатах константинопольскому собору³².

³¹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 116; РИБ. Т. 6. Изд. 2-е, прил., № 30, стб. 172, 174.

³² Прохоров Г. М. Повести о Митяе. Л. 1978, с. 48-49 и прим. 30; РИБ. Т. 6. Изд. 2-е, прил., № 30, стб. 172.

Именно с посольством Георгия Пердики и Иоанна Докиана связано, видимо, патриаршее послание Сергию Радонежскому и присланные ему дары. В самом деле, в 1370 или 1371 г. троицкий игумен был ещё фигурой малоизвестной в высоких светских и церковных кругах Московского великого и сопредельных княжеств. В 1374 г. Филофей мог передать своё послание и дары Сергию через Киприана, тем более, что путь последнего ранней весной 1374 г. пролегал близ Троицкого монастыря. Но Киприан ехал с митрополитом Алексеем, а в Житии сказано, что, получив грамоту и дары от патриарха, Сергей отправился с ними в Москву, чтобы посоветоваться с митрополитом Алексеем. Следовательно, описанная в Житии ситуация не соответствует обстоятельствам 1374 г., к тому же неясно, стал ли Сергей к весне 1374 г. духовником великого князя. Скупой рассказ Жития как нельзя лучше соответствует событиям времени приезда в Москву Пердики и Докиана. Из постановления Константинопольского собора 1380 г. видно, что приехавшие в Москву патриаршие представители должны были вести переговоры не только с митрополитом Алексеем, но и узнать мнение «обвинителей и свидетелей» о деяниях главы русской церкви, т. е. иметь беседы с высокопоставленными церковными и светскими лицами. Сергей Радонежский, ставший к тому времени одним из духовных наставников московского великого князя, принадлежал к таким лицам.

Главной же целью приезда патриарших послов в Москву было объяснение решения патриарха Филофея фактически разделить единую Русскую митрополию, поставив в Киеве особого

митрополита³³. При этом в Москве послам важно было заручиться поддержкой патриаршей политики со стороны влиятельных лиц, и Сергию посылается не только грамота Филофея, но и преподносится драгоценный крест с частицами мощей литовских православных святых – прозрачный намёк на состояние дел в литовских епархиях, имевших своих мучеников веры, но не имевших надлежащего попечения и руководства. Понятно, почему с этими дарами Сергей отправился в Москву к митрополиту Алексею. Ведь речь шла не только о совете патриарха ввести в Троице общежительный устав, но прежде всего о позиции Сергия относительно предпринятой в Константинополе реорганизации высшей русской церковной власти. Очевидно, беседа Сергия с Алексеем после получения первым патриаршего послания не поколебала приятных чувств троицкого игумена к своему владыке, и Сергей принял сторону митрополита Алексея, выступая за целостность русской церковной организации и управление ею единым митрополитом. Мнение Сергия, видимо, не отличалось от позиции московского правительства и митрополичьей кафедры в Москве, откуда в Константинополь была отправлена жалоба на «незаслуженное оскорбление», нанесённое поставлением в митрополиты Киприана³⁴. Эта позиция Сергия в вопросах церковного устройства очень ясно обозначилась в последующие годы.

Г. М. Прохоров на основании данных Рогожского летописца относит приезд в Москву посланцев патриарха Филофея к марту 1376 года. Однако использованные им в качестве датирующих известия о походе Дмитрия Московского за Оку, приезде в Киев Киприана и осенней эпидемии в Киеве являются вставками в тексте Рогожского

³³ Прохоров Г. М. Ук. соч., с. 49.

³⁴ РИБ. Т. 6. Изд. 2-е, прил., стб. 174.

летописца, их нет в соответствующих статьях близких этому летописцу Симеоновской летописи и Владимирского летописца³⁵. Если не принимать во внимание вставки, то сообщению о прибытии в Москву патриарших послов в Рогожском летописце предшествует известие с точной датой: пятница 17 октября, что соответствует 17 октября 1376 г., а последует сообщение с другой точной датой: понедельник 16 марта, что приходится уже на 1377 год. На этом основании приезд патриарших послов должен датироваться скорее всего январём – февралём 1377 г., чему имеются и косвенные подтверждения.

Итак, первые месяцы 1377 г., а не 1354 г. должны считаться началом общежития в Троицком монастыре. До этого сподвижники Сергия, да и он сам жили особно. Каждый занимал свою келью, существовал на собственные средства. Обеспеченные монахи, вроде того Даниила, сени которому делал Сергий, не делились своим достатком с малоимущей братией. Каждый старался обеспечить себя сам. Введённое Сергием по рекомендации патриарха Филофея общежитие в монастыре в корне изменило существовавший порядок. Было принято новое правило: «Никому же ничто же не дръжати отнудь, ни мало, ни много, ни своим звати, но вся обща имѣти». Все монахи были разделены по службам: келарь – хранитель общих монастырских запасов, повар, хлебники, милосердные братья, ухаживавшие за больными. Общежительный устав превращал сподвижников по духу в единый производящий коллектив, заставлял трудиться всех способных к этому, сплачивал монашествующих в единую корпорацию.

³⁵ ПСРЛ. Т. 18, с. 117, под 6884 г.; т. 30, с. 122, под 6883 годом.

И хотя на протяжении длительной истории Троице-Сергиева монастыря были периоды, когда богатые постриженники стремились «сладко ясти и мягко спати», как они это делали в мирской жизни, отдельно от остальных³⁶, общежительство восторжествовало, и не сразу, но постепенно Троицкий монастырь превратился в богатейшую духовную корпорацию. В XVII в. он обладал таким количеством дворов зависимых людей, которое почти равнялось числу дворов, принадлежавших патриарху, митрополитам, архиепископам и епископам всей русской церкви вместе взятым³⁷. У истоков этого длительного исторического процесса, превратившего Троицкий монастырь в богатейшую обитель России, стоял Сергей Радонежский. Впрочем, введение им общежительного устава было встречено частью монастырской братии крайне враждебно. По свидетельству Жития, некоторые из монахов покинули монастырь, не желая разделять общие труды и заботы.

Это упоминание о конфликте части монахов с настоятелем предшествует в Житии рассказу о конфликте Сергия со всею братиею. На первый взгляд, повод для этого был незначительный. В один из субботних дней во время приготовления к церковной службе Сергей вдруг услышал, как его брат Стефан сказал канонарху (устроителю церковного пения): «Кто есть игумен на мѣстѣ сем? Не аз ли прѣжде сѣдохъ на мѣстѣ сем?» Обидевшись на брата, вдруг высказавшего претензии на верховенство в монастыре, Сергей покинул Троицу и пошёл в Кинелу, граничившую с Радонежем переяславскую волость.

³⁶ Тихонравов Н. С. Древние Жития преподобного Сергия Радонежского. М. 1892, отд. 2, с. 158-165.

³⁷ Водарский Я. Е. Церковные организации и их крепостные крестьяне во второй половине XVII – начале XVIII в. В кн.: Историческая география России. М. 1975, с. 78, 85. Троице-Сергиеву монастырю тогда принадлежало 16 838 дворов.

Переночевав в дороге, он на другой день пришёл в Махрицкий монастырь, где игуменом был Стефан. Попросив у него монаха, Сергей обошёл с ним окрестные места и в одном из них на р. Киржаче основал свой монастырь Благовещения Богородицы. Там с благословения митрополита Алексея он поставил церковь. Средства на строительство – «серебро довольно» – давали князья и бояре.

Однако троицкая братия не хотела отпускать своего игумена. Монахи бросились на розыски, нашли Сергия, просили вернуться, но он оставался непреклонен. Тогда братия обратилась к митрополиту Алексею, тот послал к Сергию архимандритов Герасима и Павла, являвшихся, по-видимому, митрополичьими апокрисиариями – церковными чиновниками для особых поручений, которые передали ему повеление митрополита. Сергей не осмелился послушаться и возвратился в Троицу. В киржачский же монастырь игуменом был поставлен троицкий постриженник Роман. Так, согласно Житию Сергия, закончился этот эпизод, имевший место ещё при жизни митрополита Алексея, т. е. до 12 февраля 1378 года³⁸.

Упоминание игумена Стефана Махрицкого ведёт ко времени после 1370 г., когда тот основал свой Троицкий монастырь³⁹. Уйдя из Троицы и получив помощь от Стефана Махрицкого, Сергей возвёл монастырь на р. Киржаче. И Махрицкий монастырь, и новопостроенный Сергием монастырь Благовещения Богородицы

³⁸ Тихонравов Н. С. Ук. соч., отд. 1, с. 47-51; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 120.

³⁹ Ключевский В. О. Ук. соч., с. 279-280. О времени основания Махрицкого монастыря см.: Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Вып. 2. СПб. 1892, с. 202, № 919. Мнение об основании Махрицкого монастыря в 50-е годы XIV в. (Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV – XVI веках. М. 1966, с. 131) нуждается в корректировке: монастырь не мог быть основан при великом князе Иване Ивановиче и митрополите Феогносте. Когда Иван Иванович стал великим князем, Феогноста уже не было в живых.

находились в переяславских, а не в радонежских пределах. Переяславские же земли состояли под юрисдикцией великого князя Дмитрия Ивановича. Очевидно, основание Сергием монастыря на Киржаче означало его переход под великокняжеское покровительство. А успешнее сделать это Сергей мог после того, как стал духовным отцом великого князя. В этом случае хронологические рамки события сужаются до периода 1374 – 12 февраля 1378 года.

Дальнейшее уточнение времени ухода Сергия из монастыря может быть связано с замечанием агиографа (Епифания или Пахомия), что претензии Стефана на игуменство в Троице были высказаны тогда, когда среди братии «встаёт молва... яко не хотѣти Серигева старѣишинства»⁴⁰. В этих словах выражено явное противостояние Сергию по меньшей мере части троицких монахов. Очевидно, выразителем их недовольства и стал брат Сергия Стефан. Если припомнить всё, что сказано Епифанием о Стефане, то, несмотря на многие неточности в его сочинении, выпукло выявится одна важная черта в биографии старшего брата Сергия: его близость к московской аристократии и высшему духовенству. Роптание на Сергия в период между 1374 и началом 1378 г. могло быть вызвано именно введением в Троицком монастыре общежительного устава. Очевидно, 1377 г. и был годом такого роптания, вызвавшего уход Сергия под покровительство великого князя, основание нового монастыря на Киржаче, наконец, возвращение при поддержке князей, бояр и митрополита в старую обитель, после чего, судя по всему, и состоялось удаление из монастыря тех монахов, которые ратовали за особое житие.

⁴⁰ Тихонравов Н. С. Ук. соч., отд. 1, с. 46.

С этим фактом нужно связывать и переселение части троицкой братии во главе с племянником Сергия Фёдором в Симонов монастырь. Рассказ Жития о Фёдоре рисует отношения с ним Сергия в самых радужных тонах. Питая тёплые чувства к племяннику, преисполненному почтительности, смирения и послушания, Сергей хотел видеть Фёдора своим преемником в Троицком монастыре. Фёдор же стремился основать свой монастырь. В конце концов Сергей склонился на просьбы племянника отпустить его, хотя это и было ярко выраженным проявлением «санолубия». С частью троицких монахов Фёдор отправился в Москву и там у митрополита Алексея выпросил благословение на поиск пустынного места для монастыря. «Мѣсто таково, зовомое от дрѣвних Симоново, близ рѣкы Москвы, недалече от града»⁴¹ было найдено. Его осмотрел Сергей, одобрил выбор Фёдора, и тот возвёл здесь церковь Рождества Богородицы, трапезную и кельи, где стали жить монахи. Симонов монастырь был организован так же, как и Троицкий, – по общежительному уставу. Монастырь вскоре прославился, из его братии стали поставлять игуменов в другие монастыри и даже епископов на епархиальные кафедры. Сам Фёдор был поставлен в архиепископы Ростовские и в этом сане скончался.

Таково содержание рассказа о Симоновом монастыре в Житии Сергия, рассказа довольно краткого, о многом умалчивающего, написанного или дописанного в довольно позднее время. Поскольку Житие упоминает о поставлении из Симонова монастыря «овѣх на епископство», очевидно, что такое упоминание не могло появиться ранее 1406 года. Позднее же происхождение повествования о переходе Фёдора в Симонов монастырь заставляет с известной

⁴¹ Там же, с. 53.

осторожностью относиться к изложенным в нём сведениям и их интерпретации. В самом деле, уже утверждение, что Симонов монастырь основан Фёдором на пустынном месте, вызывает сомнения. Свидетельство о великокняжеских владениях в районе Симонова монастыря относится к более раннему времени, чем то, когда действовал Фёдор. Уже в духовных грамотах 1359 г. упоминается св. Богородица на Крутице, которой предназначалась четверть великокняжеской коломенской тамги⁴². Крутица, по более поздним источникам, – местность рядом с Симоновым монастырём. Вполне вероятно, что в древности это название распространялось и на ту территорию, которую впоследствии занял Симонов монастырь.

Строительство монастыря не могло быть чисто церковным делом, как это рисуется в ранней редакции Жития, а должно было направляться и контролироваться великокняжеской властью. И действительно, судя по сказанному во II Пахомиевской редакции Жития, Сергей неволею отпустил Фёдора, «умоленъ бысть... великим князем Дмитрием Ивановичем и архиепископомъ Алексѣем»⁴³. Таким образом, великокняжеская власть всё-таки вмешалась, и обретение Фёдором места «близ рѣкы Москвы, недалече от града» нельзя представлять себе как находку в пустыне; речь должна идти или о возобновлении запустевшего великокняжеского монастыря, или о его расширении, может быть, строительстве на новом месте, но близ старого. Не случайно, конечно, Фёдор, согласно Житию, ставит в Симоновом монастыре церковь Рождества Богородицы, а позднее

⁴² ДДГ, № 4, с. 16, 19.

⁴³ Тихонравов Н. С. Ук. соч., отд. 1, с. 126. О редакции см.: Клосс Б. М. Ук. соч., с. 277 – 278.

закладывает церковь Успения Богородицы, явно повторяя название существовавшей здесь в 1359 г. церкви св. Богородицы.

Таким образом, 1377 год стал годом крупных потрясений в Сергиевой обители, роптание монахов на игумена усилилось здесь настолько, что в дело вмешались и митрополичья, и великокняжеская власти; страсти удалось потушить, недовольные друг другом чернеческие группировки были разведены, но Троицкий монастырь был сохранён за Сергием. Отголоски этих роптаний и борьбы в Троицком монастыре заметны в Послании Киприана Сергию Радонежскому и Фёдору Симоновскому от 3 июня 1378 г.: «Молюся богови, да пребывайте в спасении душевном с богом даною вам братьею. Наставляйте их к путём спасеным». В другом послании, относящемся скорее всего также к 1378 г., он же писал Сергию: «Ты же прележи своей пастве, ведый, яко о них слово вѣздаси богови. Аще ли кто не послушаеть, о том болши прилежи и учи»⁴⁴.

Два следующих рассказа Жития описывают поведение Сергия в очень сложной для русской церкви обстановке 1378 (или конца 1377) – 1379 годов. Согласно первому рассказу, митрополит Алексей перед смертью послал одного из своих бояр к троицкому игумену. Когда тот явился, митрополит повелел принести крест, украшенный золотом и драгоценными камнями, и параманд. Один из митрополичьих бояр передал их Сергию, сказав, что это – дар Алексея. Сергий поблагодарил за подарок, но отказался его принять: «Ни бо от юности

⁴⁴ Прохоров Г. М. Ук. соч., с. 195,204. За рассказом о Симоновом монастыре в Житии следует сообщение о закладке Сергием по просьбе князя Владимира Андреевича Высоцкого монастыря под Серпуховом. Более подробный рассказ об этом событии содержит, как уже говорилось выше, летопись, сообщающая точный год строительства – 1374-й. И в этом случае проявилась особенность Сергиева Жития, заключающаяся в том, что изложение некоторых поздних фактов опережает в нём рассказ о происшествиях более раннего времени.

моеа не бых златоносець, ныне же на старости паче хотѣль бы в нищетѣ прѣбывати». Митрополит, однако, настоял на своём и, сняв с Сергия его крест и параманд, заменил их новыми. Затем, оставшись наедине с Сергием, Алексей заговорил о своём преемнике на митрополичьем столе и желании видеть в Сергии будущего митрополита всея Руси. При этом Алексей сказал Сергию, что «и сам князь великий зѣло желает тя и вси бояре его». В ответ на это Сергей, по словам его агиографа, «зѣло оскрѣбися, яко и образу измѣнитися», и решительно отвёл предложение митрополита «выше своеа мѣры въсходити на степень». Договорившись, что о разговоре не узнает ни одна душа, Сергей возвратился в свой монастырь.

Обычно этот рассказ не подвергают сомнению, принимая его таким, каков он есть, и вводя в описание образа троицкого игумена ещё одну черту – отказ принять высший в русской церкви сан. Само такое предложение уже звучит лестно и может характеризовать личность Сергия. Однако в рассказе Жития нельзя не заметить явного несоответствия. Предложение митрополита Алексея было высказано Сергию в сугубо доверительной беседе, с глазу на глаз, о её содержании никто не должен был знать, но оно оказалось всё-таки описано в Житии. Состоялась ли такая беседа, отразил ли в своём рассказе агиограф слухи или это лишь его домысел? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо прояснить позиции двух крупных русских церковных деятелей относительно судеб Русской митрополии в конце 70-х годов XIV века.

Назначение Киприана митрополитом всея Руси с передачей ему православных епархий в Литве вызвало бурные протесты в Москве, а поскольку преклонные годы митрополита Алексея не позволяли надеяться на длительное удержание им верховной церковной власти,

потребовалось срочно подобрать своего кандидата в митрополиты. Выбор пал на Михаила-Митяя, духовника и печатника московского великого князя Дмитрия Ивановича. В первой половине 1376 г. Митяй из бельца превратился в чернеца и в одночасье был поставлен в архимандриты придворного кремлёвского Спасского монастыря⁴⁵. Что касается митрополита Алексея, то он поддержал креатуру великого князя. В 1378 г. митрополит Киприан упрекал умершего Алексея: «Не умѣти было ему наслѣдника оставляти по своей смерти». Очевидно, Алексей санкционировал поставление Митяя в спасские архимандриты и дальнейшее замещение им митрополичьей кафедры. Прокиприановский летописный рассказ о Митяе также отмечает причастность Алексея к выдвижению Митяя⁴⁶. Поэтому сообщение Жития Сергия о сделанном ему предложении митрополита Алексея стать преемником представляется сомнительным. А сообщения о желании великого князя и всех его бояр поставить во главе русской церкви Сергия не подтверждаются источниками. Даже из резко антимиляевского летописного рассказа о борьбе за митрополичью кафедру в 1378 – 1381 гг. становится ясно, что Дмитрий Иванович и его окружение хотели видеть митрополитом именно Митяя.

Как же относился к нему Сергей? В летописном рассказе о попытке княжеского фаворита Михаила-Митяя стать русским митрополитом есть характерная деталь. Летописец сообщает, что поссорившийся с Митяем суздальский владыка Дионисий решил отправиться в Константинополь. Митяй, боясь, что Дионисий может ему там навредить, упросил великого князя запретить Дионисию поездку. Тот не нашёл ничего лучшего, как «Дионисиа нужею

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 126; Прохоров Г. М. Ук. соч., с. 50, прим. 35.

⁴⁶ РИБ. Т. 6. Изд. 2-е, стб. 180; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 125.

удрѣжати». По меньшей мере ограниченный в передвижении, Дионисий попытался освободиться и дал слово великому князю не ходить в Константинополь: «Ослаби ми и отпусти мя, да живу по волѣ, а уже къ Царюграду не иду безъ твоего слова». Дионисий назвал и поручителя – игумена Сергия. Великий князь поверил Дионисию и отпустил его, взяв с него обещание год не ездить в Константинополь. Но как только Дионисий получил свободу, он «съ недѣлю не помедливъ и въскорѣ бѣжаниемъ побѣжа къ Царюграду, обѣтъ свои измѣни, а поручника свята выдалъ»⁴⁷.

Конечно, дав поручительство за Дионисия, Сергей действовал отнюдь не в интересах Митяя. А вероломство Дионисия должно было по меньшей мере резко охладить отношения Сергия с Митяем и поддерживавшим его великим князем. Поэтому представляется правдоподобным указание Жития на то, что Митяй, к тому же подозревавший Сергия в желании стать митрополитом, после своего поставления в митрополиты грозился уничтожить Троицкий монастырь. Сергей в ответ на угрозы заявлял, что Митяй не только не получит митрополичьего сана, но даже и Константинополя не увидит. Так оно и случилось. Впрочем, сообщение об этом предвидении Сергия – не более чем литературный приём, поскольку весь рассказ о Митяе в Житии Сергия списан с сильным сокращением из соответствующей летописной статьи, где подробно говорилось о неожиданной смерти любимца великого князя на корабле при подходе к Константинополю.

Послание же Киприана Сергию Радонежскому и Фёдору Симоновскому, датированное 3 июня 1378 г., позволяет думать, что и в первое время после смерти митрополита Алексея отношения между

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 127-128.

Сергием и Митяем отнюдь не были лучезарными. Митрополит извещал обоих игуменов о начавшейся своей поездке в Москву и заранее просил о свидании: «Вы же будите готови видетися с нами, где сами погадаете. Велми жадаю видетися с вами и утешитися духовным утешением». Последняя фраза свидетельствует о приятных отношениях между приближавшимся к Москве митрополитом – соперником Митяя и Сергием с его племянником. Видя в Митяе ставленника великого князя, Киприан писал Сергию и Фёдору: «Слышу о вас и о вашей добродетели, како мирская вся мудрования преобидите и о единой воли божией печётесь»⁴⁸. «Мирская вся мудрования» исходили от великого князя, стремившегося посадить на Русскую митрополию Митяя. Очевидно, Сергей этих великокняжеских замыслов не разделял.

Правда, расчёты Киприана на поддержку Сергия Радонежского и Фёдора Симоновского оказались преувеличенными. В послании, датированном 23 июня 1378 г., Киприан осыпал их упрёками за то, что они не заступились за него, когда он по приезде в Москву был по велению великого князя арестован, ограблен и выслан из столицы. «Вы же, иже мира отреклися есте и иже в мирѣ, и живёте единому богу, како толику злобу видивъ, умолчали есте?» – вопрошал потрясённый случившимся Киприан и продолжал: «Аще хотите добра души князя великого и всей отчинѣ его, почто умолчали есте? Растерзали бы есте одёжи своя, глаголали бы есте предъ цари не стыдяся: аще быша васъ послушали, добро бы; аще быша васъ убили, и вы святи... Не вѣсте ли писание, глаголющее, яко аще плотскихъ родитель клятва на чада чадомъ падаетъ, колми паче духовныхъ отецъ

⁴⁸ Прохоров Г. М. Ук. соч., с. 195.

клятва, и та сама основания подвиже[ть] и пагуби предаёт?»⁴⁹ Киприан упрекал Сергия и Фёдора как духовников великого князя, которые должны были наставлять и поучать своего духовного сына, но этого не делали. В момент решительного столкновения между московским великим князем и поставленным в Константинополе митрополитом у них не хватило мужества заступиться за своего духовного владыку и осудить владыку светского, но своей принципиальной линии Сергей (в отличие от Фёдора) не изменил, через несколько месяцев поручившись за Дионисия.

Как объяснить, что первоначально при назначении Киприана Сергей поддержал не его, а Алексея, но после смерти Алексея оказался на стороне неугодного великому князю Дмитрию Киприана? Логику поведения троцкого игумена можно понять. После поставления Киприана Сергей поддержал Алексея, поскольку ратовал за единство митрополии вся Русь и назначение Киприана расценивал, скорее всего, как не вполне законное, ибо митрополичья кафедра не была вакантной, её продолжал занимать Алексей. По кончине Алексея Киприан стал олицетворять единство Русской митрополии, а возведение на кафедру Митяя, во-первых, нарушало постановление патриарха Филофея 1375 г., во-вторых, грозило если не формальным, то по меньшей мере фактическим расколом митрополии вся Русь.

Окончательный распад Русской митрополии и произошёл через несколько десятилетий, но уже в 1378 г. дальновидным деятелям была ясна дилемма: или стремиться удержать единство, а значит, сохранить идеологический, политический и в какой-то мере хозяйственный потенциал православной церковной организации в Восточной Европе,

⁴⁹ РИБ. Т. 6. Изд. 2-е, стб. 175-178.

ослабить её зависимость от светской власти, или, наоборот, целиком перейти под её покровительство, идти по пути создания национальных церквей. Сергей выбрал путь единства Русской митрополии, поставив церковное выше светского. Поэтому он должен был разойтись с великим князем, хотя в 1378 г. ещё не отваживался на открытую поддержку Киприана.

К 1378 г. относится ещё одно событие, которое, как и другие эпизоды биографии троицкого игумена, в Житии не имеет точной даты, а в литературе, как правило, связывалось с Куликовской битвой. Речь идёт о приезде в Троицкий монастырь великого князя Дмитрия и о его беседе с Сергием. Вот это житийное повествование, цитируемое по древнейшей, I Пахомиевской редакции: «О побѣжении татаръ и иже на Дубенкѣ о монастыри. Нѣкогда же приде князь великий в монастырь къ преподобному Сергиу и рече ему: «Отче, велиа печаль обдержит мя. Слышах бо, яко Мамаи въздвиже всю Орду и идѣт на Русскую землю, хотя разорити церкви, их же Христос кровию своею искупи. Тѣм же, отче святыи, помоли бога о том, яко сия печаль обща всѣм християном есть». Преподобный же отвѣща: «Иди противу их и, богу помогающу ти, побѣдиши, и здравъ съ вои своими възвратишися, токмо не малодушьствуи». Князь же отвѣща: «Аще убо бог поможет ми молитвами твоими, то пришед поставлю церковь въ имя пречистыа владычица наша богородица честнаго еа Успения и монастырь съставлю общаго житиа». Слышанно же бысть, яко Мамаи идѣт с татары с великою силою. Князь же, събравъ вой, изыде противу их, и бысть по пророчеству святого Сергия, и побѣдивъ, татары прогна, и сам здравъ съ вои своими възвратися. И тако моливъ святого Сергия обрѣсти мѣсто подобно, иде же цркъвь сътворити. И тако обрѣтше мѣсто подобно, призва же князя великаго, и основаста церковь, иже и

вскорѣ сътворише церковь красну во имя пречистыа на Дубенкѣ, и съставиша обще житие. Постави же единого от ученикъ своих игумена в том монастыри, сам же паки възвратися въ свои ему монастырь»⁵⁰.

Этот рассказ был существенно пополнен Пахомием Сербом в III редакции Жития Сергия. Источником дополнений послужила т. н. Пространная летописная Повесть о Куликовской битве, восходившая к митрополичьему своду 1423 года. В III редакции Жития соответствующий раздел получил иной заголовок: «О побѣдѣ великого князя Дмитриа над безбожнѣа агаряны»⁵¹ и воспринимался уже как рассказ о событиях 1380 года. В начале XVI в. в Сказании о Мамаевом побоище описание свидания Дмитрия Ивановича с Сергием пополнилось красочными подробностями, всё это и стало достоянием исторической науки. Между тем воспроизведённый выше текст самого раннего повествования об этом свидании даёт основание связывать его не с нападением Мамаёв в 1380 г., а с иными событиями.

При великом князе Дмитрии Ивановиче был двумя годами раньше момент, когда ордынский правитель предпринял большой поход «на Русскую землю». Слова «въздвиге всю Орду» в Житии больше соответствуют событиям 1378 г., поскольку в 1380 г. Мамай собрал силы не только Орды, но и её союзников. К тому же в 1380 г. московский князь ожидал нападения со стороны не только Орды, но и Литвы⁵², в беседе же Дмитрия с Сергием упоминается лишь один враг – Мамай.

⁵⁰ Тихонравов Н. С. Ук. соч., отд. 1, с. 59-60.

⁵¹ Российская государственная библиотека, Рукописный отдел, ф. 556, № 92, л. 248.

⁵² Сказания и повести о Куликовской битве. Л. 1982, с. 14, 16, 26 – 28, 50 – 51, 74 – 77; ДДГ, № 10, с. 29; Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. СПб. 1882, стб. 241 (запись от 21 сентября 1380 г. о союзе Литвы и Орды).

В I Пахомиевской редакции Жития Сергей напутствует Дмитрия: «Токмо не малодушьствуи» (в последующих переделках памятника эта фраза снята). Если предположить, что их беседа протекала в канун Куликовской битвы, то такая фраза звучит не вполне уместно. Ведь перед тем Дмитрий Иванович одержал блестящую победу над татарами на р. Воже, и не было веских оснований ожидать от него проявлений душевной слабости. Другое дело 1378 год, когда побед над Мамаем не одерживали, зато было страшное поражение русских полков, в том числе великого князя, на р. Пьяне в 1377 году. Так что, раздумывая, выступать ли против Орды в 1378 г., великий князь мог действительно проявить колебания.

Сама победа, одержанная Дмитрием Ивановичем, решившимся на борьбу с ордынцами после беседы с Сергием, описана в Житии очень лапидарно: «...и побѣдивъ, татары прогна». Между тем в 1380 г. Мамаю на Куликовом поле был нанесён смертельный удар, от которого он так и не смог оправиться. Иное дело – битва на Воже: после поражения и бегства Бегича Орда сохранила свои силы, и через два года Мамай снова бросил их на Русь. Оценка «татары прогна» гораздо лучше соответствует ситуации 1378, чем 1380 года.

Окончательно склоняет отнести встречу Сергия с великим князем к 1378, а не к 1380 г. летописное известие об освящении 1 декабря 1379 г. церкви Успения Богородицы и соответствующего монастыря «на рець на Дубенкѣ на Стромьнѣ», сооружённых «повѣлением князя великого Дмитрия Ивановича»⁵³. Очевидно, что в летописи говорится о том самом монастыре, который князь обязался поставить, если победит Мамай. А поскольку Успенский Дубенский монастырь был освящён 1 декабря 1379 г., то победу Дмитрия Ивановича над

⁵³ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 137 – 138.

татарами и предшествующую ей встречу его с Сергием надо датировать 1378 годом. Правда, в литературе ещё с начала XIX в. существует версия, будто в летописи и в Житии одинаково – Успенский Дубенский монастырь – названы две совершенно разные обители, основанные по просьбе Дмитрия Ивановича Сергием. На этом особенно настаивает в последнее время Н. С. Борисов, впрочем, не пытаясь выяснить, откуда возникла сама мысль о существовании в XIV в. второго Успенского Дубенского – Шавыкинского (в отличие от Стромьинского) монастыря, не упоминаемого в источниках XIV – XV веков.

Если допустить, что Шавыкинский монастырь был возведён по обету Дмитрия Донского после Куликовской победы в 1380 или близком к нему году⁵⁴, то чем тогда объяснить, во-первых, что это произошло уже через год или два после освящения тоже обетного, тоже Успенского и тоже Дубенского монастыря? Во-вторых, как известно, второй (Шавыкинский) монастырь находился на территории, в XIV в. входившей в состав великого княжества Владимирского. Получается, что обетный монастырь поставлен не на отчинной, наследственной земле князя-ктитора, подобно Дубенскому Стромьинскому монастырю, а на приобретённой. Наконец, если Шавыкинский монастырь был основан в честь Куликовской победы, то почему он посвящён Успению богородицы? Ведь разгром Мамаю пришёлся как раз на день её рождения (8 сентября), и в сёлах, возникавших на Куликовом поле, ставились церкви в честь не Успения, а Рождества богородицы, явно напоминавшие о победе 1380

⁵⁴ Борисов Н. С. И свеча бы не угасла..., с. 227 – 228.

года⁵⁵. Все противоречия снимаются при отождествлении монастыря на Дубенке Жития Сергия именно с Дубенским Стромьским монастырём, возведённым в 1378 – 1379 гг. по случаю победы Дмитрия Ивановича на Воже и посвящённым Успению богоматери (русские одержали победу над татарами 11 августа, незадолго до Успеньева дня, т. е. 15 августа). Очевидно, что беседа Сергия с великим князем имела место в 1378 году.

Поскольку сражение с Бегичем произошло вне пределов владений великого князя (как и Куликовская битва), надо думать, что сведения о движении ордынских войск московский князь сумел получить заблаговременно. Косвенно об этом свидетельствует усиленная охрана границ Московского княжества, с чем и пришлось столкнуться Киприану в июне 1378 года⁵⁶. Видимо, о движении туменов Бегича в Москве стало известно месяца за полтора до битвы. Тогда встреча великого князя со своим духовником должна была состояться в 20-х числах июня – начале июля 1378 г., т. е. примерно в то время, когда Сергей получил полное упрёков Послание Киприана. Поездка великого князя в конце июня – начале июля 1378 г. в Троицу означала, возможно, не столько желание посоветоваться с духовным наставником о делах военных, сколько демонстрацию благорасположения к колеблющемуся в делах церковных влиятельному игумену. В результате Сергей так и не внял советам Киприана обличить Дмитрия, арестовавшего митрополита Киприана,

⁵⁵ В частности, сохранившееся до настоящего времени с. Монастырщина имело второе название – Рождественское по стоявшей там церкви (Нечаев С. Д. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища. – Вестник Европы, 1821, № 14, с. 126, 128).

⁵⁶ Жалуясь на действия великого князя, Киприан писал Сергию и Фёдору: «Он послы ваша (т.е. московские. – В. К.) разослал мене не пропустити, и ещё заставил заставы, рати сбивь и воеводы поставивъ» (РИБ. Т. 6. Изд. 2-е, стб. 173 – 174). Несомненно, что заставы, рати и воеводы были выставлены для отражения противника более опасного, чем Киприан с его свитой.

и доверительные отношения между духовником и великим князем были сохранены. Во всяком случае, поручительство Сергия за Дионисия Суздальского весной – летом 1379 г. было воспринято Дмитрием Ивановичем с полным доверием.

После бегства Дионисия отношения между духовным сыном и его духовным отцом оказались нарушенными. Не случайно в рассказе об основании Дубенского монастыря в Житии указывается, что Сергий и Дмитрий «основаста церковь», т. е. при закладке обетного храма великий князь присутствовал, это было, видимо, в 1378 г., а когда церковь построили, Сергий один, уже без участия Дмитрия, поставил туда игумена. И при освящении 1 декабря 1379 г. Успенской церкви в новом Дубенском монастыре великого князя, судя по летописи, не было: охлаждение между ним и троицким игуменом продолжалось. Оно длилось несколько лет, и только в 1385 г. прежние отношения были восстановлены.

За 1380 – 1385 гг. сведений о деятельности Сергия почти нет. Летопись отмечает только, что в конце мая – июне 1381 г. Сергий вместе с митрополитом Киприаном крестил родившегося в семье обладателя Радонежа князя Владимира Андреевича сына Ивана. Однако появившихся на свет в 1379 г. и 1382 г. сыновей великого князя Дмитрия Ивановича (Семёна и Андрея) Сергий не крестил⁵⁷. В конце августа 1382 г., когда Москва и Переяславль-Залесский подверглись нападению Тохтамышша, Сергий укрылся в Твери, где переждал ордынскую грозу бежавший из Москвы митрополит Киприан⁵⁸, но не последовал за великим князем, спасавшимся в Костроме.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 142, 137, 143.

⁵⁸ Там же, стб. 143, 147; т. 6. СПб. 1853, с. 122.

Крещение в 1381 г. вместе с Киприаном сына Владимира Андреевича и отъезд в следующем году вместе с митрополитом в Тверь показывают, что Сергей по-прежнему держал сторону главы русской церкви, а не великого князя. Дмитрий Донской, примирившийся было с Киприаном, вызвавший его из Киева в Москву в мае 1381 г., уже осенью 1382 г. выслал его обратно⁵⁹. Гнев Дмитрия Ивановича имеет своё объяснение. Взяв Москву 26 августа 1382 г., Тохтамыш через «не много дней», примерно в первой декаде сентября, оставил её. Киприан же, находившийся в Твери, в Москву всё не ехал. Только тогда, когда Дмитрий Донской послал к нему своих бояр, митрополит собрался в дорогу, выехал из Твери 3 октября и 7 был в Москве. Но когда он ещё находился в Твери, тверской князь Михаил Александрович, в течение многих лет враждовавший с Дмитрием Московским, отправился в Орду к Тохтамышу, «ища великаго княжения»⁶⁰. Такой шаг едва ли мог быть предпринят без ведома митрополита. Киприан же, натерпевшийся в 1378 г. от московского князя, не был против того, чтобы владимирский стол занял тверской князь, к тому же родственник великих литовских князей, властвовавших над населением западных епархий Русской митрополии. Задерживаясь в Твери, митрополит, судя по всему, дожидался там возвращения Михаила Александровича от Тохтамыша, что и побудило Дмитрия Ивановича вновь выслать его из Москвы и окончательно порвать с ним всякие отношения.

⁵⁹ Там же. Т. 15, вып. 1, стб. 131, 142, 147. Причина очередной их размолвки, как правило, усматривается в том, что Киприан «не седълъ въ осадѣ на Москвѣ» во время нашествия Тохтамыша. Однако такое объяснение появляется лишь под пером сводчиков 60-х годов XV в. (ср. подобную фразу: ПСРЛ. Т. 23. СПб. 1910, с. 129) и не отвечает обстоятельствам: в осаде не сидел ни сам великий князь, ни его двоюродный брат Владимир Серпуховской.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 147; НПЛ, с. 379.

Естественно, великий князь не мог благоволить людям, близким Киприану. И размолвка Дмитрия Ивановича со своим духовником продолжалась. Лишь в 1385 г. Дмитрий Донской, переживший не только тяжёлую драму захвата в 1382 г. Москвы и других русских городов Тохтамышем, но и серьёзные неудачи в своей церковной политике (после безуспешных попыток провести своего кандидата на митрополию всея Руси великому князю пришлось иметь дело, по сути, с самозванным главой русской церкви митрополитом Пименом), сумел, наконец, примириться с постоянством Сергия и вновь приблизил его к себе. 29 июня 1385 г. у Дмитрия Донского родился сын Пётр, «и крести его Сергии игумень, преподобный старец»⁶¹.

В самом конце 1385 г. Сергий отправился к рязанскому князю Олегу Ивановичу. Это была дипломатическая миссия, положившая начало совершенно новому периоду в московско-рязанских отношениях. С 1382 г., когда Олег нарушил заключённый с Дмитрием Донским договор 1381 г. о союзе против татар и помог Тохтамышу, отношения Москвы с Рязанью резко обострились. Осенью 1382 г. Дмитрий послал свою рать на Рязань и сжёг её; Олег, выждав удобный момент, в свою очередь весной 1385 г. захватил и разграбил отчинный город великого князя Коломну. Но летом 1385 г. тот, «собравъ воя многы», отправил их на Рязань. Поход оказался безуспешным.

В том же 1385 г. разразился конфликт с новгородским владыкой Алексеем из-за назначения в Москве епископом в Пермь Стефана Храпа, что было воспринято новгородцами как попытка отторгнуть от них Пермь; назревала война с Новгородом. В этих обстоятельствах и

⁶¹ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 150.

отправился в декабре 1385 г. Сергей к рязанскому князю Олегу⁶². В жизни троицкого игумена это был единственный случай, когда ему пришлось исполнять светское дипломатическое поручение. Как правило, они давались боярам. Сергей справился со своей миссией вполне успешно. В результате длительных переговоров с Олегом тот «преложи сверѣпство своё на кротость» и заключил с великим князем «мир вѣчныи». После этого Рязань уже никогда не воевала с Москвой.

Хотя последующие известия о Сергии в источниках редки и лапидарны, на их основании можно судить о продолжавшемся участии его в политических событиях своего времени. В мае 1389 г. он в качестве духовного отца великого князя Дмитрия Ивановича присутствовал при составлении его завещания, внёсшего существенные изменения в порядок престолонаследия и раздела между преемниками подвластных московскому великому князю владений. Сергей был и на похоронах Дмитрия Донского⁶³.

Его он пережил на три года. За это время уже нет фактов участия Сергия в общественной жизни. Епифаний рассказывает о длительной болезни, предчувствии смерти, отказе от игуменства и поставлении вместо себя Никона. Последнее подтверждается одним документом Троице-Сергиева монастыря⁶⁴. В IV Пахомиевской редакции Жития сообщается, что поставление Никона имело место за 6 месяцев до кончины Сергия. Если так, то Никон стал игуменом в марте 1392 г., болезнь же Сергия началась ещё раньше. В летописи сохранилось

⁶² Известие о поездке Сергия в Рязань отнесено в летописи к Филиппову говению, но поскольку предшествует этому известию сообщение, датированное 26 ноября, а за ним следует сообщение о солнечном затмении 1 января 1386 г., ясно, что переговоры Сергия с Олегом имели место в декабре 1385 г. (там же, стб. 151).

⁶³ Там же, стб. 156; ДДГ, № 12, с. 35.

⁶⁴ АСВР. Т. 1, № 3, с. 27.

свидетельство о длительном недомогании Сергия, случившемся ещё в 1375 году. Он тяжело захворал «в великое говѣние» и поправился только «къ Семёнову дни»⁶⁵, то есть болел с марта по август. Тот же срок болезни повторился в 1392 году. Только на сей раз болезнь оказалась смертельной, и 25 сентября 1392 г. Сергий скончался. Автор краткого летописного некролога, само помещение которого в историческом памятнике показательно, свидетельствует, что Сергий «всѣми челоуѣкы любимъ бысть честнаго ради житиа его»⁶⁶.

К сожалению, многие черты характера и поведения Сергия, видные его современникам, оказываются скрытыми для людей последующих поколений. Самым крупным итогом деятельности троицкого игумена было создание и развитие нового для русских земель XIV в. типа монастырей – общежительных, которые в своей повседневной жизни менее зависели от подаяний и вкладов и опирались на собственную хозяйственную деятельность. Само введение Сергием общежительства в Троицком монастыре было, как теперь выясняется, делом нелёгким и довольно поздним. Сергию понадобилась почти четверть века, чтобы убедиться в органических недостатках особножительного устройства и перейти к иной форме монастырской организации. В следовании общежительным канонам он не был первым даже в Московском княжестве. Начало было положено архимандритом московского Высокопетровского монастыря Иваном, который, по словам летописи, «бысть пръвьи общему житию начальник на Москвѣ»⁶⁷. Но в отличие от других Сергий твёрдо и строго следовал в своей обители нормам

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 15, вып. 1, стб. 109.

⁶⁶ Там же, стб. 163.

⁶⁷ Там же, стб. 129.

общежительства, и это в конце концов привело к созданию богатой и процветающей монашеской корпорации.

Иван Грозный, выражая представления своего времени, утверждал, что «велицны светилницы, Сергие, и Кирил, и Варлам, Димитрей и Пафнотей, и мнози преподобнии в Рустей земли уставили уставы иноческому житию крепостныя»⁶⁸. Введение в монастырях таких «крепких уставов» не было быстрым и повсеместным, как иногда представляется в очерках о Сергии Радонежском, будто бы вызвавшем к жизни громадное число общежительных монастырей. На самом деле Сергей основал кроме Троицкого ещё лишь Благовещенский Киржачский монастырь. Но он участвовал в организации основанных великим князем Дмитрием Ивановичем Успенского Дубенского Стромьинского и Симонова монастырей, удельным московским князем Владимиром Андреевичем – Высоцкого монастыря близ Серпухова, митрополитом Алексеем – подмосковного Спасо-Андроньева монастыря⁶⁹. Позднейшие предания приписывают Сергию создание Голутвинского монастыря близ Коломны, Борисоглебского на р. Устье близ Ростова, Георгиевской пустыни в Гороховце⁷⁰, однако достоверность этих преданий не подкрепляется более ранними свидетельствами. С именем Сергия косвенно связывается строительство Савво-Сторожевского, Воскресенского Обнорского, Павлово-Обнорского, Спасского Нуромского, Авраамиева Чухломского, Предтеченского Железнодорожного, Серпуховско-Боровского и Пешношского монастырей, которые были основаны, по свидетельствам агиографических сочинений XVI в.,

⁶⁸ Послания Ивана Грозного. М.- Л. 1951, с. 172.

⁶⁹ Тихонравов Н. С. Ук. соч., отд. 1, с. 62-63.

⁷⁰ Голубинский Е. Е. Ук. соч., с. 77-79.

учениками Сергия. Хотя далеко не все эти сочинения исторически точны, сам факт основания учениками Сергия монастырей нового типа не вызывает сомнений.

В своё время В. О. Ключевский старался увидеть за этим ростом монастырей, возведённых Сергием и его учениками, тягу к хозяйственному освоению новых, преимущественно заволжских, земель и писал о крупном значении монастырской колонизации⁷¹. Более детальное рассмотрение материалов показало, что монастыри возникали не в глухих, а в уже довольно обжитых местах⁷². Однако не отмеченным до сих пор оказывается факт основания всех этих монастырей в пределах владений князей московской династии. Это территория или собственно Московского княжества (Савво-Сторожевский, Серпуховско-Боровский монастыри), или присоединённые в 60-х годах XIV в. к Москве территории Дмитрова, Галича, а также входившей в состав великого княжества Владимирского Костромы. Налицо, таким образом, стремление закрепить за Москвой окраинные земли с помощью организуемых там монастырей. И в этой связи основанный Сергием Троицкий монастырь приобрёл значение центра, где воспитывались будущие руководители монастырского общежития.

Думается, не случайно и преобразования внутри Троицкой обители, и строительство новых монастырей во владениях Калитовичей приходится на то время, когда Сергей стал духовником московского великого князя. Светская власть поддерживала церковную в ряде её начинаний, регулировала отношения внутри

⁷¹ Ключевский В. О. Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства. В кн.: Русский архив. М. 1990, с. 82-83.

⁷² Будовниц И. У. Ук. соч., с. 152-153, 145, 142, 144, 150-152, 153-154.

церкви, стремилась использовать её в своих интересах. Всё это было возможно до известных пределов. В отношениях Сергия с властями предрезающими эти пределы обозначаются достаточно чётко. Выясняется, что троицкий игумен меньше вмешивался в чисто светские дела, чем ему обычно приписывается. Вместе с тем выявляется и другое: постоянное и твёрдое отстаивание Сергием целостности церковной организации всех восточнославянских земель, защита единства Русской митрополии. Важно было сохранить такую структуру православия, которая обеспечивала бы известную степень независимости церкви в тех коллизиях, которые возникали между светскими государями, втягивая в свой водоворот христианское население Восточной Европы. Такая позиция Сергия разделялась далеко не всеми русскими церковными иерархами, но и не считаться с нею в XIV в. было нельзя, она делала политику князей по отношению друг к другу и к митрополии более сдержанной и более ответственной.

Редкое сочетание в Сергии Радонежском таких качеств, как знатность происхождения, нестяжательство, исполнение им самим самой чёрной работы, привлекали к нему людей из разных слоёв тогдашнего общества. Но строгое следование его своим принципам, сплачивая вокруг него одних, отталкивало других. Поэтому восприятие его современниками было, видимо, различным. У Сергия были сложные отношения с великим князем Дмитрием Ивановичем, с кандидатом в русские митрополиты Михаилом-Митяем, наверное, с суздальским епископом Дионисием, со многими монахами Троицкого монастыря. Видимо, поэтому написание Жития и причтение Сергия к лику святых произошло спустя несколько десятилетий после его

смерти. И по мере того, как рос и ширился Троицкий монастырь, крепла и слава его основателя.

ПЕТРОВА.Е.
СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Сегодня не подлежит сомнению, что XIV столетие в русской истории, а особенно его идейный контекст, не поддаётся пониманию без фигуры Сергия Радонежского. В этом убеждает масса специальной и публицистической литературы, посвящённой жизненному пути троицкого игумена, неоднократные обращения к образу Сергия выдающихся литераторов, художников, скульпторов. Можно сказать, что житийный, своего рода канонический облик «игумена земли Русской» прочно отложился в общественном сознании.

Любая канонизация несёт в себе опасность умерщвления живого образа – превращения его в некое истукана, напоминающего собой хорошо известный из учебников «Збручский идол о четырёх личинах»: зайдя с одной стороны – и явится одно божество, заглянешь с другой – другое... Такая участь, к сожалению, не миновала Сергия.

Неоднозначность, а зачастую и противоречивость поступков и помыслов живого Сергия, будучи заморожена рамками стереотипов массового сознания, практически без всяких попыток разобраться в этих противоречиях позволила привлекать канонизированный авторитет старца к своим построениям практически любому историку, писателю, политику. У одних это вполне осознанная и самодостаточная эстетическая установка, у других – популистское притягивание за уши вроде того, что «С нами Сергий Радонежский!» –

и далее по списку. Такое перечисление может включать в себя кого угодно и завершаться кем угодно.

Иногда фальшь в приписывании «знамени Преподобного Сергия» к своему полку чувствуется сразу, чаще же она завуалирована. Скажем, мы почти всегда встречаем согласным покачиванием головы упоминание какого-нибудь авторитета о том, что, «как известно» (эта оговорка обязательна), Сергей с благословения константинопольского патриарха Филофея явился родоначальником общежитийных монастырей на Руси, наши головы продолжают согласно покачиваться в такт рассуждениям известного учёного Г. М. Прохорова о том, что Сергей, наряду с тем же Филофеем, митрополитом Киприаном, Дионисием Суздальским и Фёдором Симоновским возглавлял партию монахов-исихастов, ратующих за сохранение единой митрополии Всея Руси и, в конечном счёте, подготовивших взлёт национального самосознания в русских землях в конце XIV века. Именно эта сплочённая группа должна быть увенчана лаврами главных вдохновителей Куликовской победы над узурпатором Мамаем.

И только лишь когда учитель Г. М. Прохорова – Л. Н. Гумилёв завершает цепочку рассуждений ошеломляющим выводом о том, что, оказывается, весь этот «подъём», всё «вдохновительство» было направлено не против ордынского ига (которого и вовсе не было), а лишь против незаконно захватившего бразды правления в Орде «западника»-латинянина Мамаю, некоторые (далеко не все) замирают в оцепенении.

Возникают вопросы, которые, впрочем, лихо разрешает «последний евразиец», «основатель теории пассионарности», «певец степной симфонии» и прочая, прочая... Оказывается, все силы и помыслы русских людей в XIV столетии были направлены на

решение одной важнейшей проблемы: как бы покрепче привязать к себе ордынское ярмо. Руси пришлось пойти на многие жертвы и даже (!) вступить на «скользкий» путь объединения, чтобы только избежать католического «крыжа». Лишь когда дальний потомок Чингисхана Тохтамыш добил обескровленного в сражениях с Дмитрием Московским Мамай и соединил под своею рукою всю Орду, взволнованные проблемой легитимности верховной власти в Сарае монашествующие пассионарии (среди которых Сергей Радонежский являлся, пожалуй, наиболее «заряженным») несколько успокоились.

Дополнительные вопросы уже не представляют никакой сложности для Льва Николаевича и его учеников. Скажем, погром, учинённый Тохтамышем в столице его «союзника» Дмитрия Донского в 1382 году, он объясняет тем, что простодушного сибиряка (Тохтамыша) ввели в заблуждение сами же хитроумные и коварные русские князья. Вы скажете, что, даже придя с войском под стены Москвы, можно было решить дело миром, тем более со своим союзником? И на это готов ответ – во-первых, сам Дмитрий находился в отъезде, во-вторых, уж больно непристойно вели себя на стенах города находящиеся в нетрезвом виде москвичи. В качестве урока хороших манер татары перерезали свыше 20 тысяч человек и ещё многих увели «учиться поведению» с собой в Орду, в рабство. Но наши монахи-пассионарии не имели к этому недоразумению отношения – все они в это время берегли заряды своей пассионарности для будущих баталий с латинянами по тихим обителям и в противостоящей Москве Твери.

Приведённое здесь в несколько утрированном виде гумилёвское построение лишь одно из многих (хотя, не скрою, наиболее яркое), использующих в качестве центральной фигуру Сергея Радонежского.

Поэтому нам важно осознать, кем в действительности был игумен для своего времени.

Явно бросаются в глаза несколько очевидных противоречий, связанных с личностью Сергия. Он, как известно, не был ни князем, ни полководцем, ни крупным государственным деятелем. Игумен не оставил после себя никаких собственных сочинений. Однако был прославлен уже при жизни и удостоился двенадцати летописных упоминаний, из которых мы можем узнать не только об основных деяниях Сергия, событиях в его обители и его смерти, но и о таких вещах, как болезнь троицкого игумена. Подобных подробностей летописцы не сообщают о многих весьма значительных фигурах русской истории. А уже спустя 30 лет после своей смерти и 100 лет после рождения Сергий был официально канонизирован церковью.

Вопреки распространённому мнению, целый ряд недавних исследований убедительно показывают, что Сергий не был первым в Северо-Восточной Руси основателем общежитийных монастырей. И тем не менее считается таковым.

У игумена были отнюдь не простые отношения с братией внутри монастыря и с высшей церковной иерархией вне его. В памяти же потомков он навсегда остался «игуменом земли Русской», при жизни выступал одним из претендентов на митрополичий престол после смерти Алексея и стал ярчайшим символом Русской Православной Церкви впоследствии. Достаточно упомянуть, что одной из почётнейших наград Московской патриархии в наши дни является орден Сергия Радонежского.

Не удаётся отыскать идиллию и в отношениях Сергия со светскими властями вообще и с Дмитрием Донским в частности. В

разные периоды их контакты были окрашены в различные тона. Неоднократно на протяжении их знакомства позиции игумена и князя располагались на разных политических полюсах, что, однако, не помешало Сергию стать духовником Дмитрия Ивановича, оставаться им вплоть до смерти московского князя, крестить его детей, а впоследствии быть вознесённым на пьедестал в виде общенационального и общегосударственного символа.

Сколько-нибудь адекватное понимание деятельности Сергия требует если не полного ответа, то хотя бы детального анализа этого длинного ряда противоречий.

Согласно данным Жития, Сергей Радонежский прожил достаточно длинную жизнь. Семьдесят лет в век чумы, голодных лет и татарщины – это очень большой срок. Так случилось, что детство и юность Варфоломея (так нарекли отрока в семье ростовского боярина Кирилла Андреевича) пришлись на одну эпоху в русской истории, а зрелость и старость игумена Сергия – уже совершенно на иную.

Детские воспоминания основателя Троицкого монастыря, бережно собранные Епифанием частью со слов самого игумена, частью от его первых сотруженников (кстати, многие из которых, так же как и Сергей, происходили родом из ростовских пределов) и занесённые прилежным иноком в памятные книжицы, доносят до нас мрачный колорит послебатыевской Руси. Руси, где годы рождения и другие знаменательные даты отсчитывали от татарских ратей: «егда бысть рать Ахмулова...»; «егда великая рать татарскаяа, Глаголемая Федорчукова Туралькова. Егда по ней за год един...»¹. Руси, где

¹ Ахмылова рать пришлась на 1322 год – год рождения Сергия. Житие достаточно уверенно связывает рождение Варфоломея с этим татарским походом. Однако даже в

наезд ханских послов мог обернуться полным разорением богатого семейства, а регулярные выплаты ордынских даней, настойчиво взимавшихся своими же русскими князьями и их наместниками, поддерживали стабильно низкий уровень жизни всего населения.

Зыбкость дня настоящего и неуверенность в дне завтрашнем отражались не только на экономическом благосостоянии и резком падении численности населения, но и порождали в общественном сознании горькое разочарование в прежних ценностях и жизненных идеалах. При таких обстоятельствах вряд ли случайным выглядит выбор Варфоломеем, как, впрочем, и его старшим братом Стефаном, будущей стези. Не они одни в десятилетия неуверенности и подавленности стремились найти успокоение в обращении к религиозному опыту.

Но и здесь всё обстояло не столь благополучно, как хотелось бы многим сегодняшним ревнителям истинного православия. Политика Орды в отношении церкви на покорённых землях регулировалась чёткими предписаниями Ясы Чингисхана. Согласно священным законам грозного завоевателя, церковные организации и служители всех религий, вошедшие в состав громадной империи, освобождались от всех повинностей. В обмен на такую лояльность со стороны верховной власти служители каждой религии брали на себя обязательство молиться за здоровье и благополучие монгольских правителей.

Такая политика завоевателей на Руси зачастую приводила к тому, что, спасаясь от поборов и тягот ига, в лоно церкви устремлялись

новейшей литературе ещё встречаются указания на 1314 (и даже 1313-й), появившиеся из-за ошибки поздних переписчиков, написавших вместо 70 (лет жизни) – 78. Под Федорчуковой Туралыковой ратью имеется в виду карательный поход на Тверь в 1327 году.

весьма случайные люди, очень далёкие от истинного служения Богу. Острейшими проблемами русской церкви того времени была малая грамотность приходского духовенства, раздутость штата церковнослужителей (пономари, дьячки, служки) и, пожалуй, главная из них – симония.

Проблема симонии – мзды иерарху при поставлении в церковную должность уже поднималась в очерках о митрополитах Петре и Алексии. С ней сталкивался буквально каждый кандидат на ту или иную духовную вакансию. Но ведь иначе и быть не могло. Как известно: рыбу чистят с хвоста, но гниёт-то она с головы. Не только русские летописи, но и Акты Константинопольской патриархии недвусмысленно указывают на процветающее в Св. Синоде взяточничество и вымогательство. Любую поездку в Царьград главы Русской церкви предваряла малоприятная процедура взимания поборов с собственных приходов. Автор Жития Сергия Епифаний в другом своём агиографическом сочинении о Стефане Пермском отметил как удивительный и даже вопиющий (!) факт – поставление святого в епископы безо всякой мзды, ради святости его и благочестия, а также из-за того, что с основателя новой епархии ещё попросту нечего было взять.

Хорошо известно, что туда, где крутятся большие деньги, быстро устремляются люди особого сорта – любители погреть руки на плодах чужого труда. Наличие таких людей не способствовало увеличению авторитета церковной иерархии. Но, нужно признать, что не они в конечном итоге определяли роль и значение церкви ни в ту эпоху, ни в нынешнее время.

Существовала и обратная сторона реакции общества на бедствия: не уход из несовершенного мира, а поиск выхода из

сложившейся ситуации – разработка новых ценностей и жизненных идеалов. Необходимо отметить, что здесь ведущая роль принадлежала всё же светским деятелям. Очевидной заслугой московских князей стали несколько десятилетий передышки от ордынских набегов. Эти годы спокойствия были куплены дорогой ценой: рабство, унижения в Орде, непрекращающиеся поборы с населения, зато в итоге – почти три поколения русских людей выросли, не ведая истинного ужаса ордынского нашествия. За годы «Великой тишины» сами угнетатели основательно погрязли во внутренних проблемах и к началу 60-х годов XIV столетия оказались на пороге развала.

На Руси же всё более явственно стали ощущаться изменения общественного, политического и морального климата. Налаживаются хозяйственные связи, растут и крепнут города, постепенно прекращается центробежный процесс в русских землях, напротив, нарастают процессы консолидации внутри удельных княжений, повсюду возрождаются общины, и на смену пагубной разделённости общества приходят идеалы, связанные с общинным бытом, глубоко затронувшие сферу общественной морали. В единичных пока шедеврах, созданных руками артелей строителей, художников и мастерскими книгописцев, угадывается очень близкий взлёт культуры.

За всеми этими процессами прямо или опосредованно возвышалась могучая фигура митрополита Алексия. Казалось бы, тут наблюдается очевидное противоречие между утверждением о ведущей роли светских властей в процессе восстановления и культурного обновления русских земель и реальным духовным саном Алексия. Думается всё же, что более углублённый взгляд на деятельность митрополита (даже безотносительно от его боярского

происхождения) убеждает в том, что перед нами вырисовывается образ не столько пастыря духовного, сколько выдающегося государственного деятеля, посветившего свою жизнь, опыт, силы в первую очередь интересам государства. Анализ его свершений, поступков и помыслов обнаруживает в Алексии явное преобладание логики политика, нежели наставника-иерарха.

С возрастанием значения верховного властителя-князя в русских землях всё более актуальной становилась проблема церкви как морального ограничителя вседозволенности светских властей. Нужны были истинные подвижники, способные в случае нужды поднять свой голос наперекор мнению зарвавшегося государя, пастыри, чей нравственный авторитет заставил бы прислушаться к ним и власть и общество.

Может быть, митрополит и сам это отчётливо сознавал и именно поэтому, будучи непрестанно занят делами мирскими (в то время почти не отделимыми от дел святительских), настойчиво искал в собственной «епархии» – Русской церкви личность, способную стать настоящим подвижником и пророком, а найдя таковую в Сергии Радонежском, уже не оставлял игумена без своего внимания, опеки и помощи.

Наш основной источник о жизни Сергия – его Житие – памятник настолько сложный, насколько и интересный. Дело в том, что автор Жития инок Троицкого монастыря (а по некоторым сведениям и духовный отец братии) Епифаний Премудрый в течение двадцати лет после смерти Сергия собирал материалы о его жизни и лишь к 1418 году решился оформить свои разрозненные записи в единый текст. Эта первоначальная Епифаниевская редакция Жития Сергия до нас не дошла. Часть её сохранилась в более поздних обработках, сделанных в

середине XV века Пахомием Сербом. Существует пять так называемых «пахомиевских» редакций. Интересно, что наиболее полно первоначальный епифаниевский текст сохранился в поздних редакциях, дошедших до нас в рукописях XVI столетия. На сегодняшний день считается признанным авторство Епифания для Вступления, Похвального слова Сергию, которым обычно завершается Житие, и первых десяти из 30 условных глав самого жизнеописания, повествующих о рождении, детстве святого, начальном периоде его монашеской жизни и устройении Троицкого монастыря.

Существенным фактом является то, что наибольшей переделке подверглась именно та часть биографии Сергия, которая повествует о времени активного действия игумена на общественно-политическом и церковном поприще. Тем не менее необходимо отметить, что Пахомий, переделывая епифаниевский текст, возможно, смещая те или иные акценты в угоду сложившимся идеологическим обстоятельствам, всё же пользовался епифаниевским текстом в качестве основы и епифаниевскими же материалами для расширения фактических сведений о жизни святого. На это отчасти указывает запись на одном из списков Жития: «Прежде списано бысть от духовника мудрейшаго Епифания, послежде переписано бысть от священноинока Пахомиа Святыя Горы».

Житийный текст, в том виде, в каком он сохранился до нашего времени, обладает весьма важной, на наш взгляд, особенностью: епифаниевские главы существенно пространнее и подробнее пахомиевских. Другая, не менее важная исходная посылка автора Жития в хронологическом построении биографии святого, о чём он, к слову, извещает своих читателей в самом начале произведения,

предупреждая, что излагает события «не по ряду – передняя назад, а задняя наперед». Для Епифания это не случайность или небрежность – это осознанный подход к трактовке образа Сергия. Тем самым агиограф подчёркивает вневременное значение подвижничества игумена, невозможность хронологической привязки нравственного ориентира, того житейского идеала, который дал миру Сергий. Именно в этом идеале и есть главное деяние и значение Сергия.

В чём же суть этого идеала? Пожалуй, можно было бы описать его тремя словами: общежитие, труд, нестяжание. Но эти три понятия столь ёмки и многозначительны (кстати, их значимость и неоднозначность распространяется не только на эпоху Куликовской битвы, но вполне сохраняет свою актуальность и в наши дни), что всякий раз требуют объяснений, уточнений.

Сергиевское общежитие не есть простое следование распространённому в то время в Византии общежитийному Студитскому монастырскому уставу. В Сергиевском общежитии заложена сила и деятельное начало лозунга объединения – единства для осуществления общей – общезначимой задачи, нашедшая зримое воплощение в культе Троицы: «Чтобы постоянным взиранием на него побеждать страх пред ненавистною раздельностью мира». Не случайно культ Троицы очень быстро приобрёл общегосударственное звучание и стал воплощением не только «прототипа и центра культурного объединения Руси», как справедливо отметил П. А. Флоренский, но и вполне зримой, насущной и назревшей политической задачей единения русских земель.

Можно смело утверждать, что нигде, кроме как на Руси, троичный культ, строительство троичных храмов не приобрело такого размаха. Конечно, и это не случайно. Культ Троицы на Руси уходит

своими корнями в глубокую традицию. Этот праздник столь тесно связывает между собой Русь языческую и Русь Святую, что уже теперь стало почти невозможно (да и нужно ли?) отделить одну от другой. Троица – это начало лета, это берёзовые веточки в храмах, это свежие летние запахи в полях и первые плоды леса. Это природный оптимизм, передающий людям свою жизненную силу и энергию.

Троица в русском православии – это праздник пасхального цикла, совпадающий с приходящей вслед за 7-й неделей по Пасхе Пятидесятницей, или Днём Сошествия Св. Духа на апостолов. Именно от этого дня в церковном календаре ведётся отсчёт богослужебных недель до нового Великого поста. Сколько символизма и значения в этом воскресном дне сосредоточено для любого христианина!

Но, скажем, в современной Сергию Византии такого почитания Троицы не знали. У греков на первом плане всегда стояла именно Пятидесятница. Не знала Византия ни троичных храмов, ни столь глубокой символически наполненной трактовки образа Троицы, которую представил один из последних учеников Сергия Андрей Рублёв. В изображении греческих иконописцев – это довольно заурядная иллюстрация ветхозаветного рассказа-притчи о явлении Аврааму трёх ангелов, в которых лишь отдалённо угадывается Единый Бог. На Руси до XIV столетия культ Троицы тоже находился в тени глубоко традиционного почитания Богоматери и Софии (которая, в отличие от прочих земель, здесь приобрела глубоко женские черты, по сути подменяя богословски сложный и мистически тонкий образ Премудрости Господа доходящим до сердца каждого, даже самого неграмотного, верующего женским культом, выливаясь в реальности почти что в одну из разновидностей почитания Богородицы).

После Сергия мы видим нечто принципиально иное. Вслед за появлением иконы, написанной Андреем Рублёвым специально для каменного храма, воздвигнутого в Троице-Сергиевой обители попечением крестника Сергия князя Юрия Дмитриевича Галицкого, Троицкие монастыри, храмы и соборы возводятся один за другим, наполняя своей символикой территории Северо-Восточной Руси. Почти везде культ Троицы идёт рука об руку с культом Сергия Радонежского и православных князей, пострадавших за веру предков и прародителей государей московского княжеского дома. Зачастую приделы Троицких храмов освящают в честь Сергия или же какого-нибудь святого традиционного княжеского круга.

Идея Троицы у Сергия – это не только движущая сила общественного строительства на основе единения – единства. Это и простота в обращении к традиционным формам общежития. Казалось бы, где ещё, как не на Руси с её глубокими общинными корнями, цвести пышным цветом монашескому общежитию? На деле же в древнерусской церковной практике всё обстояло иначе.

В православном монашестве различают три формы монашеского жития: общежитие, особное житие и отходничество. Общее житие как высшая форма монашеской организации предполагало наличие монастырской общины с коллективным имуществом, общим хозяйством, одинаковой для всех пищей и одеждой и участием каждого монаха во внутримонастырских службах и работах. Отходничеству посвящали себя монахи, стремившиеся к полному уединению от мира, молчанию, посту и молитве. Особножитие являлось самой распространённой в Древней Руси формой монашеской организации. Такие монастыри не были общинами-братствами, как общежитийные обители. Скорее, это некое

товарищество монахов (каждый из которых вёл собственное хозяйство), объединённых территориальным соседством, общим храмом, а нередко и общим духовником. Такие монастыри в основном существовали на средства ктиторов – бояр или князей и служили им местами отдохновения от трудов, ведения душеспасительных бесед, а то и просто загородными или же пригородными резиденциями. Собственно это обстоятельство и обусловило тесную связь подобных обителей с городами: все они находились либо в черте города, либо в ближайшей округе.

Довольно скудные известия о раннем русском монашестве позволяют говорить лишь о двух монастырях как об общежитийных – это Киево-Печерский и новгородский Антониев монастырь. С началом программы митрополита Алексия, направленной на создание общежитийных монастырей, получившей в литературе наименование «монастырской реформы», количество обителей в землях великого Владимирского княжения резко увеличивается. Происходит реорганизация старых и создание новых монастырей на основе общежитийных уставов. Появляются «начальники общему житию». Среди них и сам глава-координатор реформы митрополит Алексей, основавший в 1365 году в Кремле общежитийный Чудов монастырь, и Иван Высокопетровский, введший общежитие в московском Петровском монастыре, и Дионисий Суздальский, и Дмитрий Прилуцкий.

Складывается такое впечатление, что житийная литература именует «начальниками общему житию» любого игумена, преобразовавшего или основавшего монастырь по правилам общежития. По замыслу Алексия монастырская реформа должна была стать символом возрождения общинных идеалов и одновременно

попыткой поставить церковь в пример мирскому обществу. Это был очень своевременный и дальновидный шаг, сделанный в эпоху, когда союз князей становился политической силой, а община – средством выживания в хозяйственной жизни русских земель.

Одним из «начальников общему житию» стал и радонежский игумен. Но вовсе не случайно именно его почитают в качестве символа этого движения. Троицкий монастырь был, пожалуй, первым из общежитийных, основанный в пустыне (в отдалении от городских стен), и это во многом определило дальнейшее направление монастырской колонизации. А ученики Сергия положили начало многим новым обителям на Северо-Востоке Руси.

Суть Троицкого устава была внешне не сложна и заключалась в следующем: все монахи разделялись по службам: келарь – глава, так сказать, хозяйственного ведомства и хранитель общих монастырских запасов, повар, хлебники, братья, ухаживающие за больными, путниками и нередкими гостями монастыря. Для всех иноков вводилось правило: «Никому же ничто же не дръжати отнудь, ни мало, ни много, ни своим звати, но вся обща имети». Епифаний описал всё коротко и просто. Но не так просто проходило становление этого весьма лаконичного и чёткого правила.

Путь Сергия к установлению монашеского общежития прошёл несколько этапов. Надо сказать, что борьба Радонежского настоятеля за общежитийный устав – это, пожалуй, самая драматическая линия его Жития. Имелись и другие альтернативы, следуя которым старец вряд ли потом именовался бы «начальником общему житию». Такова была реальность XIV столетия. Епифаниевское повествование среди множества учеников и сподвижников Сергия особо выделяет троих: Исаакия, родного брата игумена – Стефана и его сына Ивана-Фёдора,

будущего настоятеля Симоновского монастыря под Москвой, а впоследствии архиепископа ростовского. Эти три фигуры как бы олицетворяли собой три возможных альтернативы развития монашеского устройства Троицкого монастыря. В конце концов Исаакий получил благословение игумена на подвиг отшельничества и молчания и покинул стены обители.

Особо следует сказать о старшем брате Сергия Стефане, который был старше своего брата не только возрастом, но и раньше его достиг определённой известности и влияния. Его фигура в Житии Сергия олицетворяет собой особножитийную традицию монашества, столь укоренившуюся в русских землях, и связанные с этой традицией идеалы и ценности. Для лучшего понимания роли Стефана необходимо вернуться ко времени переселения разорившегося ростовского семейства в московские пределы.

Переселение семьи Варфоломея во владения московских князей произошло в довольно знаменательный 1332 год. Это время, когда Иван Калита окончательно закрепил за собой права на всё великое Владимирское княжение. Население же Северо-Востока Руси навряд ли испытывало по этому поводу какой-то особенный восторг. Именно на это время пришёлся неурожайный год и связанные с ним голод, крайняя дороговизна хлеба, да ещё и дополнительные поборы, вызванные необходимостью возмещать затраты и долги, понесённые новым великим князем в Орде.

Житие сообщает о переселении целой группы ростовских боярских родов в московские владения. Очевидно, речь идёт о некоем ростовском клане – семьях, связанных не только общностью своих политических воззрений, но и какими-то общими предками. При этом если для одних переселение в радонежские земли было осознанным

политическим выбором, то других явно привлекали обещания экономических льгот на время обустройства и подъёма хозяйства: «и лготу людем многу дарова, и ослабу обещася тако же велику дати. Ея же ради лготы събрашася мнози, яко же и ростовския ради нужда и злобы разбегошася мнози», – пишет биограф Сергия.

Ростовское землячество, очевидно, и в дальнейшем сыграло немалую роль в судьбе Сергия и его брата Стефана. Среди лиц, переехавших тогда в Радонеж, встречаются имена будущих насельников троцкого монастыря (дьякон Онисим, Андроник – будущий настоятель монастыря на Яузе под Москвой, возможно, и один из ближайших учеников Сергия Роман). Епифаний отметил связь этой группы переселенцев с московским тысяцким Протасием. По родословной книге Протасий Фёдорович, родоначальник Вельяминовых, «приехал из Володимера к Москве с великим князем Даниилом Александровичем, а был у великого князя тысяцкий». Он являлся тогда фигурой, заметной на политическом Олимпе Северо-Восточной Руси, а его покровительство и поддержка гарантировали определённую стабильность и уверенность в грядущем дне.

Покровительством Вельяминовых, очевидно, и воспользовался старший брат Сергия. По сообщению Жития, пережив тяжёлую душевную драму – смерть жены (возможно, что она умерла довольно молодой при родах первенца, как это нередко случалось), Стефан постригся в монастырь. Собственно, известное нам теперь имя Стефан, скорее всего, уже получено было им при постриге.

Мирское же его имя источники до нас не донесли. Варфоломей же тем временем приглядывал и заботился о неумолимо стареющих родителях. После смерти отца и матери Варфоломей уговорил Стефана вместе отправиться на поиски пустынного места для

основания собственной обители (эпизод, недостаточно оценённый, но весьма показательный для Сергия, – не просто бросил всё и удалился замаливать грехи, а выполнил свою социальную функцию и только тогда покинул мир).

Братья вместе нашли пригорок (Маковец), вблизи которого протекала небольшая речка. Здесь Стефан и Варфоломей поставили сначала хижину, затем келью, а вскоре и церковь. Оба они участвовали и в выборе имени Троицы для посвящения престола неосвящённого ещё храма. Но, недолго прожив в пустыне вместе с братом, Стефан ушёл в Москву, где нашёл пристанище в келиотском особножитийном Богоявленском монастыре, ктиторами (покровителями) которого являлись бояре Вельяминовы. Там он познакомился с будущим митрополитом Алексием, получил священнический чин, стал духовником неких влиятельных лиц при дворе великого князя, а по некоторым сведениям – одно время пребывал в качестве духовника самого Симеона Гордого. Правда, последнее известие теперь крайне трудно проверить. По крайней мере в духовной грамоте Симеона Гордого среди духовных лиц имя Стефана отсутствует, что, однако, не исключает возможности исполнения этой ответственной роли Стефаном какое-то непродолжительное время.

Время активной столичной карьеры Стефана совпало со временем становления монастыря на оставленном им Маковце. Вокруг Сергия стали собираться прослышавшие о его благочестивой жизни подвижники, приходили за духовным напутствием, а иногда и за физическим излечением миряне. Росла слава Сергия в ближайшей округе, а благодаря рассказам брата о Маковецком подвижнике стало известно и в столице. По крайней мере думается, что не без участия

Стефана Сергей попал на заметку стремительно возвышавшегося на политическом и церковном поприще в конце правления Симеона Гордого владимирского владыки Алексия.

Кстати, со времени удаления Стефана в Москву Житие не упоминает о каких-либо заминках или препонах со стороны церковных властей, которые бы сопутствовали тому или иному начинанию Сергея. Наоборот, любое обращение игумена «в верхи» неизменно завершалось одобрением вышестоящих чинов.

Однако в середине 50-х годов Стефан неожиданно вернулся в обитель, некогда основанную им вместе с братом. Это возвращение не похоже на добровольный выбор духовной стези. По времени оно совпадает с внутренним конфликтом, разразившимся в московских правящих верхах и связанным с отставкой Вельяминовых от должности тысяцкого, убийством занявшего этот пост Алексея Петровича Хвоста и последующим демонстративным отъездом всего рода Вельяминовых вместе со сторонниками в Рязань.

Летопись упоминает о волнениях в Москве по случаю убийства А. П. Хвоста в 1356 году. Видимо, в связи с этими неурядицами столицу пришлось оставить не только знатным боярским семействам, но и куда менее значительным лицам, пользовавшимся поддержкой и покровительством рода бывших московских тысяцких. Так или иначе, но к 1356 году Стефан вместе со своим 12-летним сыном Иваном вернулся в Троицкий монастырь.

Стефан принёс с собой в тихую пустынную обитель дух мирского разлада и вражды, который почти всегда сопутствует столичной жизни. Уже вскоре после его возвращения размеренная жизнь монашеской общины оказалась нарушена. Житие Сергея несколько лапидарно сообщает о самих противоречиях (что в общем-то и

понятно) и акцентирует внимание на поведении святого. Конфликты коснулись принципиальнейших вопросов деятельности монастыря. Один из них был по поводу введения общежитийного устава. Другой – об игуменстве. Оба конфликта завершились расколом внутри общины: «Ини же не въсхотеша (общего жития. – А. П.), паче же недостойни быша званию; отаи (тайно) изыдоша из монастыря». Столкновение между братьями по поводу игуменства завершилось уже уходом Сергия.

Сообщение Жития крайне туманно: неким монахам «в помысл вложи, яко не хотети Сергиева старейшинства». Знаменем недовольных стал старший брат преподобного Стефан. Глухое недовольство Сергием вскоре переросло в открытое столкновение, когда Стефан во время службы поставил вопрос ребром: «Кто есть игумен на месте сем? Не аз ли прежде седох на месте сем?» Далее Епифаний добавляет: «И ина некая изрѣк, их же не лепо бе». После службы Сергий покинул монастырь, ушёл в иную пустынь и основал новый монастырь Благовещения на Киржаче (в древнерусских текстах река и обитель именуется «Кержач»). Началось противостояние двух монастырей, двух общин, двух братьев.

Очевидно, всё же Сергий покинул Троицу не в одиночестве. По крайней мере наш основной источник упоминает о двух учениках, которых игумен отправил в Москву за благословением митрополита Алексия на создание новой обители. Алексий дал благословение, но от активного вмешательства в это дело устранился. Не спешил, однако, владыка и с освящением новой церкви.

Вскоре противостояние разрешилось в пользу Сергия. Житие отмечает: «Священноиноци же и старци и святое Богом събранное братство, не терпяще отчаго разлучения, отходить от монастыра

(Троицкого. – А. П.)». В Киржачском монастыре тем временем наблюдалась обратная картина: «И бяху убо множество человек поспешствующе на дело, иноци же и белци – ови келия зиждуще, ини же иная потребная монастыру». Поддержку новому монастырю оказали «и князи, и боляре, прихождаху к нему, сребро довольно подааху на строение монастыра».

Окончательное разрешение конфликта наступило после того, как «множество братии, неции же от монастыра Святыя Троица, не трпяще намнозе духовного си учителя разлучение... идоша в град к митрополиту» с просьбой заставить Сергия вернуться в Троицкий монастырь. Опираясь на это коллективное обращение, Алексей отправил к Сергию своих официальных представителей архимандритов Герасима и Павла (тех, что в 1363 году именем митрополита затворили церкви в Нижнем Новгороде), которые и должны были сообщить игумену предложения главы русской церкви.

Суть его позиции была в следующем. Митрополит отметил, что рассматривает уход Сергия в качестве воспитательной меры: «Тъй бо, яко отец, учаше и, яко сына, наказааше». Он предлагал игумену оставить в новой обители кого-нибудь «от своих ученик», – «того постави в место себе строителя святому монастыру». Сам же Сергей должен был вернуться в Троицкий монастырь, во избежание ухода из обители братии, принявшей его сторону. В свою очередь Алексей пообещал: «А иже досаду тебе творящих изведу вон из монастыра, яко да не будет ту никого же пакость творящаго ти, но токмо не преслушай нас».

Сергий подчинился владыке и передал своё согласие с посланными к нему архимандритами. Алексей тут же отправил священников освятить новую церковь Благовещения на Киржаче.

Сергий, в свою очередь, благословил своего ученика Романа идти в Москву на поставление в «священство и строителя новоначальному монастыру», а сам вернулся в обитель Святой Троицы.

Изначально во главе новой обители Сергий видел одного из своих ближайших учеников Исаакия Молчальника. Для Епифания Исаакий – персонаж также весьма значительный. Он олицетворяет собой мистическую традицию внутри Сергиевской общины. Именно Исаакий выступает чаще всего в качестве свидетеля или же соучастника основных чудес игумена. Не случайно именно Исаакий получил благословение игумена на монашеский подвиг молчальничества.

Думается, не стоит лишний раз доказывать, что вопросы мистики и аскетики занимали в мировоззрении средневекового человека весьма существенное, а иногда и решающее место. Появление пророка и чудотворца было, к тому же, хорошим знаком свыше, приметой своего рода милости Божией, пришедшей на смену «гневу» и «наказаниям за грехи», выразившимся в насылаемых на страну голоде, войнах, болезнях.

Чудеса Сергия отличаются присущими и ему самому простотой и естественностью. Той простотой, которая сочетает в себе умеренность и даже некую житейскость. Почти все они связаны не с внутренними мистическими переживаниями святого, его личным восприятием области Божественного и необъяснимого, а так или иначе направлены на окружающий старца реальный мир. Чудеса эти настолько естественны и так логично вытекают из возникающих вокруг Сергия жизненных проблем, что иногда сам игумен пытается трактовать их вполне материально, а порой и автор жизнеописания как бы невольно

подталкивает своего читателя к материалистической трактовке произошедшего чуда.

Весьма показательно в этом смысле чудо об изведении источника. Епифаний пишет, как «бес вооружаше братию укаряти святого о безводии. Говорили же ему: «Отче честный, сам знаешь о великом труде братском – далеко находится источник воды». Кое-кто из братьев, негодуя по этому поводу, собирался покинуть обитель. Сергей действительно хорошо представлял себе проблему, лично принося воду «издалеча» сразу в двух водносах. Посоветовав братьям уповать на милосердие Господа и просить его о даровании воды в совместной молитве, сам же вышел из монастыря на поиски источника. В болотистом перелеске под горкой, на которой возвышался монастырь, «беша же ту три рови сухы, искони безводни», но когда «быти зиме или каково наводнение дождевно, – пишет Епифаний, – и тогда бываше на мало время вода». В одном из этих рвов Сергей и обнаружил немного стоящей воды, а после молитвы там забил источник, положивший начало речке. Весьма характерно для древнерусской житийной традиции резюме агиографа: «Многаа же исцеления бываюот от воды тоя приходящим с верою».

Близко по духу чудо «О воскрешении отрока», когда некий благочестивый поселянин принёс к Сергию умирающего отрока и, видя, что тот совсем плох, отправился в лес – изготовить для младенца гробик. Вернувшись, он застал сына во вполне жизнеспособном состоянии и бросился благодарить игумена. На что последовал не лишённый оригинальности ответ Сергия: «Человече, охваченный горем о своём сыне не ведаешь, что говоришь. Дитя же твоё ни умирало, ни оживало, а будучи больным носимо и озябши,

лишь казалось умершим. Теперь же в тепле келий согрелся и, поспав, проснулся. Ты же, будучи в печали, плохо разглядел».

Важной особенностью чудес Сергия, тонко отмеченной агиографом, является постоянное стремление святого сделать соучастниками чуда окружающих людей, чаще всего, конечно, монастырскую братию, призывая всех вместе взывать к милости Бога, как бы пытаясь снять с себя одного ту или иную заслугу и распространить её на окружающих людей.

В чудесах, как, впрочем, и в аскетизме Сергия нет мистического надрыва, особенной экзальтации, никакого «сверх». Всё делается спокойно, естественно. Суть аскезы Сергиевской общины: труд, пост и молитва. Её цель вполне совместима с апостольской миссией православия – возвращение в мир через любовь.

Сергий, подобно его покровителю митрополиту Алексию, был из тех чудотворцев, что обладали действительным даром личного магнетизма, и в этом смысле чудеса с излечениями и облегчениями болящих – скорее, реальность, нежели вымысел в угоду какой-то идеологической игре. Но даже здесь обращает на себя внимание весьма существенное обстоятельство. Получившие широкую огласку чудеса Алексия происходят далеко не с кем попало и не когда придётся: и излечение ордынской ханши Тайдулы, и чудо у гроба митрополита Петра несомненно оказались одними из козырей иерарха в тонкой общественно-политической игре, да и социальное окружение главы Русской церкви принципиально иное, нежели у игумена дальней пустынной обители.

Поэтому физическое или душевное облегчение у Сергия получают и окрестные крестьяне, и «некий поселянин», и «некий» вельможа, и князя. С распространением слухов о радонежском

старце как чудесном предсказателе и исцелителе расширяется география мест, откуда приходили к игумену посетители. Житие сообщает о боярине, пришедшем откуда-то с Волги, дьяконе с берегов Дубны, смоленском архимандрите и т. д.

Когда возникает вопрос о мистике и аскетике Сергия, всегда рядом поднимается проблема исихазма на Руси. Очень часто и, надо сказать, необоснованно с именем Сергия Радонежского связывают распространение на Руси идей исихазма², захлестнувшего Византию и Балканы как раз в период активной деятельности троицкого игумена. Влиянием этого мистического течения порой стремятся объяснить буквально все события духовной жизни русских земель накануне и после Куликовской битвы. О сущности исихазма уже говорилось выше – в очерке о митрополите Алексии, тем не менее на ряде моментов следует остановиться особо.

Сложность вопроса об исихазме связана во многом с размытостью и неопределённостью самого термина. Далекое не всегда различают исихазм – конкретное идейное явление той или иной эпохи и всю православную мистику. Тем не менее для правильной оценки событий необходимо не только выделение исихазма как совершенно особого идейно-богословского течения восточно-христианской церкви, но и более тонкое определение границ между проявлениями этого мистического течения в разные эпохи и различных странах, при

² Исихазм (от греческого ἡσυχία – спокойствие, молчание, тишина) – это тип христианского мистического мировоззрения, пытавшегося обосновать духовно-практическую деятельность в аскезе, уединении и непрерывной уединённой молитве. Богословское учение исихастов нацеливало своих последователей на индивидуальное спасение путём удаления от греховного мира и стремлением приобщиться к Божественному Свету посредством умной молитвы. Богословское обоснование позднего византийского исихазма осуществил в середине XIV века солунский архиепископ Григорий Палама.

котором на первый план выступают вполне конкретные национальные особенности религиозности в ту или иную эпоху.

Различия позднего исихазма с ранним выявляются даже во внешних проявлениях аскетизма, которые, кстати, имели наиболее серьёзное, общественно значимое, нравственное звучание. Ведь основополагающие идейные моменты мистического учения воспринимались большинством мирян не с помощью малопонятных богословских трактатов, а усвоением практического воплощения идеалов в жизнь. Такими основными общественно значимыми моментами являлись – цель ухода от мира, отношение монахов к труду и устройство монашеской жизни. Именно эти аспекты имели для мирян принципиальное социальное и нравственное значение. Они являлись тем универсальным языком, посредством которого осуществлялась связь Монах – Мирянин.

Надо сказать, что фигура Сергия, благодаря его действительно значительному влиянию на духовную сферу современного ему общества, а также многочисленным ученикам и последователям, стремившимся следовать заветам старца, занимает одну из ключевых позиций в обосновании глубокого воздействия поздневизантийских исихастских исканий на русские земли. Однако едва ли подобные отождествления имеют под собой прочные основания – ни по одному источнику, освещающему жизнь Сергия, включая его Житие, не удаётся обнаружить у него типично паламитские взгляды. Косвенные же доказательства исихазма Сергия малоубедительны. Сергей стал монахом в 1342 году, т.е. в тот момент, когда исихасты паламитского толка ещё не пришли к власти в Византии и не оказывали существенного влияния на русскую церковную жизнь.

Упоминание Жития о том, что троицкий игумен «божественная сладости безмолвия вкусивъ», тоже не может служить доказательством воздействия на Сергия новейших византийских веяний, так как эти слова поздней Пахомиевской редакции относятся к описанию начального периода подвижничества Сергия. Его путь в монашестве во многом повторял путь древних египетских и сирийских аскетов – все они начинали с отшельничества. Как только вокруг Сергия собралось достаточное количество послушников, они основали общежитийный монастырь. Так часто повторялось и со многими из его учеников.

Те культурные явления на Руси, которые связываются с воздействием исихазма в его паламитской форме, имеют отношение не столько к паламизму, сколько к исихии-молчанию раннехристианских анахоретов-отшельников. Соответственно и Сергий Радонежский может быть отождествлён с исихастами, но не в паламитском, а в древнем значении термина, чему свидетельство – распространение на Руси переводов древних мистиков Аввы Дорофея, Иоанна Синайского, Исаака Сирина.

На Руси так и не были восприняты идеи Паламы об обожении. Не привился в русском монашестве и равнодушный к мирским чаяниям индивидуализм безмолствующих в молитве (паламизм для достижения состояния обожения не предполагает ни коллективных действий, ни общей причастности благодати). На Руси уединение от мира предполагало возврат к нему через любовь. В силу общинных стереотипов в мировоззрении русскому монашеству была не свойственна концепция индивидуального спасения. Поэтому-то и целью затворничества было не столько собственное спасение, сколько служение миру примером.

В. О. Ключевский точно подметил эту важную, если не сказать решающую, особенность в русском монашестве: «...Древнерусское монашество было точным показателем нравственного состояния своего мирского общества: стремление покинуть мир усиливалось не оттого, что в миру скоплялись бедствия, а по мере того, как в нём возвышались нравственные силы. Это значит, что русское монашество было отречением от мира во имя идеалов, ему непосильных, а не отрицанием мира во имя начал, ему враждебных».

Думаю, что именно поэтому в древнерусском монашестве преодолевается соблазн полного отрешения от мира, чему соответствует и некоторое смягчение в оценках плотской греховности и происходит переход к посильной аскезе. Русская духовность не драматизировала вторичность материального в отношении к идеальному. Уход от мира, в конечном счёте, являлся средством совершенствования ради служения миру.

На примере Сергия Радонежского и его Жития хорошо видно, что русское православие и связанные с ним представления существенно отличались от византийских. В нём гораздо чётче, чем у современных ему греков, представлены раннехристианские идеи апостольского служения, столь ярко выразившиеся в общежитийной монастырской реформе.

Именно эту общежитийную линию внутри Троицкого монастыря, среди учеников Сергия Радонежского олицетворяет собой Фёдор Симоновский. Двенадцатилетний племянник Сергия появился в обители в момент установления общежитийного устава. Уже с юных лет будущий игумен и архиепископ ростовский усвоил нормы общего жития, и для него многие установления, вызвавшие столь бурное

неприятие некоторых троицких братьев, явились уже чем-то само собой разумеющимся.

Иван-Фёдор был представителем нового поколения, идущего на смену Сергию, Стефану и Алексею, поколения, чьё мировоззрение формировалось в годы «великой тишины», цену которой столь хорошо знали его воспитатели. Молодые были более решительны, и именно им – Фёдору Симоновскому, Михаилу-Митяю, Михаилу Бренку, Дмитрию Боброку – предстояло стать опорой московского князя Дмитрия Ивановича в его открытом противостоянии Орде.

Сергий, как дальновидный пастырь, также видел в Фёдоре своего преемника и готовил его к этому. Для троицкого игумена Фёдор в качестве преемника стал бы безусловным продолжателем линии общежития-коммуны и, прежде всего, хранителем традиций того идеала, которые заложил сам Сергий. Свидетельство этому находим в почти дословном цитировании Сергиевских положений в уставе, данном Фёдором собственной обители. Легко представить, насколько неохотно Сергий расставался со своим воспитанником – для получения благословения на самостоятельную стезю Фёдору потребовалось обращение не только митрополита, но и князя.

Интересно, что развёрнутое письменное изложение устава монастырской жизни, развивающего Сергиевскую традицию, находим уже значительно позже в уставах Иосифа Волоцкого и Нила Сорского (очевидно, вначале устав бытовал изустно). При всех своих расхождениях и полемике друг с другом видно, что это всё же полемика «внутренняя» – между выходцами из одного «гнезда». Основные уставные положения восходят к тем правилам, которые изложил в нескольких строках Епифаний.

Датировка введения общежитийного устава в Троицком монастыре обычно в научной литературе устанавливается исходя из даты послания константинопольского патриарха Филофея Сергию Радонежскому, содержащего совет ввести общее житие³. Вместе с грамотой «гръкы от Констандина града» принесли в обитель крест с мощами литовских святых, канонизированных в первой половине XIV века, параманд (четырёхугольный плат с вышитыми на нём Страстями Христовыми) и схиму.

Крест-мошевик сохранился, а о судьбе остальных вещей теперь, к сожалению, ничего не известно. Этот небольшой золотой нательный крест изготовлен в обычной для крестов-реликвариев XIV века манере с русскими надписями, датируемыми концом XIV – XV в., и вполне мог принадлежать самому Сергию. Однако относительно причастности Филофея к организации общежития в Троице-Сергиевом монастыре имеется целый ряд сомнений.

Во-первых, это противоречия в тексте Жития. История с дарением креста и параманда повторяется там дважды: впервые – в связи с патриаршей грамотой, во второй раз реликвии передаёт игумену митрополит Алексий вместе с предложением занять митрополию после его смерти. Выходит, что оба события разделены весьма небольшим промежутком времени в 1377 – 1378 гг. При этом обращает на себя внимание реплика Сергия, поначалу отказывающегося от дара Алексия: «Ни бо от юности моя не бых

³ Филофей занимал патриарший престол дважды: с ноября 1353 по ноябрь 1354 и с октября 1364 по сентябрь 1376 года. Исходя из этого, учёные датируют время введения общежития либо 1354 годом (приезд Алексия из Константинополя), либо 1374-м – приезд Киприана на Русь, либо, наконец, концом 1376 – началом 1377 года (приезд патриарших послов для ознакомления с положением дел в русской митрополии). Если принимать достоверность самого факта существования Филофеевых даров и послания, то система аргументов сторонников более поздней датировки наиболее логична (см. её изложение в статьях В. А. Кучкина).

златоносець, ныне же на старости паче хотелъ бы в нищете пребывати». Митрополит всё же настоял на своём и, сняв с игумена прежние (получается, что Филофеевы) крест и параманд, возложил на него свои.

Здесь уже содержится целый комплекс недоумений и недоразумений: Алексей, едва видевшись с Сергием и благословив его на исполнение патриарших предписаний, вскоре вызывает его вновь для того, чтобы заменить реликвии и решить вопрос о митрополии, хотя вполне мог обсудить оба вопроса в один приход игумена. Сергей отказывался, ссылаясь на своё нищелюбие и с детства продолжающуюся нелюбовь к ношению золотых вещей (сохранившийся же так называемый Филофеев крест тем не менее золотой).

Другой момент, требующий объяснения, касается самой патриаршей грамоты, приведённой в тексте Жития. Содержание этого послания помещено в Житие в качестве дословной цитаты: «Бе же писано сице: ...», и действительно очень напоминает стиль посланий и документов, имевших хождение в Константинопольской патриархии. Но тут мы вновь сталкиваемся с рядом недоумений: почему нет следов этого послания в Актах Константинопольской патриархии? Почему нет следов соответствующей информации в Рогожском летописце – Симеоновской летописи и выписках Н. М. Карамзина, отразивших в этой части Троицкую летопись, столь подробно осветившую не только внутреннюю жизнь монастыря, но и в целом события русской церковной истории? К тому же к составлению Троицкой летописи, по мнению ряда исследователей, приложил руку сам Епифаний Премудрый.

Прибытие подобных даров и посланий на Русь обычно отмечалось как важное событие. Скажем, описывая возвращение Дионисия Суздальского из Константинополя в 1383 году с пожалованием архиепископского сана, летописец отмечает: «Ещё же вда ему патриархъ и вселеньскый сборъ фелонь съ четырьми кресты, а стихарь со источники (знаки архиепископского достоинства). Ещё же вынесе изо Царяграда страсти Спасовы и мощи многыхъ святыхъ». (Не тут ли следует искать происхождение золотого крестика с русской надписью и мощами литовских святых?) Упоминания о золотом Филофеевом кресте и Спасовых страстях имеются в духовных завещаниях Василия I и Василия II.

Почему патриарх обращается к Сергию через голову его непосредственного начальника Алексея? Выходит, что игумен, прийдя к митрополиту с такой грамоткой, ставит его в весьма двусмысленное положение. Подобное послание было бы вполне объяснимо и логично в случае обращения константинопольского первосвященника к настоятелю ставропигиального монастыря. Такие монастыри подчинялись, помимо всех местных иерархов, непосредственно патриарху. Именно такой статус получил для Симоновского монастыря игумен Фёдор – племянник Сергия. Для того чтобы объяснить все эти недоумения, пришлось бы прибегнуть к новым допущениям и натяжкам.

Помимо всего, весьма странными выглядят благословения и личное участие Сергия в основании и строительстве целого ряда общежитийных монастырей до того, как такой устав был принят в его собственной обители. И, наконец, обращает на себя внимание чисто текстуальная близость патриаршего послания, помещённого в Житии

Сергия, с так называемым «Первым» посланием Киприана игуменам Сергию и Фёдору.

Не слишком ли много вопросов и нестыковок вокруг одного короткого послания? Разумно предположить, что легенда о Филофеевых дарах и патриаршем благословении на введение общежития была вставлена в текст Жития и стала одной из первых попыток использовать исторический авторитет старца в идейно-политической игре. Наиболее вероятным временем появления такой легенды была эпоха правления Василия II. Такая вставка хорошо согласуется с политическими реалиями феодальной войны середины XV столетия и идеологической борьбой в церковных и государственных кругах, связанной с отношением к Флорентийской унии и Константинопольской патриархии, а также полемикой о путях дальнейшего развития Русской церкви в целом.

Тогда, между 1422 и 1448 годами, шёл процесс официального становления общерусского почитания Сергия Радонежского, появлялись одна за другой Пахомиевские редакции Жития, куда и была сделана вставка. Говоря о легендарности сообщения Жития о Филофеевых дарах, мы несколько теряем в хронологической точности введения в Троицком монастыре общежития. Думается, что это событие произошло в рамках программы митрополита Алексия и должно быть приурочено не к легендарному посланию константинопольского патриарха, а ко времени поставления Сергия игуменом.

Начало же игуменства Сергия следует относить к 1353 – 1355 годам – времени отсутствия на Руси Алексия. Косвенные указания на начало игуменства Сергия как время установления общего жития содержатся в обращении нового игумена к братии по возвращении с

посвящения обратно в монастырь. После изложения поучения старца агиограф отметил: «И сиа рек, помышляше въ уме житиа великих светил, ...Антония Великого, и Великаго Евфимиа, Саву Освященнаго, Пахомия Ангеловиднаго, Феодосиа Общежителя и прочих». Лица эти отнюдь не случайны – все они почитаются основателями православного монашества. Все они на каком-то этапе своей жизни основывали пустынную либо печерскую обитель и давали братии устав.

Не вполне ясен вопрос с упоминанием Феодосия – имеется ли в виду Киево-Печерский настоятель? Это вовсе не исключено. Судя по тому, что все отцы IV – V вв. основатели египетского и ближневосточного общежития упомянуты под другими своими прозвищами, Феодосий – ближневосточный подвижник V века, основавший общежитийный печерский монастырь в пещере, где провели ночь волхвы, возвращаясь из Вифлеема, должен быть упомянут под более распространённым в русской книжности именем «Великого».

Так или иначе – налицо ориентация Сергия на древневосточную и древнерусскую общежитийную монашескую традицию. «Сих житиа на сердци имеа, блаженный моляшеся къ святей Троици, дабы невъзвратно шествовати по стопам сих преподобных отец». Отметим, что и тут нет ссылок на авторитет поздних греческих исихастов.

Глава Жития «О начале игуменства» содержит важное указание о правилах сергиевской общины: «В начало же игуменства его беаше братиа числом дванадесяте (12) мних кроме самого игумена, третягонадесяте. Съ же число двоенадесятное обреташеся мних... ниже боле сего умножашеся, ниже менши сего умялахуся. И аще ли когда един от них или умрёт, или изыдет от обители, то паки другый

на его место брат пребудет, да не число истошимо обрящется... И сице им пребывающим, дондеже прииде к ним Симон, архимандрит Смоленский, и тъй разрушит число двоенадесятное, и оттоле братия множахуся от того дни боле... нежели двоенадесятным».

Известно, что правило о кратном 12-ти числе иноков в монастыре имело принципиальный характер в монашеских общинах древней ирландской церкви. Столь же существенным положением ирландских монахов VI – VIII вв. был уход из своего монастыря с целью миссионерства. Наблюдения над текстом Жития Сергия позволяют говорить также и о соблюдении Епифанием некоторых канонов ранней ирландской агиографии.

Вряд ли имеет смысл искать конкретные пути проникновения ирландских проповедников в «Северную Фиваиду» XIV столетия. Истоки ирландских традиций в Сергиевской обители вполне объяснимы в рамках обращения Сергия Радонежского к истокам древнерусского монашеского общежития, в частности к традициям Киево-Печерского монастыря. Между прочим, в одной из версий об основании Киево-Печерской обители имеется указание на то, что собственно монашеская община была основана лишь после того, как рядом собралось 12 подвижников.

Для самого Сергия правило о 12-ти иноках имело не только символическое значение (на чём настаивает его биограф: «по числу 12 апостол», «колен Израилев, или по числу 12 источник вод, или по числу избранных камней драгих 12, бывших на ризах архиерейских по чину Аарону»), но и чисто практическое. Маленькая поначалу обитель, судя по всему, не могла ни вместить, ни прокормить большого числа монахов. Первое существенное расширение монастыря связано с приходом смоленского архимандрита Симона,

принёсшего в Троицу значительные средства на строительство. Именно с этим именем и связано нарушение обязательности числа 12.

Вскоре, после установления семи церковных служб, на которые должна была собираться вся монастырская братия, весьма ограничивших время на исполнение иных монашеских послушаний, на первый план выступает принцип неспрадности, ибо и молитва монашеский труд, тем более молитва соборная, коллективная – в храме. О своих грехах – потом, наедине в келье, а в храме вместе молились за весь православный люд. Житие повествует: «Сиче живый съ братиами, аще и не поставлен бысть въ прозвители, но велми с ними пристояше церкви Божии. И по вся дни пояше съ братиами въ церкви и полунощницу, и заутреню, и чясове, и третий, и шестый, и девятый, и вечерню,, и нефимон».

«...А отнележе поставлен бысть въ игуменьство по вся дни святая литургия бываше». Судя по всему, с этого момента чисто игуменские заботы уже не оставляли Сергию возможности заниматься чисто физическим трудом, в котором он всегда являлся примером остальным братьям. Но и в такой ситуации игумен самолично готовил всё необходимое для службы: «просфиры же сам печаше: прежде бо пшеницу толчаше и меляше, и муку сеяше, и тесто месяше и квасяше. Ти тако испёкши просфиры, служаше Богу от своих праведных трудов, иному не дааше никому, аще и зело хотяху мнози от братиа печи просфиры, но преподобный тшашеся быти учитель и делатель. И кутию сам варяше, и свечи скаше, и кануны творяше».

В игуменство самого Сергия нестяжание означало не только то, что монахи внутри монастырских стен не обладали никаким личным имуществом, но и то, что сам монастырь, по сути, не располагал земельными владениями (хотя, конечно, какие-то вклады в монастырь

имели место). Несколько позже, в игуменство преемника Сергия Никона Троицкая обитель обладала уже 10 сёлами и целым рядом других владений, причём не менее половины стяжаний монастыря были куплями. Этот путь в конце концов привёл к становлению общежитийных монастырей как феодальных корпораций, среди которых Троице-Сергиева лавра являлась крупнейшей.

Именно это считается основным итогом монастырской реформы, и на втором плане остаётся то, что изначально в ней были заложены принципы справедливости, а собственно общежитие Сергия основано на глубокой нравственности. И эта нравственность возведена в деятельности самого игумена до уровня социального идеала. Он ни от кого не требовал того, чего бы не сделал сам. Считал безнравственным безделие, праздность, пустую болтовню. Даже голод, временами охватывающий ведомую им общину, не мог заставить пастыря примириться с процветавшим в то время монашеским попрошайничеством. Наоборот – дело монаха накормить, оказать помощь, излечить духовно и телесно (на это указывает наличие особой разновидности работ – милосердник). В Сергиевом общежитии глубоко укоренилась идея взаимопомощи.

Прочно ориентированная на собственные силы и плоды собственного труда, отрицающая принципы стяжания и попрошайничества, троицкая община выступала как малая организованная ячейка общества. Будучи единой духовно, хозяйственно и структурно, эта община позволяла своему игумену – единственному её представителю в миру выступать с достаточно независимых позиций в отношениях как со светской властью, так и с высшей церковной иерархией. Сергий Радонежский всегда занимает самостоятельную позицию. Отсюда исходит затруднительность и

натянутость объяснений и многих трактовок поступков Сергия в общественно-политической жизни русских земель.

Совсем не случайно время наибольшей общественной активности Сергия пришлось на 70 – 80-е годы XIV столетия: завершилось длительное становление Троицкого монастыря, окончательно сложился и во всей своей красе был явлен миру тот идеал общежития, к которому стремился игумен, в различных концах Северо-Востока Руси становились на ноги основанные самим старцем, его учениками и последователями обители, наконец, сам настоятель, перевалив собственное пятидесятилетие, находился в зените своей славы и творческой мудрости.

1374 год стал во многом поворотным в судьбах русских земель. Тогда, с отказом Дмитрия Ивановича от выплаты ордынской дани, созданием великорусского союза князей во главе с московским князем на Переяславском съезде и, по сути, объявлением открытой войны поработителям, стали политической реальией те идеалы, которые в течение долгих десятилетий личным примером и упорным трудом внедрял в сознание русских людей скромный радонежский игумен.

Летописец оставил скупую строчку под 1374 годом: «А князю великому Дмитрию Московьскому бышесть розмирие съ тотары и съ Мамаем». Именно тогда, в 70-х годах XIV столетия, пришло время, заставившее игумена во всеуслышание заявить и о своей гражданской позиции. С 1374 года деятельность Сергия находит своё отражение в летописании, а мы можем опираться на более или менее достоверную хронологию событий. Не думаю, что случайным совпадением является тот факт, что тогда, на Переяславском съезде князей, формально приуроченном к рождению у Дмитрия Московского сына, нареченного весьма символично именем святого змеборца (очень

часто Орда вообще и ордынские правители в частности выступали под пером русских книжников в образе змия) Георгия-Юрия, Сергей Радонежский не только стал крестным отцом младенца, но и духовником его отца – великого князя Дмитрия Ивановича. С одной стороны, монах признал политическую программу московского князя наиболее соответствующей собственным идеалам, с другой стороны – власть провозглашала своим духовным знаменем троицкого игумена.

Фундаментом и основным звеном будущего великорусского союза князей должен был явиться прочный союз внутри московского правящего дома. К 1374 году отношения в нём были урегулированы посредством договора. Владимир Андреевич получил от Дмитрия Московского новые владения, в том числе и земли, принадлежавшие ранее его матери – вдовой княгине Ульяне.

Именно с этого момента радонежский монастырь оказался в уделе Владимира Андреевича Серпуховского.

Князь быстро заявил о себе соответствующей духу времени строительной программой. Летописец оставил упоминание о том, как в том же 1374 году «благородный и христолюбивый князь Володимерь Андреевич заложи градъ Серпоховъ въ своей отчине и повеле его нарядити и срубити дубовъ (дубовым), а людемъ приходящимъ и гражаномъ, живушимъ въ немъ, и человекомъ торжествующимъ подастъ великую волю и ослабу и многу льготу, приказав наместничество дръжати града Якову Юрьевичу, нарицаемому Новосильцю, околничему своему». В рамках этой строительной и социальной программы, направленной в конечном счёте на укрепление пограничных рубежей Московского княжества, было задумано и возведение монастыря.

В рассказе Рогожского летописца об устройстве монастыря «иже на Высоком» мы и видим первое летописное упоминание Сергия. Троицкий игумен по просьбе князя Владимира Андреевича основал новую общежитийную обитель во имя Зачатия Богородицы, «основание церкви положи своима руками» и оставил игуменом своего ученика Афанасия, получившего имя Высоцкого.

Хорошо известно, что далеко не всё, что так удачно начинается, получает достойное продолжение и уж вовсе не всегда успешно завершается. Уже под 1375 годом летописец сообщает о болезни Сергия. С одной стороны, в этом нет ничего удивительного: монах – не воин, и тревожения, повышенная политическая активность и связанные с этим длительные и зачастую весьма дальние путешествия могли основательно подорвать здоровье игумена. Но, с другой стороны, обращает на себя внимание то, как летописец увязал сообщение о болезни Сергия с другим весьма заметным событием – упразднением в Москве должности тысяцкого и бегством старшего сына последнего тысяцкого и главного претендента на упразднённую должность Ивана Васильевича Вельяминова вместе с купцом Некоматом во враждебную Москве Тверь: «Да никто же чюдиться, видя праведники и угодники Божия въ болезнехъ терпяща и въ трудехъ, а грешники здравы и в легце пребывающа, елма же судьбы Божия не испытаны суть, аще бо праведникъ едва спасётся, а грешникъ и нечестивый где явится? Того же лета съ Москвы о великомъ заговении приехалъ въ Тверь къ великому князю Михаилу Иван Василиевич да Некомать на христианскую напасть».

В таком контексте длительная болезнь и устранение от вмешательства во всяческие политические дела могут быть истолкованы и как некая позиция троицкого настоятеля. Безусловно, у

нас нет достаточно веских оснований не доверять источнику и считать, что Сергей лишь сказался больным, чтобы не принимать участия в деле, к которому не выработал собственного однозначного отношения. Тем не менее стоит напомнить, что, скажем, Житие не устаёт подчёркивать физическую силу радонежского старца: «бьяше бо силён быв телом – могый за два человека...», он и воду носит в двух водоносах в гору, он в одиночку рубит лес, колет дрова, ставит сени и т.д.

Если наши догадки верны, то эта запись имеет особую значимость как показатель того, что пастырь одной пустынной обители действительно осознал себя в качестве пастыря общенационального, чьи оценки, действия и поступки воспринимаются в качестве руководства к действию не просто группой доверенных лиц, а целым обществом.

Судя по всему, Сергей Радонежский действительно не одобрил упразднения должности тысяцкого своим духовным сыном князем Дмитрием Ивановичем. Но, с другой стороны, он не мог принять и оправдать той измены, на которую пошёл Иван Вельяминов и которая реально угрожала общему делу, столь успешно начавшемуся в 1374 году в Переяславле. В этих условиях Сергей предпочёл не выказывать своего отношения к сложившейся ситуации вообще, и внезапно возникшая хворь в этом смысле оказалась очень кстати.

Период наиболее сложных отношений Сергия с великим князем выпал на самое, пожалуй, трудное и славное время в истории великого княжения Дмитрия Донского – 1376 – 1382 годы. Первый узел проблем связан с вопросом о наследнике Алексея и последующей «смуте на митрополии». По версии Епифания Алексей рассматривал радонежского игумена в качестве кандидатуры своего

преемника, в связи с чем перед смертью вызывал его к себе по делам митрополии.

Сергий Радонежский отказался от этой перспективы весьма решительно. Очевидно, будучи духовником великого князя, игумен хорошо знал, что, вопреки утверждению Алексия, будто бы «и сам князь великий zelo желает тя и вси бояре его», на самом деле Дмитрий Иванович видел в качестве главы русской церкви своего печатника Михаила (Митяя). Очевидно, Сергий считал бесполезным идти против воли князя, хотя и кандидатуру Митяя не считал оптимальной для Русской митрополии.

Надо сказать, что княжеский фаворит и, по сути, канцлер (печатник) также не питал особо тёплых чувств к троицкому игумену, видимо, всё же рассматривая Сергия в качестве одного из своих соперников на пути к митрополичьей кафедре. Может быть, опасения Михаила-Митяя и не были лишены основания. По крайней мере в момент некоторого прояснения позиций действия троицкого настоятеля оказались объективно направлены против него.

Имеется в виду заступничество за Дионисия Суздальского и сношения с главным на тот момент соперником Митяя литовским и русским митрополитом Киприаном, особенность поставления которого была такова, что после смерти Алексия он должен был объединить под своей юрисдикцией всю общерусскую митрополию.

Как известно, едва узнав о смерти Алексия в 1378 году, Киприан отправился в Москву с целью увидеться с Дмитрием Московским и занять митрополичью кафедру. Из пограничного с Литвой Любутска он написал послание игуменам Сергию и его племяннику Фёдору, рассчитывая, очевидно, и на встречу с ними, и на дальнейшую поддержку со стороны духовников великого князя. Это послание

датировано 3 июня 1378 года. Уже 23 июня бесцеремонно выставленный из Москвы и ограбленный болгарин, правда, теперь – с обратной дороги в Киев и далее – в Константинополь написал игуменам другое послание, наполненное упрёками не только по адресу Сергия и Фёдора, но и князя, и покойного Алексея.

Не думаю, что и на этот раз позиция Сергия была продиктована безусловной поддержкой князя в его церковной политике. Очевидно, троицкий игумен, как, впрочем и не он один на Руси, не считал каноническим поставление Киприана, состоявшееся ещё при жизни митрополита Алексея. С другой стороны, такая реакция (а точнее, полное её отсутствие) не означала и поддержки Митяя. Тем не менее Дмитрий Иванович расценил молчание своих духовников в отношении его действий против непрошеного наследника Алексея именно как глухую поддержку. По крайней мере на протяжении второй половины 1378 и всего 1379 года князь как минимум ещё дважды обращался к духовному авторитету и напутствию Сергия Радонежского.

Одно из них получило своё отражение в Житии, не имеет точной даты и связано, скорее всего, с историей битвы на Воже. Накануне сражения князь приехал в монастырь к Сергию и попросил у игумена моральной поддержки и благословения на противостояние с татарами: «Отче, велиа печаль обдержит мя: слышах бо, яко Мамай въздвиже всю орду и идёт на русскую землю, хотя разорити церкви, их же Христос кровию своею искупи. Тем же, отче святыи, помолити Бога о том, яко сия печаль обща всем християном есть». Старец напутствовал князя. В ответ Дмитрий дал обет: «Аще убо Бог поможет ми молитвами твоими, то пришед, поставлю церковь въ имя

пречистыа владычица наша Богородица, честнаго еа Успения, и монастырь съставлю общаго житиа».

«И бысть по пророчеству святаго Сергия: и победив, татары прогна, и сам здрав съ вой своими възвратися». Одержав победу, князь выполняет свой обет. Для Дмитрия поддержка и «хорошее» пророчество его духовного отца были очень ценными в сложившейся церковно-политической ситуации, когда Алексей уже умер, Митяй ещё не получил благословения патриарха (хотя уже имел на этот счёт некие авансы Макария патриарха константинопольского), а в Москву рвался неугодный великому князю Киприан, к тому же последнее столкновение с татарами в 1377 году на реке Пьяне завершилось жестоким поражением русских дружин.

Другое обращение зафиксировано в летописях и касается того самого «злополучного» поручительства за Дионисия, о котором уже упоминалось. Летописец довольно подробно изложил суть дела: Дионисий, прибыв на собор великорусских епископов, целью которого было выдвижение кандидатом в митрополиты Михаила-Митяя, единственный из иерархов решился вступить в открытый конфликт с любимцем Дмитрия Московского. Выступление на Соборе не помогло, тогда суздальский владыка объявил о своём намерении отправиться в Константинополь и уже там помешать совершению поставления.

Митяй упросил князя запретить Дионисию такую поездку. Очевидно, словесные уговоры Дмитрия ни к чему не привели и пришлось «Дионисия нужею (силой) удръжати». Тогда Дионисий упросил великого князя отпустить его, пообещав не ходить в Константинополь: «а уже къ Царюграду не иду без твоего слова». В качестве поручителя епископ привлёк Сергия. Весьма показательно,

что такой шаг возымел действие – Дмитрий отпустил Дионисия. Но тот и «съ неделю не помедливъ и въскоре бежаниемъ побежа къ Царюграду, обеть свои измени, а поручника свята выдалъ».

Безусловно, этот инцидент способствовал резкому охлаждению отношений между Сергием и его духовным сыном. Князь довольно чётко обозначил своё отношение к церкви как к ещё одному рычагу государственной политики и очень негативно относился к самостоятельным и несогласованным лично с ним выступлениям церковных деятелей.

Отметим, однако, одну особенность в поведении Сергия Радонежского в отношении мирских политических страстей. Все его выступления неоднозначны – он нигде не сжигает за собой мосты и оставляет возможность обратного хода. Да, Сергей находился в переписке с Киприаном, но ведь инициатором её выступил именно литовский митрополит, а не троицкий игумен. Да, Сергей поручился за Дионисия, но кто же знал, что суздальский епископ так его подведёт? Может быть, такая довольно мягкая и подспудная полемика с духовным сыном-князем и была тем единственно верным и действенным средством, которое в сложившихся условиях остановило бы правителя, вставшего ради достижения народных интересов на опасный путь самовластья.

Надо сказать, что подобная довольно гибкая линия Сергия тем не менее не избавила старца от основательного разлада с князем Дмитрием в 1380 – 1382 годы.

Кажется, действительно приходится постепенно расставаться с версией о поездке Дмитрия Донского в Троицкий монастырь, а также – пророчествах и благословениях игумена накануне Куликовской битвы. И источники, подробно излагающие эту легенду, довольно

поздние, и сам факт таких идиллических отношений между Сергием и князем, как описано, скажем, в весьма позднем «Сказании о Мамаевом побоище», не укладывается в логику их трений, реально просматривавшихся за скупыми строками более достоверных источников.

А реальность такова, что Сергей не участвовал в крещении сыновей великого князя Семёна и Андрея, родившихся, соответственно, в 1379 и 1382 годах, зато вместе с Киприаном крестил родившегося летом 1381 года у Владимира Андреевича Серпуховского сына Ивана. В славном 1380 году, в отсутствие всех поставленных и непоставленных кандидатов в русские митрополиты Дмитрий Иванович обратился за благословением к митрополичьему местоблюстителю коломенскому епископу Герасиму, что, кстати, не потребовало от князя поездки в обратном от Куликова поля направлении (об этом повествует Летописная повесть о Куликовской битве). Епифаний Премудрый хорошо знал, что именно Герасим исполнял обязанности митрополичьего местоблюстителя в 1380 году, после отбытия Митяя и в отсутствие Киприана, Дионисия и Пимена, о чём упомянул в Житии Стефана Пермского. Может быть, поэтому в рассказе «О побежении татарь и иже на Дубенке о монастыри» в Житии Сергия нет даже упоминаний ни о «Мамаевом побоище», ни о «Донскомъ бою». Наконец, в августе 1382 года, во время Тохтамышева нашествия Сергей нашёл пристанище в Твери снова вместе с митрополитом Киприаном.

Надо сказать, что на этот раз контакты Сергия и его ближайших учеников с Киприаном уже не сошли с рук троицкому игумену. Дмитрий не решился напрямую применить санкции против прославившегося по всей Руси святителя, но изгнание вместе с

Киприаном одного из учеников Сергия и духовника Владимира Андреевича Серпуховского Афанасия Высоцкого должны были показать прежде всего самому старцу степень княжеского недовольства.

Тем не менее и на этот раз нельзя сказать, что Дмитрий имел основания напрямую обвинить Сергия в своих последних неудачах, в отличие от Киприана и Афанасия, которых считал одними из основных виновников того несогласия между союзными князьями, которое возникло накануне прихода Тохтамыша. Позиция Сергия, надо сказать, была вновь сдержанна и выдержана. Игумен, как и раньше, стойко придерживался ориентации на целостность и независимость общерусской митрополии и подчинение её главе – митрополиту киевскому и всея Руси. Только такое положение дел могло гарантировать независимость церковной власти от возрастающих аппетитов мирских властей, которые, в лице князя Дмитрия Донского и исходя из конкретных политических целей и задач, добивались разделения литовской и великорусской митрополий.

Думается, Сергей Радонежский не имел намерения самостоятельно выступать против начинаний Дмитрия Донского. Скорее, его авторитет был удачно использован недругами князя. А умеренность и постоянство игумена в его церковно-политических пристрастиях послужили основой примирения игумена с князем в конце правления последнего, когда окончательно выяснилось, что попытка утверждения на митрополии собственного кандидата не удалась.

Сведения о примирении Сергия и Дмитрия относятся лишь к 1385 году. Тогда у князя родился сын Пётр, «и крести его Сергии

игумень, преподобный старец». Гораздо более важные последствия имела другая миссия троицкого игумена, а именно – его посольство к Олегу Рязанскому осенью 1385 года. Летописец отметил: «преже бо того мнози ездили къ нему не возможе утолити его». Сергию удалось не просто примирить враждующих на протяжении всей своей жизни князей, но и добиться вечного мира между двумя крупнейшими землями русского Северо-Востока.

Отныне прекратились военные столкновения Москвы с Рязанью, а мир дипломатический вскоре был закреплён династическим браком сына Олега Рязанского Фёдора с одной из дочерей Дмитрия Донского. Именно от миссии Сергия Радонежского следует начинать отсчёт процесса постепенной потери независимости Рязанским княжеством. Всё это произошло в непростой ситуации, когда назревала война с Новгородом, когда наследник Дмитрия Ивановича Василий находился заложником в Орде, а сам великий князь погряз в долговых обязательствах, выданных от его имени и в Константинополе, и на Руси, и в Орде.

Своим дипломатическим успехом Сергий сумел помочь московскому князю в решении целого комплекса внутренних и внешних проблем, подобных тем, что оказались не по силам Дмитрию Ивановичу в 1382 году перед приходом Тохтамыша.

Рязанская миссия Сергия стала единственным достоверным фактом участия троицкого игумена в политических событиях своего времени. Однако столь успешное её завершение породило стремление поздних книжников использовать имя преподобного старца при описании схожего по своей сути посольства игуменов Герасима и Павла, направленных в 1365 году митрополитом Алексием в Нижний Новгород и затворивших церкви митрополичьим именем.

Завершение длинного жизненного пути игумена Сергия проходило, судя по тем крайне скудным известиям, которыми мы располагаем, спокойно и достойно. В качестве духовника Дмитрия Ивановича он упомянут в завещании великого князя 1389 года, вскоре после этого участвовал в похоронах князя, а под 1392 годом в летописи сообщается о длительной болезни и смерти основателя Троицкой обители. После этого сообщения летописец поместил некролог, что само по себе является редчайшим случаем в русском летописании.

Такое исключительное отношение к образу Сергия продолжалось и в дальнейшем. Современники сумели выделить и оценить то главное, чему мог научить их пример троицкого игумена, – они восприняли нравственный и одновременно социальный идеал старца. Этот идеал, основанный на оптимизме русской православной традиции, воплощённый в жизнь личным примером игумена, стал для современников образцом общежития. Общежития, основанного на простоте (умеренности, естественности), силе (как физической, так и духовной и энергетической) и нравственности, тесно связанной как с гражданской позицией самого игумена (читай: его общины), так и с представлениями о социальной справедливости. Как ни странно, главные уроки миротворца Сергия, собственно и заложившие основу сергиевской традиции, состоят в противостоянии. Противостоянии единства и разделённости мира, принципов коллективизма и избранности, общины и иерархии, труда и наживы.

Не всё удалось вполне осуществить самому Сергию, от Сергиевских принципов отходят и его ученики (кто осознанно, кто по неспособности). Изменения исторических реалий на протяжении длительного времени обусловили ещё большее отдаление от основ

Сергиевской традиции. Церковь всё сильнее втягивается в орбиту влияния государства, но каждый раз, когда государство и общество стремились к единой цели, их сопровождали эпизодические всплески ярких выступлений церковных деятелей, сумевших осознать свою эпоху и реальные, а не мнимые интересы современников – всегда в таких случаях имело место возрождение Сергиевской традиции, обращение к Сергию и памяти о заветах Преподобного старца.

Приложение.

Из Жития Сергия Радонежского

Древнейшая редакция Жития Сергия Радонежского написана около 1418 года троицким иноком Епифанием Премудрым. Этот первоначальный текст Жития в своём полном составе до нас не дошёл. Его фрагменты сохранились в более поздних редакциях жизнеописания троицкого игумена, выполненных в середине XV века Пахомием Сербом (известно пять «пахомиевских» редакций) и переработках XVI столетия. Об особенностях Жития Сергия Радонежского уже шла речь в тексте очерка. Здесь мы публикуем отрывки из довольно объёмного текста биографии троицкого игумена, касающиеся вопросов устройства монастыря, истории введения в нём общежития и формирования того особенного нравственного типа, который позже стал отождествляться с Сергиевской традицией.

...Дивлю же ся о сём, како толико лет минуло, а житие его не писано. О сём съжалихся зело, како убо таковыи святыи старец, пречюдныи и предобрыи, отнеле же преставися, 26 лет преиде, никто же не дрзныаше писати о нём – ни далнии, ни ближнии, ни большие, ни меньшии: болшии убо яко не изволяху, а меншии яко не смеяху. По лете убо едином или по двою по преставлении старцеве язъ, окаанныи и вседръзыи, дрзнух на сие, вздохнув к Богу и старца призвав на

молитву, начях подробну мало нечто писати от житиа старцева, и к себе втайне глаголя: «Аз не хватаю ни пред кым же, но себе пишу, а запаса ради, и памяти ради, и ползы ради». Имеях же у себя за 20 лет приготованы такового списания свитки, в них же беаху написаны некия главизны, еже о житии старцеве памяти ради: ова убо въ свитцех, ова же въ тетратех, аще и не по ряду, но предняя назади, а задняя напреди...

...Елика слышах и разумех, отци мои поведаша ми, елика от старец слышах, и елка своима очима видех, и елика от самого уст слышах, и елика уведах от иже въслед его ходившаго время немало и възлиавшаго воду на руже его, и елика другаа некаа слышахом и от брата старейшаго Стефана, бывшаго по плоти отца Феодору, архиепископу Ростовьскому, ова же от инех старцев древних, достоверных, бывших самовидцев рожеству его, и възпитанию, книговычению, възрасту его и юности даже и до пострижения его; друзии же старци самовидци суще и свидетели неложнии и постризанию его, и начатку пустынножительству его, и поставлению его еже на игуменство; и по ряду прочим прочии възвестители же и сказатели бываху. (...)

О преселение родителей святого.

Сей убо прежереченный раб Божий Кирил преже имeаше житие велико в Ростовьстей области, боярин сый, един от славных и нарочитых бояр, богатство многым изъобилуя, но напослед на старость обнища и оскуде. Како же и что ради обнища, да скажем и се: яко частыми хоженми еже съ князем въ Орду, частыми ратми Татарскими, еже на Русь, чястыми послы Татарскими, чястыми тяжкими данми и выходы еже въ Орду, частыми глады хлебными. Надо всеми же сими паче бысть егда великая рать Татарьскаа,

глаголемая Федорчукова Туралыкова, егда по ней за год един наста насилование, сиречь княжение великое досталось князю великому Ивану Даниловичю, купно же и досталось княжение Ростовское к Москве. Увыи, увьи тогда граду Ростову, паче же и князем их, яко отяся от них власть, и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся прочая потягну к Москве.

Егда изиде по великого князя велению и послан бысть от Москвы на Ростов, акы некый воевода, един от велмож, именем Василий, прозвищем Кочева, и с ним Мина. И егда внидоста въ град Ростов, тогда възложиша велику нужю на град да и на вся живущаа въ нем, и гонение много умножися, и немало их от ростовец москвичем имениа своа съ нуждею отдаваху, а сами противу того раны на телеси своём съ укоризною въземлющеи тыцима рукама отхождааху, иже последняго беденьства образ, яко не токмо имениа обнажени быша, но и раны на плоти своей подяша, яко и самого того епарха градскаго старейшаго болярина ростовскаго именем Аверкый стремглавы обесиша и възложиша на ня руце свои, и оставиша поругана. И бысть страх велик на всех слышащих и видящих сия, не токмо въ граде Ростове, но и въ всех пределех его.

И таковыя ради мужа раб Божий Кирил воздвижесе из веси оная предиреченныя Ростовскыя; и събрася съ всем домом своим, и съ всем родом своим въздвижесе, и преселися от Ростова въ Радонеж. И пришед, вселися близ церкви, нареченныя въ имя святаго Рожества Христова, еже и донныне стоит церковь та. И ту живяше с родом своим. Не един же сий, но с ним и инии мнози преселишася от Ростова въ Радонеж. И быша преселници на земли чюждей, от них же есть Георгий, сын протопопов, с родом си, Иоанн и Фёдор, Тормосов род, Дюдень, зять его, с родом си, Онисим, дядя его, иже последи

бысть диакон, Онисима же, глаголют, с Протасием тысяцким пришедша в ту весь, глаголемую Радонеж, юже даде князь великы сынове своему мезиному князю Андрею. А наместника постави въ ней Терентиа Ртища, и лготу людем многу дарова, и ослабу обещася тако же велику дати. Ея же ради лготы събрашася мнози, яко же и Ростовскыя ради нужда и злобы разбегошася мнози. (...)

О прогнании бесов молитвами святаго.

...Събравшим же ся мнихом не зело множайшим, но яко чисменем до двоюнадесят; от них же бе един старец Василий, рекомый Сухий, иже бе въ пръвых от страны пришедый от врѣх Дубны, ин же от них именем Иаков, рекомый Якута – сей би в чину образом яко посолник, его же колиждо отсылаху на службу, яко зело на нужную потребу, без нея же немощно обрессгися; другому же Онисим имя, иже бе диакон, диаконов отец Иелисеа глаголемаго. Келиам же зиждемым, и тыном огражденным, не зело пространейшим, но и вратаря сущих ту врат пристави, от них же сам Сергей три или четьре келии сам своима рукама създа. Но и прочаа вся монастырьскаа делеса яже братиам на потребу, служаше: ово дрова на раму своею от леса ношаше, и яко по келиам раздробляя и растесаа, разношаше на полена, разсекаа. Но что въспоминаю яже о дрoвex? Дивно бо поистине бе тогда у них бываемо видети: не суцу от них далече лесу, яко же ныне нами зримо, но иде же келиам стояти поставленным, тут же над ними и дрoвеса, яко осеняющи, обретахуся, шумяще стояху. Окрест же церкви часто колоды и пение повсюду обреташеся, уду же и различнаа сеахуся семена, яко на устройство оградным зелием. Но възвратимя паки на предиреченную беседу, яже о подвизе преподобнаго Сергия, како без лености братиам, яко куплений раб, служаше: и дрова на всех, яко же речеся, сечаше: и

тлькущи жито, въ жрьновех меляше, и хлебы печаше, и вариво варяше, и прочее брашно яже братиам на потребу устрааше. Обувь же и порты крааше и шияше; и от источника, сушаго ту, воду въ двою водоносу почерпаа, на своём си раме на гору възношаше и комуждо у келий поставляше.

В нощи же на молитве без сна пребываше; хлебом и водою точною питашеся, и того по оскуду приимаше; и николи же ни часа празден пребываше. И сице удручи си тело многим въздръжанием и великими труды, в нём же и плотская двизаниа бес пошествиа сътворяше. И паки болшаа подвига на подвига прилагаше, и печашеся о пребывании места того, яко дабы токмо благоприятен был труд его. И елико же что деаше, псалом въ устех его всегда беаше, еже рече: «Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да ся не подвижу». Сице же ему пребывающу въ молитвах и въ трудех, плоть истни си и иссуши, желаа быти горняго града гражанин и вышняго Иерусалима жителин. (...)

О начале игуменьства святого.

Пришед же преподобный отец наш игумен Сергей въ свой ему монастырь, въ обитель святыя Троица. Братиа же усретше его и поклоньшася ему до земля пред ним, радости. Испльнишася. Он же, вшед въ церковь, паде лицом на земли и съ слъзами молитву творяше к невидимому царю, взираше на икону святыя Троица, на помощь призываше святую Богородицу, служителя же престолу его небесньи силы Предтечу и мудрыя апостолы, с сими же началныя святителя – Василиа Великаго, Богослова Григория и Златоустаго Иоанна и вся святыя. Их же молитвами просит от десница Вседръжителя, дабы дал несумненно сменение у престола славы стати живоначалныя Троица и

кьснутися руками агньца Божиа, за мир заколеного Христа, сына Божиа.

И начят блаженный сиче кь братии глаголати Господом реченнаа: «Подвизайтесь, братиа, внити узкими враты, нужно бо есть царство небесное и нужници всьхыщают е». Павел же к Галатом глаголет: «Плод духовный есть: любви, радость, мир, трьпение, благоверие, кротость, въздержание». Давид рече: «Приидёте, чада, послушайте мене: страху Господню научно вы». И благослови братию, рек к ним: «Молите, братие, о мне: грубости бо и неразумна исполнен есмь. Талант приах вышняго царя, о нём же и слово отдати ми есть о пастве пещися словесных овец. Боязнию страшает мя слово, господем реченое: «Иже аще съблзнит единаго от малых сих, полезно быти ему, дабы жрьнов ослий обязан о выи его вьвръжен в море». Колми паче иже многы душа погрузит вь своём неразумии! Или възмогу дръзновенно глаголати: се аз и дети, яже ми дал еси, Господи! И услышу ли сий божественный глас гръним и нижним пастырям великого Господа, благосръдне вещающа: «Благий рабе верне! Вниди вь радость Господа своего».

И сиа рек, помышляше вь уме житиа великих светил, иже вь плоти живушей на земли ангельскы пожиша, реку, Антониа Великого, и великаго Евфимиа, Саву освящённаго, Пахомиа ангеловиднаго, Феодосиа общежителя и прочих. Сих житию и нравом удивлялся блаженный, како плотяни суще, бесплотныя врагы победиша, ангелом съжители быша, диаволу страшнии. Им же цари и человеци удивльшеса, к ним приристаху, болящей различными недугы исцелеваху, и в бедах теплии избавители, и от смерти скории заступници, на путех и на мори нетруднии шественици, недостатствующим обилиии предстатели, нищим крьмители, вдовам и

сиротам неистощаемое съкровище, по божественному апостолу: «Акы ничто же имуще, а все съдръжаше». Сих житиа на сердци имеа, блаженный моляшеся къ святей Троици, дабы невъзвратно шествовати по стопам сих преподобных отец.

Божественную на всяк день служаше литургию, утренняя же и вечерняя молитвы, нетрудно славословяше, и о смирении всего мира, и о благостоянии святых церквий, и о православных царих, и князех, и о всех православных христианех. Глагола къ братиаи: «Подвиг немал длъжно ны есть подвизатися на невидимаго врага: съй бо акы лев рыкаа ходит, ища кождо, хотя проглотите». Мала же некаа словесы глаголаше, наказая братию, множайшаа же паче делесы сам образ бываше братии.

Кто достигнет поистине исповедати добродетелнаго житиа его, бдагодати цветущи въ души его? Вельми вооружашеся на съггровивныя сила, силою възмогаем святя Троица. Многажды же диавол хотя устрашити его, овогда же зверми, овогда же змиями претваряшеся. И очивестъ или в келии, или егда в лесе блаженный дровца збираше на потребу монастырскую, внезапу враг многообразною злою покушашеся поне мысль ему съвратити от молитвы и от добродетелных трудов его. Богоносный же отец наш Сергей вся неприязненная его мечтания и козни акы дым разганя и акы паучину претръзаше, силою крестною въоружаем, евангельское слово на сердци полагаая, Господем реченная: «Съ дах вам власть наступати на змиа и на скорпия, и на всю силу вражию».

В начало же игуменства его беаше братиа числом двенадесяте мних кроме самого игумена, третягонадесяте. Съ же число двоенадесятное обреташеся мних, сице живяху тогда, и по два лета и по три, ниже боле сего умножашеся, ниже менши сего умялахуся. И

аще ли когда един от них или умрёт, или изыдет от обители, то паки другой на его место брат прибудет, да не число истощимо обрящется. Но единаче въ едином числе двоинадцетнем бяху пребывающе, яко некоторым от сего глаголати: «Что убо будет сей? Или повсегда двеманадцет мнихом быти в месте сем, по числу 12 апостол, яко же есть писано: «Призва Господь ученикы своа и избра от них 12, яже и апостолы нарече»; или по числу двоюнадцет колен Израилев, или по числу 12 источник вод, или по числу избранных камней драгих 12, бывших на ризах архиерейских по чину Аароню?» И сиче им пребывающим, дондеже прииде к ним Симон, архимандрит Смоленский, и тѣй разрушит число двоенадцетное; и оттоле братиа множахуся от того дни боле, и уже числяхуся множайшим числом паче, нежели двоенадцетным.

Елма же о реченем Симоне вмале помянухом, и не ленюсь паки поведати о нём пространнее, его же память не утаю, и беседа, яже о нём, яве его творит, и добродетели его, мало пошедши напреди, явствуются.

Сии убо дивный муж Симон бяхе архимандрит старейший, славный, нарочитый, паче же рещи, добродетельный, живой въ граде Смоленске. И оттуду слышав яже о житии преподобнаго отца нашего Сергия и ражеся душею и сердцем: оставляет архимандритию, оставляет честь и славу, оставляет славный град Смоленск, вкупе же с ним оставляет отчество и другы, ужикы, ближники, и вся знаемая и срьдоболя; и въсприемлет смиренна образ, и произволяет странничьствовати. И оттуду въздвижеса, от таковыя от далняя страны земля, от Смоленска, в Московськаа пределы, еже есть в Радонеж. Прииде в монастырь къ преподобному отцу нашему игумену Сергию, и съ мнозем смирением моляше его, дабы его приал жити у

него под крепкою рукою его въ повиновении и в послушании. Ещё же и имение принесе съ собою и предасть то игумену на строение монастырю. Преподобный же Сергей приат его с радостию. Симон же по много лет поживе в покорении и в послушании, паче же въ странничестве и въ смиреннии, и всеми добродетелми испльнен, и въ старости добре преставися къ Богу. Игумен же Сергей проводи его до гроба и съ братиами погребѣ его чьстно; и тако бысть вечнаа ему память.

О Иване, сыне Стефанове.

...И паку откуду кто начаался сего, еже бо место то было прежде лес, чаща, пустыни, иде же живяху зайци, лисици, волци, иногда же и медведи посещашу, другойци же и бесы обретахуся, туда же ныне церковь поставлена бысть, и монастырь велик възгражен бысть, и инок множество съвокупися, и славословие и въ церкви, и в келиах, и молитва непрестающа къ Богу? Всему тому начало и вина преподобный отец наш Сергей. Но уведайте, яко удиви Господь преподобнаго своего. А отнележе поставлен бысть въ игуменство по вся дни святая литургия бываше, просфиры же сам печаше: прежде бо пшеницу толчаше и меляше, и муку сеяше, и тесто мясяше и квасяше. Ти тако исплѣкши просфиры, служаше Богу от своих праведных трудов, иному не дааше никому, аще и зело хотяху мнози от братиа пещи просфиры, но преподобный тщашеся быти учитель и делатель. И кутию сам варяше, и свечи скаше, и кануны творяше.

Преподобный же отец наш игумен Сергей аще и приал игуменство старейшинства, но обаче не измени правила своего чьрньчьскаго, на памяти имея рекшаго: «Иже кто въ вас хочет быти старейши, да буди всех менши и всем слуга». На то учение Спасово взираше, смиряше себе, и менши всех творяшеся, и собою образ всем

творя, и на дело преже всех исходя, и на церковное пение преже всех обреташеся, и никако же на стену въскланяся; и оттоле уцветаше место то, и множахуся братиа.

Обычай же в начало игуменьства своего сиецв имеяше: еже всякому приходящему к нему и хотящему быти мниху, желающему остришися, не отрешаше убо никого же, ни стара, ни уна, ни богата, ни убога, но всех принимаше с усердием и с радостію.

Но не ту абие постризаше его, но преже повелеваше ему облещися въ свиту длъгу, еже от сукна черна, и в ней преходити съ братіями время доволно, дондеже извыкнѣше весь устрой монастырскій. Таче по сих облачашеся и въ мнишескую одежду, акы въ всех службахъ искушена, и остригъ облачит, и в мантию и клобукъ. А егда будяще съврѣшен чрънецъ, житіемъ честнымъ искусенъ сый, а такового сподобляемъ приати святую схиму.

Елма же убо еже в начале игуменьства его, ввсегда преподобному Сергію просіати в мѣсте своёмъ, в монастыре, зоводемъ «иже в Радонеже», ввсегда имени его обносимому быти всюду, по странамъ же и градомъ – вѣсть бо добродетель явлена сътворити, стяжавшаго ю не менши, паче нежели свѣща носящаго ю – тогда мнози от христороубецъ любве ради Божіа издалеча приходяху к нему, и житіа суету оставляюще, и подъ благый яремъ Господень своа выа подлагааху. Понеже повсегда тому ученици прилагахуся; призываху бо еже оногo благодатей источници добродетельнѣшъ душа, яко еленя словесныа, желающе воды духовныа.

Имеаше же обычай блаженный сиецв испрѣва: еже по павечернице поздно или долго вчера, акы сушу глубоко нощію, паче же в темныа и длъгыа нощи, сътворивъ молитву в келии своей, и по молитве исхожаше из келиа своа, еже обходити ему вся келиа мниховы. Имея

попечение о братии своей, не токмо телесы их промышляше, но и о душах печашеся, уведати хотя коегождо житие их или желание к Богу. И аще кого услышаше или молитву творяща, или поклоны кладуща, или рукоделие своё съ безмолвием и с молитвою творяща, или святыя книги почитающа, или о гресех своих плачущася и сетующа, о сих убо радовашеся, и Бога благодаряше, и за них Бога моляше, дабы до конца съвршиили доброе своё предложение: «Претръпевый бо, – рече, – до конца – той спасётся».

Егда же ли кого слышаше беседующа, два или трие съшедшеся вкупе, или смехы ткуща, о сём убо негодоваше и зело не тръпя таковыя вещи, рукою своею ударяше въ двери, или въ оконце потолкав, отхожаше. Сим образом назнамёнав тем своё к ним прихождение и посещение, и несведомым накинovenием празныя беседы их разоряше. Таче наутриа в настоящий день призываше к себе; и не ту абие скоро запрещайте им, и не съ яростию обличаше я и наказаше а, но яко издалеча с тихостию и кротостию, аки притчами наводя, глаголаше им, хотя уведати тщание и усрьдие их еже къ Богу. И аще будяше брат покорлив, и смирен, и тёпл на веру и на любовь Божию, то въскоре, узнав свою вину, съ смирением пад, поклоняшеся ему, прощения приати прося от него. Аще ли паки будяше брат непокорлив, омрачением бесовьским сердце покровено имея, стояше мя, яко не о нём глаголят, сам чист ся творя, дондеже преподобный съ длъготръпением обличаше его, по реченному: «Покажется праведник милостию своею, обличит мя». А непокорливаго брата епитемею облагаше, аky не познавша на себе своя вина, еже непщевати вины о гресех; и сице того, еже къ исправлению утвърдив, отпустяше. И тако всех учаше еже прилежно молити къ Богу, и не беседовати ни с кым же по павечерней молитве,

и не преходити комуждо от своя келиа без великия нужныя потребныя вещи по чюжим келиам, но во своей келии комуждо втайне молити Бога наедине и своё рукоделие, якоже рука его может делати по силе, по вся дни псалмы Давидовы присно въ устех своих повсегда имуще. (...)

О съставлении опцега Житиа.

...И тако Сергие взем благословение, абие възвратися в монастырь свой и повеле позвонити в било. И братиаи всем събравшимся, и начят им Сергие глаголати: «Разумно да будет, отци и братия, се пишет патриарх Константина града и повелевает нам общее житие жити, тако же и митрополит Алексие. Вы же что съвещавайте о том?» Они же с радостию приемше слово реченное, глаголяще: «Мы убо зело желаем общаго житиа, аще Богу хотящу». Святыи же зело рад бысть о единосъгласии братиаи и помышляше, нечто Божие быти. И тако разделиша братию по службам: ового келара, ового же повара, иным же хлеба реша печи, иному же болным служите. Приложиша же и то никому же ничто же не дръжати отнудь – ни мало ни много, ни своим звати, но вся обща имети. Ини же не възхотеша, паче же недостойни быша званию; отаи изыдоша из монастыря. И оттоле уставися обще житие даже и до сего дне въ похвалу святыа Троица.

О преставлении Алексиа митрополита.

Видев же себе митрополит Алексие от старости изнемогша. И абие посла единого от боляр своих, иже призва святаго Сергия. Пришедшу же святому Сергию, видеv же его митрополит и рече ему: «Добре прииде, чадо!» Сергие же отвеща: «По повелению твоему приидох, не могый преслушатися твоего звания. Мы бо раби неключими есмы, иже длъжни бехом сътворити – сътворихом».

Повеле же митрополит изнести крест зело красен, златом и каменiem украшен и параманд честен. Взем же един от боляр и, въстав, даст святому Сергиу, рек: «О честный отче, отец твой Алексие митрополит благословяет тя и дарует ти крест и с парамандом, иже достоить святому ти преподобиу». Он же сътвори поклонение, глаголя: «Прости мя, владыко: ни бо от юности моя не бых златоносец, ныне же на старость паче хотел бы в нищете пребывати и тако проходите убогое своё житие». Митрополит же отвеща ему: «Вем известно, яко сия исправил еси. Но створив послушание, взми от моею руку, яко да поминаеши мя въ святых твоих молитвах». Святыи же не могы преслушати его, рече: «Владыко, имею на себе крест и парамант». Тъи же повеле сняти с него, сего же своею рукою възложи на нь. Повеле же изыти всем. Сед же наедине, начат ему вещати, рек: «Веси ли, преподобие, на что призвах тя и что хошу еже о тебе сътворити?» Сергие же отвеща: «Не вем, господи мой». Он же к нему: «Се аз съдръжах русьскую митрополию, елико Богу хотящу, мню, яко 24 лет, иже не утаися святаго ти преподобна. Ныне же вижду себе к концу приближешася, тъкмо не вем дне скончания моего. Желая же и пекуся о сём, кто будет таковый, могый спасти стадо Христово. И о всех недоумевся, тебе единого обретох, достойна суща таковыя благодати, могуща исправити слово истины. Изволих же прежде възвестити ти, та же и князю о том явленно сътворю. Известно бо аз знаю, яко и сам князь великий зело желает тя и вси боляре его. Прежде убо епископства саном почтён будеши, по моей же смерти и ты в место моё будеши». И нека от апостола и от божественных писаний изрѣк к нему, хотя его тем къ своей воли повинути.

Сергие же зело оскръбися, яко и образу изменитися, и рече ему: «Прости мя, владыко, яко выше меры моя есть дело сие. Кто бо есмь

аз, грешный и худый паче всех человек, такому сану? И выше своа меры въсходити на степень, егоже несъм достоин ни взирати. Но молюся тебе, владыко святыи, ниже мене, ниже иному кому о том не глаголи, еже въсприати ми сана». Много же его молив о въсприати. Тый же отвеща: «Аще велиши ми с нуждею въсприати, его же несъм достоин, никто не может то обрести въ мне». Он же, видев его непреклонна, ниже хотяща въсприати сана, паче же убоася, яко да не стужив си (не перенеся этого), отидет въ внутренюю пустыню, и такова светилника лишится. И не хоте ему много стужати (досаждать), но учреди его (благословив его), отпусти въ свой ему монастыр.

О видении братства.

Некогда же святому во обычнем своём правиле бдящу и о братии молящуся, яко да Господь поспешить им во объхождении дневных преспяних, и тако ему молящуся, вечеру сущу глубокоу, слыша глас, глаголющ: «Сергие!» Он же удивися о необычном в нощи звании и, сътворив молитву, откры келиа оконьце, хоте уведети глас бывший. И абие зрит видение чудно: свет бо велии явися с небеси, яко всей нощней тьме отгнан быти, и толицем светом нощь она просвещена бе, яко дневной свет превосходити светлостию. Взгласи же второе, глаголя: «Сергие, молишися о своих чадах, и Господь моление твоё прият. Смотри же опасно (внимательно) и виждь множество инок во имя святыа и живоначалныа Троица, шедшихся въ твою паству, тобою наставляеми». Святыи же возрев, видит множество птиц, зело красных (красивых), прилетевших не токмо в монастыр, но и округ монастыря. И глас убо слышашеся, глаголющ: «Им же образом видел еси птица сиа, тако умножиться стадо ученик твоих и по тебе не оскудеют, аще хотять стопам твоим последовати». Святыи же дивляшеся оному неизречённому видению.

Съобщника же и сведётеля устроити хотя сему видению, возгласив, призывает предречённого Симона, яко близ суша. Симон же удивися старьца званию и скоро притече, но убо всего видения не сподобился, но часть некую света оногo узре и зело удивися. Исповеда же ему святыи вся по ряду (по порядку), яже виде и яже слыша; и бяху убо вкупе радующесе душею и трепещущу от неизречённого видения.

Сергий Радонежский и Куликовская битва

В этой подборке документов приведены выдержки практически из всех известных источников, так или иначе затрагивающих сюжеты, сформировавшие в конечном итоге легенду о Сергиевом благословении Дмитрия Донского перед сражением на Куликовом поле. Сюда вошли отрывки из Жития Сергия (причём отдельно даны Епифаниевская и Пахомиевская версии рассказа), «Задонщины» (рубеж XIV – XV вв.), где упоминаются Пересвет и Ослябя, Летописной повести (XV век) и, наконец, «Сказания о Мамаевом побоище» – источнике конца XV – начала XVI столетия, где наиболее подробно развёрнут сюжет о Сергиевом благословении.

О побеждении татар и иже на Дубенке о монастыри (вариант Епифания Премудрого).

Некогда же приде князь великий в монастырь къ преподобному Сергиу и рече ему: «Отче, велиа печаль обдержит мя: слышах бо, яко Мамай въздвиже всю орду и идёт на русскую землю, хотя разорити церкви, их же Христос кровию своею искупи. Тем же, отче святыи, помолити Бога о том, яко сия печаль обща всем християном есть». Преподобный же отвеща: «Иди противу их, и, Богу помагающе ти, победиши, и здрав съ вой своими възвратишися. Токмо не малодушьствуй!» Князь же отвеща: «Аще убо Бог поможет ми

молитвами твоими, то пришед, поставлю церковь въ имя пречистыа владычица наша Богородица, честнаго ея Успения, и монастырь съставлю общаго житиа».

Слышанно же бысть, яко Мамай идёт с татары с великою силою. Князь же, събрав вой, изыде противу их. И бысть по пророчеству святаго Сергия: и победив, татары прогна, и сам здрав съ вой своими възвратися. И тако молив святаго Сергия обрести место подобно, иде же црковь сътворити. И тако обретше место подобно, призва же и князя великаго и основаста церковь, иже и вскоре сътвориша церковь красну во имя пречистыа владычица нашеа Богородица и приснодевица Мариа, честнаго ея Успения, и съставиша обще житие; и постави же единого от ученик своих игумена въ в том монастыри имянем Саву, еже бысть преже въ его монастыри великом духовник всему братству, старец честен и учителен зело.

И прозваста тый монастырь «еже есть на Дубенке». Сам же преподобный отиде въ свой монастырь. И не толико святой Сергие монастырей съставлей, елико zde написахом, но многы. И от своих ученик в тех обителях учини начальствовати чюдных житием и тако Божию благодатию и молитвою святаго старца, своего учителя, последуа, добре и чюдне упасоша своя стада. И к Господу отидоша в радость неизречённую и къ своему учителю.

О победе, еже на Мамайа и о монастыре, иже на Дубенке (вариант Пахомия Серба).

Бысть убо Богу попускающу за грехы наша, слышано бысть, яко ординьскый князь Мамай въздвиже силу велику, всю орду безбожных татар, идёт на Русскую землю. И бяху вси людие в страсе велице утесняеми. Князь же великодръжавный, иже тогда скипетры Руских стран обдержа, достохвалный и победоносный великий Дмитрий да

глаголется. Сей убо приде к святому Сергию, якоже велию веру имеа к старцу въпросити его, аще повелит ему противу безбожных изыти: ведяше бо мужа добродетелна суща и дар пророчества имуща.

Святыи же яко услыша сия от великого князя, благословив его, молитвою вооружив и рече: «Подобает ти, господине, пещись о врученном от Бога христоименитому стаду: поиди противу безбожных и Богу помагающу ти победиша и здрав в своё отечество с великими похвалами возвратиши». Великий же князь рече: «Аще ми Бог поможет, отче, поставлю монастырь во имя пречистые Богоматере». И сия рек, восприём благословение отиде, поиде скоро.

И тако, събрав вся воя своя, приспе противу безбожных татар; и увидев силу их и зело множество, сташа съмняющиеся, страхом мнози от них обияти быша, помышляюще, что сътворити. И се внезапно в той час приспе борзоходець с посланием от святого, глаголюще: «Без всякого съмнения, господине, с дръзновением поиди противу свирепства их, никакоже ужасатися, всяко поможет ти Бог». И абуге князь великий Дмитрие и всё воинство его от сего велику дръзость восприимше, изыдоша противу поганых, сие слово рек: «Боже великий, сътворивый небо и землю! Помощник ми буди на противьники святому ти имени».

И тако сразившись, многа телеса падааху и Богу помогшу великому победоносному Дмитрею, и побеждены быша погании татарове и конечней пагубе предани быша: видевше бо окааннии на себе богопустный гнев и Божие негодование, вси на бегание устремишась. Крестоносная же хоругвь довольно гнав вслед спротивны, множество бесчислено убиваше: овии же язвени отбегоша, иных же живых руками яша. И бяше чудно зрение и дивна победа, иже преже блистающась оружиа, тогда же вся окровавлена

кровьми иноплемённых, и вси образы победы ношааху. И zde збытсья пророчское слово: «Един гоняше тысящу, а два тму».

Святый же тогда по предиреченному, яко прозорливый имея дар, ведяше, яко бли(з) вся бываемая, зряше издалече: бяше растоание местом и многы дни хождением, – на молитве с братиею Богу предстоя о бывшей победе на поганых. Малу же часу мимошедшу яко до конца побежени быша безбожнии, вся предсказоваше братиам бывшая святый: победу и храборство великого князя Дмитрия Ивановича, преславно победу показавша на поганых, и от них избиненых сих по имени сказа, и приношение о них всемилостливому Богу принесе. Достохвалный и победоносный великый князь Дмитрие, славу победу на съпротивныя варвары възем, възвращается светло в радости мнозе в отечество и незамедлено прииде к старцу святому Сергию, благодать въздая ему о добром съвещании, и всесилнаго Бога славляше, и о молитвах благодаряше старца и братию. В веселии сердца бывшаа вся исповедаше, како възвеличи Господь милость свою на нём; и милостыню многу в монастырь дасть, и тако възпоминает желателно великодръжавный старцу, о нём же отвещая, хочет скоро на дело извести, пречистой Богоматери монастырь в имя ея устроити, где обретається место, угодно к строению. Старец же Сергей шед, поискав, обрете место удобное на реце, зовомой Дубенке...

О Митяи.

По преставлении же Алексеа митрополита взиде на место его некий архимандрит именем Михаил и облечеса сам въ одёжу митрополитову, възлож на ся белый клобук и мантиу съ источники, и дани, яко же митрополиту, даяху. Бяше бо и преже того хотел князь великый, но Алексие никакo же сего предреченнаго Михаила не

всхоте. Мнев же тый Михаил, яко Сергие о том глагола митрополиту, да не тый будет по смерти его. И тако начат вѣоружатися на святаго. Слышав же то святыи Сергие, абие рече всему множеству братии, яко сего Михаила, хвалящагося разорите святое место сие, никако же сана възприати ему, его же несть достоин, но и ещѣ и Царского града не имат видети, еже и бысть, понеже, егда идяше в Константин град, тогда разболеса въ корабли. И тако не доплув вышереченнаго града и абие умре по пророчеству святаго Сергия. И оттоле имеаху людие святаго, яко некоего велика пророка.

Список павших из Кирилло-Белозерского списка Задонщины:

...Тогда же не тури възрыкають на поле Куликове на речке Непрядве, взопаша (о) избииени от поганых князи великих и боярь сановных, князя Фѣдора Романовича Белозерскаго и сына его князя Ивана, Микулу Васильевича, Фѣдоръ Мемко, Иванъ Сано, Михаило Бренковъ, Иаковъ Ослебятинъ, Пересветъ чернецъ и иная многая дружина. (...)

Отрывок из Пространной Задонщины:

...Черньца Пересвета, брянского боярина, на судное место привели. И рече Пересвет чернец великому князю Дмитрию Ивановичу: «Луче бы нам потятым быть, нежели полоняным быта от поганых». Тако бо Пересвет поскакивает на борзе кони, а злаченным доспехом посвечивает. И рече: «Добро бы, брате, в то время стару помолодится, а молодому чести добыта, удалым – плечь попытати».

И молвяше брат его Ослабе черънец: «Брате Пересвет, уже вижу на теле твоём раны, уже голове твоей летети на траву ковыл, а чаду моему Якову на ковыли зелене лежати на поли Куликове за веру христьянскую и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича». (...)

Из Пространной Летописной повести о Куликовской битве:

...И скончав молитву, (Дмитрий Иванович) иде к Пречистой и к епископу Герасиму и рече ему: «Благослови мя, отче, поити противу окаянного сего сыроядца Мамаю и нечестиваго Ягайла и отступника нашего Олга, отступившаго от света в тму». Святитель же Герасим благослови князя и вся воя его поити противу нечестивых агарян...

...Великий же князь привде к реце к Дону за два дни до Рожества Святыя Богородица. И тогда приспела грамота от преподобного игумена Сергия и от святаго старца благословение, в ней же написано благословение таково, веля ему битися с татары: «Чтобы еси, господине, таки пошёл, а поможет ти Бог и Святая Богородица». (...)

(в конце Повести, в списке павших упоминается Пересвет:)
«Александр Пересвет, бывый преже болярин брянский»...

Из Сказания о Мамаевом побоище:

Князь же великий Дмитрий Иванович, поим с собою брата своего, князя Владимира Андреевича, и вся князи русские, и поеде к живоначальной Троици на поклон к отцу своему преподобному старцу Сергию благословенна получите от святыя тоа обители. И моли его преподобный игумен Сергий, дабы слушал святую литоргию, бе бо тогда день въскресный и память святых мученик Флора и Лавра (здесь хронологическая ошибка – день памяти св. мучеников Флора и Лавра в 1380 году приходился на вторник 18 августа. – А. П.). По отпуге же литургии, моли его святой Сергий с всею братьею, великого князя, дабы вкусил хлеба в дому живоначальные Троица, в обители его. Великому же князю нужно есть (в данном контексте следует читать: «великий же князь торопился». – А. П.), яко придоша к нему вестници, яко уже приближаются погани половци, моляше преподобнаго, дабы его отпустил. И рече ему преподобный старец: «Се ти замедление сугубо

ти поспешение будет. Не уже бо ти, господине, ещё венец сия победы носити, нь по минувших летѣх, а иным убо многим ныне венцы плетутся». Князь же великий вкуси хлеба их, игумен же Сергей в то время повеле освящати с мощей святых мученик Флора и Лавра. Князь же великий скоро от трапезы встаеть, преподобный же Сергей окропи его священною водою и всё христоролюбивое его вѣнство и дасть великому князю крест Христов – знамение на челе. И рече: «Пойди, господине, на поганья половци, призывая Бога, и Господь Бог будет ти помощник и заступник». И рече ему тайно: «Имаши, господине, победити супостаты своя, елико довлеетъ твоему государству». Князь же великий рече: «Дай ми, отче, два вѣна от своего плѣку – Пересвета Александра и брата его Андреа Ослябу, ты ты и сам с нами пособьствуеши». Старец же преподобный повеле има скоро уготовитися с великим князем, бе бо ведоми суть ратницы в бранех, не единому сту наездници. Они же скоро послушание сътвориша преподобному старцу и не отверьгошася повеления его. И дасть им в тленных место оружие нетленное – крест Христов нашыт на скымах, и повеле им вместо шоломов золочѣных възлагати на себя. И дасть их в руце великому князю и рече: «Се ти мои оружници, а твои изволници». И рече им: «Мир вам, братие моя, крепко постражите, яко добрии вѣни по вере Христовой по всем православном христианстве с погаными половци!» И дасть Христово знамение всему вѣнству великого князя – мир и благословение...

«...Аз (Олег Рязанский) чаях по преднему (сначала), яко не подобаетъ русским князем противу вѣсточнаго царя стояти. И ныне убо, что разумею? Откуда убо ему помощь сия прииде, яко противу трѣх нас въоружися?»

Глаголаша ему бояре его: «Нам, княже, поведали от Москвы за 15 дний, мы же устыдохомся тебе сказати: како же в вотчине его есть, близь Москвы, живёт калугер, Сергием зовуть, вельми прозорлив. Тъй паче въоружи его и от своих калугер дал ему пособники». Слышав же то, князь Олег резанский начат бояться и на бояре свои нача опалатися и ярится: «Почто ми не поведали преже сего? Тъ аз бых послал и умолил нечестиваго царя, да ничто же бы зло сътворилося»...

...В то же время прииде к нему (Дмитрию) посол с книгами (посланием) от преподобнаго старца игумена Сергия, в книгах писано: «Великому князю, и всем русским князем, и всему православному въйску мир и благословение!» Князь же великий, слышав писание преподобнаго старца и целовав посольника любезно, тем писанием утврвдися, акы некими крепкими бранями. Ещѣ же дасть посланный старец от игумена Сергия хлебец пречистыа Богородица, князь же великий снеде хлебець святыи и простѣр рuce свои, възопи велегласно: «О велико имя всесвятыа Троиця, о пресвятая госпоже Богородице, помогай нам твоя молитвами и преподобнаго игумена Сергия, Христе Боже, помилуй и спаси душа наша!»

...Уже бо близ себе сходящися силныа плъкы, выеде злыи печенег из великого плъку татарскаго, пред всеми мужеством являся, подобенъ бо бысть древнему Голиаду: пяти сажень высота его, а трёх сажень ширина его. Видев же его Александръ Пересветъ, старецъ, иже бе в плъку Владимира Всеволодовича и, двигнувся ис плъку, и рече: «Сей человек ищеть подобна себе, аз хошу с ним видетися!» Бе же на главе его шелом архангельскаго образа, въоружен скимою, повелением игумена Сергия. И рече: «Отци и братиа, простите мя грешнаго! Брате Андрей Ослебя, моли Бога за мя. Чаду

моему Иакову – мир и благословение». Напусти на печенег и рече: «Игумен Сергей, помогай ми молитвою!» Печенег же устремися противу ему, христиане же вси възкликнуша: «Боже, помози рабу своему!» И ударишася крепко копии, едва место не проломися под ними, и спадше оба с коней на землю и скончашеся».

Литература.

В качестве дополнительной литературы можно использовать все книги, указанные в приложении к предыдущему очерку о митрополите Алексии, а также следующие издания:

Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Чудотворца и Похвальное Слово ему // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1885. Вып. 58.

Тихонравов Н. С. Древние Жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892.

Просвирник А. В похвалу преподобному Сергию, игумену Радонежскому, всея России чудотворцу // Богословские труды. М., 1973. Т. 11.

Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1993. Т. 5.

Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.

Жизнь и житие Сергия Радонежского. М., 1991.

Преподобный Сергей Радонежский. М., 1992.

Белоброва О. А. Посольство константинопольского патриарха Филофея к Сергию Радонежскому // Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. 1958. Вып. 2.

Дроблѣнкова Н. Ф., Прохоров Г. М. Епифаний Премудрый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1.

Дроблѣнкова Н. Ф. Житие Сергия Радонежского // Там же.

Кириллин В. М. Епифаний Премудрый как агиограф преподобного Сергия Радонежского: проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1994. Сборник 7. Ч. 2.

Клосс Б. М. Жития Сергия и Никона Радонежских в русской письменности XV – XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. Ч. 2.

Борисов Н. С. И свеча бы не угасла... М., 1990.

Иловайский Д. И. Куликовская победа Дмитрия Ивановича Донского // Иловайский Д. И. Очерки отечественной истории. – М., 1995.

Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. – М., 1989 (репринт с издания: М., 1871).

Ключевский В. О. Исторические портреты. – М., 1990.

Кучкин В. А. Дмитрий Донской и Сергей Радонежский // Церковь, общество и государство в истории феодальной России. М., 1990.

Кучкин В. А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10.

Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси XIV – XVI вв. Новосибирск, 1991.

Федотов Г. Святые Древней Руси. – М., 1990.

Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в XVI – XVII вв. М., 1996.

ПРИМЕЧАНИЯ

В. Р–в. Сергей Радонежский (в мире Варофоломей).

Приводится по: Энциклопедический словарь / Под ред. К. К. Арсеньева и Ф. Ф. Петрушевского; Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1900. Том 29а. С. 647 – 648.

Краткое житие преподобного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, чудотворца

Приводится по: Краткое житие преподобного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, чудотворца. Изд. 3-е. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010. В данном издании публикуется по: Сокращённое житие преподобного отца нашего Сергия, игумена Радонежского. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904.

Протоиерей С. Покровский. Житие Преподобноу и Богоносноу отца нашего Сергия, игумена Радонежского, чудотворца.

Первая публикация текста состоялась в Москве в 1911 году. В данном издании житие приводится по: Протоиерей С. Покровский. Житие Преподобного Сергия Радонежского. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2012.

Чарская Л. Один за всех. Повесть о жизни великого подвижника Земли Русской.

Приводится по: Чарская Л. А. Один за всех. СПб.- М.: Товарищество М. О. Вольф, 1912.

Каллаш М. Подвиг Святого Сергия Радонежского и дело митрополита Сергия.

Каллаш Мария Александровна (Kallache; урожд. Новикова; писала также под псевдонимами Гаррис, М. Курдюмов) (18 декабря 1885 г. Тверская губерния – 26 февраля 1954 г., Париж) – русский литературовед, публицист. Писала под псевдонимами Гаррис и М. Курдюмов. Текст о Сергии был опубликован под псевдонимом М. Курдюмов.

Текст приводится по изданию: К свету. Вып. 13. М., 1994. С. 65 – 67. Там со ссылкой на: Домострой. 1992. № 40. С. 11.

Концевич И. М. Великий печальник земли русской Преподобный Сергий Радонежский (1314 – 1392).

Концевич Иван Михайлович (1893 – 1965) родился в Полтаве. Учился на математическом факультете Харьковского университета. В 1916 году посетил Оптину Пустынь и с тех пор находился под духовным руководством старцев. Участвовал в гражданской войне. Окончил военно-инженерное училище в Галлиполи. В 1930 году окончил физико-математический факультет Сорбонны, одновременно зарабатывая физическим трудом. Стал специалистом по электрификации. В 1948 году окончил Свято-Сергиевский православный богословский институт в Париже. Написал кандидатскую диссертацию на тему «Стяжание Духа Святого в путях Древней Руси». В 1952 году переехал в США. Некоторое время преподавал патрологию в Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле. Скончался в Сан-Франциско 6 июля. Сочинения: Стяжание Духа Святого в путях древней Руси. Париж, 1952; Иеросхимонах Нектарий, последний оптинский старец.

Джорданвилль, 1953; Истоки душевной катастрофы Л.Н.Толстого. Мюнхен, 1960; Оптиная Пустынь и её время. Джорданвилль, 1970; The Northern Thebaid. Platina, 1976. Текст о Сергии Радонежском приводится нами по: Концевич И. М. Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси. М., 1994 (это один из разделов главы IV – «Русское Монашество (X – XVII века»).

Кучкин В. А. Сергий Радонежский.

Приводится по: Вопросы истории. 1992. № 10. С. 75 – 92. Рубрика «Исторические портреты». Все сноски, приводимые в нашем издании, принадлежат автору статьи.

Петров А. Е. Сергий Радонежский.

Приводится по: Великие духовные пастыри России: Учебное пособие для вузов, колледжей, лицеев, гимназий и школ / Под ред. А. Ф. Киселёва. М.: Гуманитарный центр «Валдос», 1999. С. 183 – 220. Все сноски, приводимые в нашем издании, принадлежат автору статьи.

В качестве дополнительной литературы можно использовать все книги, указанные в приложении к предыдущему очерку о митрополите Алексии ... Имеется в виду очерк, опубликованный в том же сборнике, что и очерк А. Е. Петрова: Кузьмин А. Г. Митрополит Алексей // Там же. С. 156 – 182. А. Г. Кузьмин рекомендует следующую литературу (Там же. С. 182):

Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 10 – 11; М., 1965. Т. 15; СПб., 1913. Т. 18; М., Л., 1949. Т. 25; М., 1965. Т. 30.

Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950.

Присулков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – XV веков. М.; Л., 1950.

Памятники древнерусского канонического права // Русская историческая библиотека. СПб., 1880. Т. VI.

Барсов Т. Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью. СПб., 1878.

Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV – XV веков. М., 1986.

Будовниц И. У. Монастыри на Руси в XIV – XVI веках и борьба с ними крестьян. М., 1966.

Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1900 – 1911. Т. 2.

Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV – XV вв.). М., 1975.

Жуковская Л. П. Митрополит Алексей и его перевод Чудовской рукописи Нового завета 1354 г. // Культура средневековой Москвы. М., 1995.

Клюг Эккехард. Княжество Тверское (1246 – 1485). Тверь, 1994.

Карташёв А. В. Очерки по истории русской Церкви. М., 1991. Т. 1.

Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. М., 1965.

Кузьмин А. Г. Церковь и светская власть в эпоху Куликовской битвы // Вопросы научного атеизма. М., 1988. Вып. 37.

Мейендорф И. Ф. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке. Париж, 1990.

Муравьёва Л. Л. Московское летописание второй половины XIV – начала XV века. М., 1991.

Насонов А. Н. Монголы и Русь. М., 1940.

Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918.

Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Л., 1978.

Прохоров Г. М. Алексей (Алексий) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2.

Соколов Пл. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV века. Киев, 1913.

Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV – XV веках. М., 1957.

Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI – XVI вв.). М., 1986.

Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV – XV веках. М., 1960.

Хотелось бы процитировать мнение С. Антоненко об очерке А. Е. Петрова. «Увлекательной как для читателя, так, очевидно, и для самого исследователя попыткой воссоздания подлинного облика одного из самых известных русских святых является очерк А. Е. Петрова “Сергий Радонежский”. Для автора характерен критический подход к источникам, стремление “разобраться в противоречиях”, проанализировать их, чтобы достичь “адекватного понимания деятельности Сергия”. Позитивистская исследовательская мотивация сочетается у биографа “всероссийского чудотворца” с искренней заинтересованностью в выяснении сути нравственного ориентира, того житейского идеала, который дал миру Сергий. Основываясь на изучении и сопоставлении агиографических и летописных материалов, автор бестрепетно разрушает ту гармоническую канву жития Преподобного, которая во множестве пересказов кочует из одного издания в другое. Историк расстаеться с версией поездки

Дмитрия Донского в Троицкий монастырь, о пророчествах и благословениях игумена накануне Куликовской битвы (вообще, по мнению А. Е. Петрова только “ рязанская миссия Сергия стала единственным достоверным фактом участия троицкого игумена в политических событиях своего времени”); высказывается предположение, что легенда о дарах Константинопольского патриарха Филофея Сергию и патриаршем благословении на введение на общежитийного устава в обители была вставлена в текст Жития в эпоху Василия II, в эпоху идеологической борьбы, связанной с Флорентийской унией. Касаясь чисто духовной, богословски-мистической проблематики, критически настроенный автор объявляет “необоснованным” мнение о Сергии Радонежском как распространителе идей византийского исихазма. Конечно, отвергается и определяющая роль афонского мистического учения в духовной жизни русских земель накануне и после Куликовской битвы. Характерно, что здесь в наибольшей степени заметны конфессионально окрашенные вкусы и предпочтения биографа Троицкого игумена. Признавая “размытость и неопределённость” термина “исихазм”, А. Е. Петров далее пишет: “На Руси так и не были восприняты идеи Паламы об обожении. Не привился в русском монашестве и равнодушный к мирским чаяниям индивидуализм безмолствующих в молитве (паламизм для достижения состояния обожения не предполагает ни коллективных действий, ни общей причастности благодати). На Руси уединение от мира предполагало возврат к нему через любовь. В силу общинных стереотипов в мировоззрении русскому монашеству была не свойственна концепция индивидуального спасения. Поэтому-то и целью затворничества было не столько собственное спасение, сколько служение миру примером”.

Не трудно заметить, что такие черты подвига преподобного Сергия как трезвенность, практичность, даже прагматизм в решении жизненных проблем (на них обращал внимание ещё Г. П. Фёдоров) находят особый отклик у автора; мистические откровения Преподобному явно не вдохновляют историка (а ведь Сергей Радонежский удостоился явления Пресвятой Богородицы – событие неординарное в контексте русской, да и христианской в целом агиографии). Чудеса святого объясняются “действительным даром личного магнетизма”, а там, где они явно превосходят этот дар – констатируется, что “ автор жизнеописания как бы невольно подталкивает своего читателя к материалистической трактовке произошедшего чуда”. Заслуживает внимания, что вывод, к которому приходит историк в конце своего прагматического изложения, в принципе совпадает с традиционной трактовкой личности Сергия: “Современники сумели выделить и оценить то главное, чему мог научить их пример троцкого игумена, – они восприняли нравственный и одновременно социальный идеал старца. Этот идеал, основанный на оптимизме русской православной традиции, воплощенный в жизнь личным примером игумена, стал для современников образцом общежития. Общежития, основанного на простоте (умеренности, естественности), силе (как физической, так и духовной и энергетической) и нравственности, тесно связанной как с гражданской позицией самого игумена (читай: его общины), так и с представлениями о социальной справедливости. Как ни странно, главные уроки миротворца Сергия, собственно и заложившие основу сергиевской традиции, состоят в противостоянии. Противостоянии единства и разделенности мира, принципов коллективизма и избранности, общины и иерархии, труда и наживы”» (Антоненко С.

Конфессиональная составляющая исторического дискурса в современной России // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под редакцией Г. А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2013.С. 673 – 675).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Дни памяти Сергия Радонежского.

23 мая / 5 июня – Собор Ростово-Ярославских святых;

05 июля / 18 июля – обретение мощей Сергия Радонежского;

06 июля / 19 июля – Собор Радонежских святых;

23 июня / 6 июля — Собор Владимирских святых;

25 сентября / 08 октября – преставление Сергия Радонежского;

А также:

Собор всех святых, в земле Русской просиявших, или Неделя всех святых, в земле Русской просиявших (во 2-ю Неделю по Пятидесятнице, то есть во второе воскресенье после Троицы)

Собор Московских святых (воскресенье перед 26 августа / 8 сентября)

2. Храмы.

Сергий Радонежский – один из самых почитаемых русских святых, ему посвящено большое количество храмов. Своим святым покровителем преподобного Сергия считали артиллеристы («пушкари»). В Москве в 1684 году была освящена каменная церковь преподобного Сергия в Пушкарях; в Санкт-Петербурге в 1798 – 1800 годах был сооружен Сергиевский всей артиллерии собор.

Согласно базе данных сайта «Храмы России» (<http://temples.ru/>) (по состоянию на 28 октября 2012 года) по всей России Сергию Радонежскому посвящены храмы и часовни числом 591. Если речь

идет о храмах, имеется в виду, что во имя преподобного Сергия освящен один из престолов храма, но не обязательно главный. Статистика сайта «Храмы России» включает действующие, сохранившиеся, но не действующие, не сохранившиеся и строящиеся храмы и может включать храмы, принадлежащие старообрядцам. Кроме того, эта статистика включает в себя данные по домовым храмам (расположенным на территориях больниц и других социальных учреждений). Данные по часовням включены в неё.

Люблю книги
ljubljuknigi.ru

yes
I want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн - в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов!
Мы используем экологически безопасную технологию "Печать-на-Заказ".

Покупайте Ваши книги на
www.ljubljuknigi.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of the world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.ljubljuknigi.ru

OmniScriptum Marketing DEU GmbH
Bahnhofstr. 28
D - 66111 Saarbrücken
Telefax: +49 681 93 81 567-9

info@omniscrptum.com
www.omniscrptum.com

OMNIScriptum

